Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 101. 1-го іюня 1905 г. Годъ V

КЪ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гуллѣ, кончила его позоромъ при Цушимѣ. Всѣ военные спеціалисты сходятся въ томъ, что міръ не видалъ еще такого полнаго, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю царскаго флота въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры — дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосвѣтскихъ гостиныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы,—наисловачу только что оторванные отъ сохи, наполовину — непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго „бунта". Таковъ составъ экипажа, на который Николай Романовъ возложилъ „священную" миссію отстаивать царизмъ на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту каинову печать, которой отмѣченъ императорскій двуглавый орелъ, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ Артура, запускавшее свои цѣпкія лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тюренченѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ послѣднимъ козыремъ царизма — армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати и которая заставила даже кое какихъ европейскихъ спеціалистовъ считаться — послѣ Гулля! — съ возможностью побѣды царскаго флота! Европейская и русская реакція все еще *не хотѣла* вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости самодержавія, которая давно уже съ математическою точностью была констатирована соціальдемократіей, какъ *боялся* вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности. Цушима — раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цушимы русская реакція требуетъ *замѣны* самодержавія военной диктатурой, европейская — въ лицѣ германскаго императора — начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдителѣ, которому еще недавно, „за одинъ косой взглядъ" грозилъ „бронированный кулакъ".

Свершилось неизбѣжное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія царизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра царизма. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ самодержавіе прекратить войну, — потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбѣжны. Но мало того. Послѣ Цушимы болѣе, чѣмъ когда либо война начинаетъ вестись не только на счетъ *настоящаго* страны, но и на счетъ ея *будущаго*. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О *господствѣ* на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь идетъ уже не о господствѣ, а о сохраненіи тѣхъ позицій на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое построеніе вопроса о Ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложненіями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбѣжно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пораженія при Цушимѣ. Царское правительство отмѣтило эту перемѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безсильно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обагрить кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель самодержавія. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверные выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того „народнаго представительства", о близкомъ введеніи котораго носятся упорные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самые слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „конституціонный" уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10495 „Новаго Времени" сообщеніи о „Государственной Думѣ". Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ булыгинскій проектъ *принятъ* съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собою въ законченномъ видѣ тотъ „листъ бумаги", которымъ Николай II думаетъ — въ крайнемъ случаѣ — разсчитаться съ „любезными вѣрноподданными" за вѣка самодержавнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны внѣшней и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго „представительнаго учрежденія". Даже въ архаическомъ „соборѣ" царское правительство почуяло слишкомъ „вольный" душокъ! Начавъ съ „Земскаго Собора", перейдя къ „Земскому Совѣту", правительство, какъ говоритъ „Новое Время", сдѣлало „за истекшій мѣсяцъ" „измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты". Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ *совѣщательный* характеръ учрежденія (*дума!*), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной „земщинѣ" и нарочито выдвинуто подчиненіе „конституціонной" палаты государственной опричнинѣ!

О самой „конституціи" не стоитъ, пожалуй, и говорить: 1½-2 мѣсяца въ году засѣдающая „дума" съ верхней палатой въ видѣ... государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство, — что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ „народнымъ представительствомъ", котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго „представительства". Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (съѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ — уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ,—будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія — отъ владѣющихъ кое какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ „либеральныхъ профессій". Только рабочимъ да еще пролетаризованному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ „съѣздовъ". Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства, царское правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю россійской революціи — пролетаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть „прогрессивныхъ" элементовъ готова была-бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсѣмъ иной путь. Такъ какъ царское правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только *каррикатурное* представительство, и такъ какъ даже и эта каррикатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгула административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ „черныхъ сотенъ", безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнять, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскіе „гарантіи", за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный „правопорядокъ". И такъ какъ самодержавіе не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе ко той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской наковальнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы царизма.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано „право" избирать представителей въ Государственную Думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отнюдь нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только „подданными", адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того-же „единогласія". Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика соціальдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ! Когда наканунѣ, въ Шиповскомъ „частномъ" совѣщаніи, часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ „единогласіи", устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права ссылаясь на то, что это „проповѣдь теоріи борьбы", выступаетъ противъ демократической „платформы", заявляя, что это — „посѣвъ" того „раздора, который мы видѣ видимъ заграницей", то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того „единогласія", на которомъ сошлись земцы? Это единогласіе означаетъ нечто иное, какъ *готовность* измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско японскую войну въ „войну національную". Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляетъ буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ тріумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва Государственной Думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и соціальдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того-же требованія своего—созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое иное представительное учрежденіе, хотя бы оно было и иного калибра, чѣмъ Булыгинская Дума, въ глазахъ соціальдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ Всенародному Учредительному Собранію. Необходимо теперь-же въ связи съ предстоящими выборами въ Думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснить рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ ними, который совершаетъ царское правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за Учредительное Собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли-бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся *рабочіе агитаціонные комитеты* должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней не участвовали. Они должны предъявлять требованіе В. У. С. въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей— заявить въ Думѣ требованіе созыва Учредительнаго Собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго „народнаго" представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. *Ненароднымъ* выборомъ по земскому положенію 1864 г. они должны противоставить идею *народныхъ* выборовъ — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городского и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться „законные" депутаты, выбирать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посылки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Они создадутъ какъ бы цѣлую сѣть представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ. Роль, которую можетъ сыграть такое революціонное самоуправленіе народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необозрима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе Учредительнаго Собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной дилеммой: или съ безнадежно гибнущимъ самодержавіемъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, разумѣется, и въ этихъ *представительныхъ* органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго возстанія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его *классовой* сознательности и *классовой* организованности, мѣрой вліянія и роста соціальдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности „народныхъ" представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь-же должны начать готовить рабочія *массы* къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ Государственной Думы. Отъ состава Думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависѣть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ царизма, будетъ направлено и противъ самой Думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ Думы, и оно-же смететъ ихъ вмѣстѣ съ самодержавіемъ, если они вздумаютъ вести двойную игру и идти на уступки царизму.

ВОЖДЕЛѢНІЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ АГРАРІЕВЪ.

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, на сколько мы могли убѣдиться, сочувственно всей нашей передовой печатью. Всѣ увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ, можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, пріостановить разгорающееся крестьянское движеніе несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кое-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляетъ его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти на встрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюціей мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее насквозь оппортюнизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ Освобожденія г. П. Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселеній и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) „національзація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи"; такъ какъ „широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель", а „крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу", то устранить зло малоземелья можно только „путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею". Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ предоставить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько староверовъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредиты, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую „догму" на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти „догматики" боялись, — и съ своей точки зрѣнія основательно, — что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. „Резолюція, говорили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податного бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землею—мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзки невеликъ и не улучшитъ положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго [illegible] слишкомъ радикальны, такъ [illegible] уже теперь больше [illegible] половину сокращаютъ площ[illegible] удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ [illegible]спективу возможности [illegible] шемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ [illegible] частное землевладѣніе". (Ц[illegible] 117 Русск. Вѣ[illegible]

Мы видимъ, что расхож[illegible] сторонниками „дополнительнаго надѣла", съ од[illegible] экономическихъ и финансовыхъ реформъ,—съ другой, было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиновниками въ коммиссіи по рабочему вопросу Коковцева. Но то, что не удалось этой коммиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо „несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливой самыми докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюціи о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципіально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія". (Рус. Вѣд.).

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 101. 1-го іюня 1905 г. Годъ V

КЪ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гуллѣ, кончила его позоромъ при Цусимѣ. Всѣ военные спеціалисты сходятся въ томъ, что міръ не видалъ еще такого полнаго, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю царскаго флота въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры — дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосвѣтскихъ гостиныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы,—наполовину только что оторванные отъ сохи, наполовину — непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго „бунта". Таковъ составъ экипажа, на который Николай Романовъ возложилъ „священную" миссію отстаивать царизмъ на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту каинову печать, которой отмѣченъ императорскій двуглавый орелъ, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ Артура, запускавшее свои цѣпкія лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тюренченѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ послѣднимъ козыремъ царизма — армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати и которая заставила даже кое какихъ европейскихъ спеціалистовъ считаться — послѣ Гулля! — съ возможностью побѣды царскаго флота! Европейская и русская реакція все еще *не хотѣла* вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости самодержавія, которая давно уже съ математической точностью была констатирована соціальдемократіей, какъ *боялся* вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности, Цусима — раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цусимы русская реакція требуетъ *замѣны* самодержавія военной диктатурой, европейская — въ лицѣ германскаго императора — начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдителѣ, которому еще недавно, „за одинъ косой взглядъ" грозилъ „бронированный кулакъ".

Свершилось неизбѣжное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія царизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра царизма. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ самодержавіе прекратить войну, — потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбѣжны. Но мало того. Послѣ Цусимы болѣе, чѣмъ когда либо война начинаетъ вестись не только на счетъ *настоящаго* страны, но и на счетъ ея *будущаго*. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О *господствѣ* на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь идетъ уже не о господствѣ, а о сохраненіи тѣхъ позицій на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое построеніе вопроса о Ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложненіями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбѣжно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пораженія при Цусимѣ. Царское правительство отмѣтило эту перемѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безсильно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обагрить кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель самодержавія. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверные выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того „народнаго представительства", о близкомъ введеніи котораго носятся упорные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самые слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „конституціонный" уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10495 „Новаго Времени" сообщеніи о „Государственной Думѣ". Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ булыгинскій проектъ принятъ съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собою въ законченномъ видѣ тотъ „листъ бумаги", которымъ Николай II думаетъ — въ крайнемъ случаѣ — разсчитаться съ „любезными вѣрноподданными" за вѣка самодержавнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны внѣшней и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго „представительнаго учрежденія". Даже въ архаическомъ „соборѣ" царское правительство почуяло слишкомъ „вольный" душокъ! Начавъ съ „Земскаго Собора", перейдя къ „Земскому Совѣту", правительство, какъ говоритъ „Новое Время", сдѣлало „за истекшій мѣсяцъ" „измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты". Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ *совѣщательный* характеръ учрежденія (*дума!*), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной „земщинѣ" и нарочито выдвинуто подчиненіе „конституціонной" палаты государственной опричнинѣ!

О самой „конституціи" не стоитъ, пожалуй, и говорить: 1½-2 мѣсяца въ году засѣдающая „*дума*" съ верхней палатой въ видѣ... государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство, — что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ „народнымъ представительствомъ", котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго „представительства". Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (съѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ — уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ,—будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія — отъ владѣющихъ кое какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ „либеральныхъ профессій". Только рабочимъ да еще пролетаризованному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ „съѣздовъ". Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства, царское правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю россійской революціи — пролетаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть „прогрессивныхъ" элементовъ готова была-бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсѣмъ иной путь. Такъ какъ царское правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только *каррикатурное* представительство, и такъ какъ даже и эта каррикатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгула административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ „черныхъ сотенъ", безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнять, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскія „гарантіи", за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный „правопорядокъ". И такъ какъ самодержавіе не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе ко той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской наковальнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы царизма.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано „право" избирать представителей въ Государственную Думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отнюдь нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только „подданными", адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того-же „единогласія". Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика соціальдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ! Когда накапунѣ, въ Шиповскомъ „частномъ" совѣщаніи, часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ „единогласіи", устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права, ссылаясь на то, что это „проповѣдь теоріи борьбы", выступаетъ противъ демократической „платформы", заявляя, что это — „посѣвъ" того „раздора, который мы видѣ видимъ заграницей", то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того „единогласія", на которомъ сошлись земцы? Это единогласіе означаетъ ничто иное, какъ *готовность* измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско японскую войну въ „войну національную". Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляетъ буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ тріумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва Государственной Думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и соціальдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того-же требованія своего—созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое иное представительное учрежденіе, хотя бы оно было и иного калибра, чѣмъ Булыгинская Дума, въ глазахъ соціальдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ Всенародному Учредительному Собранію. Необходимо теперь-же въ связи съ предстоящими выборами въ Думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснять рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ ними, который совершаетъ царское правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за Учредительное Собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли-бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся *рабочіе агитаціонные комитеты* должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней не участвовали. Они должны предъявлять требованіе В. У. С. въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей— заявить въ Думѣ требованіе созыва Учредительнаго Собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго „народнаго" представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. *Ненароднымъ* выборомъ по земскому положенію 1864 г. они должны противоставить идею *народныхъ* выборовъ — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городского и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться „законные" депутаты, выбирать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посылки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Они создадутъ какъ бы цѣлую сѣть представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ. Роль, которую можетъ сыграть такое революціонное самоуправленіе народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необозрима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе Учредительнаго Собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной дилеммой: или съ безнадежно гибнущимъ самодержавіемъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, *разумѣется*, и въ этихъ *представительныхъ* органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго возстанія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его *классовой* сознательности и *классовой* организованности, мѣрой вліянія и роста соціальдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности „народныхъ" представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь-же должны начать готовить рабочія *массы* къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ Государственной Думы. Отъ состава Думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависѣть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ царизма, будетъ направлено и противъ самой Думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ Думы, и оно-же смететъ ихъ вмѣстѣ съ самодержавіемъ, если они вздумаютъ вести двойную игру и идти на уступки царизму.

ВОЖДЕЛѢНІЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ АГРАРІЕВЪ.

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, на сколько мы могли убѣдиться, сочувственно всей нашей передовой печатью. Всѣ увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ, можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, пріостановить разгорающееся крестьянское движеніе несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кое-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляетъ его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти на встрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюціей мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее насквозь оппортюнизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ Освобожденія г. П. Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселеній и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) „національзація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи"; такъ какъ „широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель", а „крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу", то устранить зло малоземелья можно только „путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею". Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ предоставить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько старовѣровъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредиты, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую „догму" на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти „догматики" боялись, — и съ своей точки зрѣнія основательно, — что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. „Резолюція, говорили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податного бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землею — мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзокъ невеликъ и не улучшитъ положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго землевладѣнія практикуемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ на половину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе". (Цит. по № 117 Русск. Вѣд.)

Мы видимъ, что расхожденіе между сторонниками „дополнительнаго надѣла", съ одной стороны, и экономическихъ и финансовыхъ реформъ,—съ другой, было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиновниками въ коммиссіи по рабочему вопросу Коковцева. Но то, что не удалось этой коммиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо „несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливой самыми докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюціи о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципіально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія". (Рус. Вѣд.).

Итакъ—*выкупъ*, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. „Нужно, говоритъ князь Петръ Д. Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли“, „чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земель въ руки земледѣльца“.[1] Нужно, слѣдовательно, чтобы крестьянство заплатило въ три дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно незамѣтно для самого себя оказалось спутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. „Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ,[2] на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 300 мил. переведены были на крестьянъ и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время для выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ“. Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить отъ нынѣшнихъ кредиторовъ.

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. „При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія“.[1] Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности... свои либеральныя идеи. „При представительномъ образѣ правленія, — читаемъ мы въ докладѣ М. Я. Герценштейна по вопросу о національзаціи земли, — въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антогонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія“. Увѣренность господина профессора рѣшительно ни на чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втягиваніи его въ соціально-политическую борьбу. Исторія Англіи больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англіи показываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшему. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подчасъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обезпечены землей, даже раньше, чѣмъ всѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ такимъ образомъ часть крестьянскаго населенія прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ помѣщикамъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получитъ клочекъ земли, но въ то же время приготовляются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни отрывается отъ союза съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ въ надеждѣ стать *самостоятельными* хозяевами деревенская бѣднота не видитъ больше надобности бороться съ эксплуататорами *наемныхъ* рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануйлова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: „съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануйловъ, вполнѣ правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ“. Словомъ, крестьянинъ не только временно-обязанный плательщикъ государства, но отдается ему цѣликомъ подъ опеку. И понятно, что объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, царская, а новая, либеральная, назначенная „народными“ представителями: „въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя коммиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго надѣленія землею“. (Рус. Вѣд. № 123) Sapienti sat! Ища со-*чувствія* крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы *боятся ихъ со-дѣйствія*. Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу на счетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность, и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вожделѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вожделѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

---

[1]) № 116 Рус. Вѣд., докладъ князя Петра Д. Долгорукова „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“.

[2]) М. Я. Герценштейна о крест. поземельномъ банкѣ, см. Рус. Вѣд. № 122.

[1]) Тамъ же.

Изъ русской жизни.

Празднованіе 1-го мая въ районѣ Кубанскаго Комитета. Дѣятельность Кубанскаго комитета нашей партіи за послѣднее время сильно разрослась вширь и вглубь. Съ каждымъ днемъ силы организаціи растутъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области образуются новыя группы, но организація самого Кубанскаго комитета еще только складывается, и теперь на очереди стоитъ вопросъ о выработкѣ формы организаціи и устава комитета.

Объединяя дѣятельность группъ въ Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, на ст. Кавказской, Тихорѣцкой, Армавирѣ, Майкопѣ и другихъ мѣстахъ, Куб. Обл. комитетъ рѣшилъ вести майскую агитацію, по возможности, однообразно. 18-го апрѣля и 1-го мая (по ст. ст.) вездѣ должны были происходить массовки, на которыхъ выступали агитаторы Куб. комитета, вездѣ были распространены прокламаціи съ призывомъ праздновать рабочій праздникъ, для чего издано было 10 тыс. первомайскихъ листковъ и 2 тыс. пѣсенъ борьбы на 1-е мая 1905 г., кромѣ прокламацій мѣстныхъ группъ, и 4 тыс. прокламацій, изданныхъ Ц. К. Гдѣ организованныя силы позволяли, тамъ рѣшено было устроить демонстраціи (по ст. ст.), такъ какъ, на запросъ Южн. Бюро Ц. К. о праздновании, отъ него полученъ былъ краткій отвѣтъ, что по случаю съѣзда, 18-го апрѣля майскій праздникъ устроить не удастся. Мы даемъ пока отчетъ о майскихъ дняхъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Новороссійская группа Куб. Ком.

Январьскіе дни не вызвали у насъ открытаго протеста противъ царскаго самодержавія, но они сильно всколыхнули рабочую массу. Начался сильный приливъ въ организацію. Въ началѣ марта подъ знаменемъ С.-Д. насчитывалось до 30 кружковъ. Цѣлый рядъ ночныхъ агитаціонныхъ собраній въ горныхъ ущельяхъ сильно революціонизировалъ рабочую массу. Съ 1 по 15 апрѣля было устроено около 8-и районныхъ сходокъ. На каждой сходкѣ присутствовало отъ 150—300 человѣкъ, говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и Земскомъ Соборѣ, выяснялась программа минимумъ С.-Д. Городъ былъ подраздѣленъ на три района. Благодаря районнымъ собраніямъ организаторовъ и агитаторовъ, которые вербовались изъ наиболѣе энергичныхъ рабочихъ, организація группы расширилась, захватывая все большія и большія массы, стремясь органически, живыми нитями связать группу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ. На пасхѣ ожидался погромъ интеллигенціи и евреевъ. Городъ былъ полонъ слуховъ. Говорили, что правительство готовитъ провокаторскій фокусъ: будто-бы, явившись въ церковь, его агенты сорвутъ иконы, прокричатъ: „долой самодержавіе“, свалятъ все на соціалистовъ и поведутъ „черную сотню“ и любителей сильныхъ ощущеній бить интеллигенцію и евреевъ. Организація мало довѣряла слухамъ, но все-таки приняла мѣры предосторожности. Въ церковь явились вооруженные рабочіе, два дня по городу ходили рабочіе патрули; настроеніе рабочей массы повышалось. Нуженъ былъ незначительный инцидентъ, чтобы это настроеніе вылилось въ бурномъ протестѣ. Въ городъ еще до пасхи, по приглашенію благоразумныхъ думцевъ, была введена сотня казаковъ во главѣ съ офицеромъ Евилейскимъ. Евилейскій — извѣстный пьяница и самодуръ. Онъ отличался у насъ еще во время забастовки 1902 г. Этотъ выродокъ, путешествуя по городу въ сопровожденіи двухъ казаковъ 24 апрѣля, ударилъ по лицу рабочаго, проходившаго мимо съ малолѣтнею дочерью. На крикъ быстро сбѣжались рабочіе. Казаки обнажили шашки, офицеръ вынулъ револьверъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, организованный рабочій, схватилъ два булыжника и устремился на офицера. Послѣдній выстрѣлилъ и ранилъ дѣвочку. Товарищъ ударилъ наглеца камнемъ, и храбрый воинъ пустился бѣжать, преслѣдуемый толпой рабочихъ. Была-бы „собакѣ—собачья смерть“, да удалось ей скрыться въ меблированныя комнаты. Толпа около двухъ тысячъ человѣкъ долго аттаковывала зданіе, пока офицеръ не былъ арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ въ Екатеринодаръ. На мѣсто происшествія были вызваны двѣ роты солдатъ. Слышно, что солдаты передъ выходомъ изъ казармы дали другъ другу клятву не стрѣлять въ народъ. За недѣлю до 1-го мая группа выработала планъ первомайской кампаніи. Рѣшено было устроить демонстрацію 1 мая и общую забастовку 2 мая; чтобы гарантировать успѣхъ празднованія и привлечь болѣе широкіе слои населенія, предполагалось 27-го апрѣля организовать общую массовку за городомъ, 28-го демонстрацію въ думѣ, 29-го митинги на заводахъ. Планъ кампаніи обсужденъ былъ на собраніи районныхъ организаторовъ и принятъ единогласно. 27-го апрѣля состоялась общая массовка. Присутствовало до 900 чел. Говорили 4 оратора. Картина была захватывающая. Луна тускло освѣщала наше убѣжище въ расщелинѣ горы, а тамъ въ отдаленіи у нашихъ ногъ лежалъ въ освѣщеніи буржуазный городъ и величественно обрисовывались контуры элеватора. Говорилось о значеніи 1-го мая, о преступленіяхъ царскаго самодержавія, объ Учредительномъ Собраніи и объ отношеніи къ либераламъ. Глаза пролетаріевъ блистали огнемъ, мускулистыя руки грозно поднимались кверху и изъ 900 пролетарскихъ грудей мощно вылетало: „долой самодержавіе!“, „смерть тиранамъ!“, „да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“, „да здравствуетъ соціальдемократія!“. Эти кличи раздавались непрестанно, они носились въ воздухѣ, грозно неслись по скату горы и, все болѣе распространяясь, они достигали уха испуганной администраціи. На предложеніе одного оратора выйти на первомайскую демонстрацію и 2-го мая забастовать послышалось мощное и дружное — „согласны“. На этомъ-же

Къ работамъ „твердаго“ съѣзда.

Вопросы организаціонные.

Знаменательной чертой „твердаго“ съѣзда является въ высшей степени консервативный характеръ тѣхъ его рѣшеній, которыя имѣютъ отношеніе къ *организаціоннымъ* вопросамъ.

Начать съ постройки партіи „въ цѣломъ“. Стоитъ только пробѣжать новый уставъ, выработанный съѣздомъ, чтобы убѣдиться, что принимавшіе его товарищи стояли всецѣло на почвѣ *механическаго централизма*. Исторически сложившаяся ячейка нашей партійной руководящей организаціи — комитетъ. Со времени второго съѣзда мы бьемся надъ задачей *объединенія* работы многочисленныхъ комитетовъ, надъ задачей созданія *центральнаго аппарата* руководства. Какъ рѣшала Партія эту задачу до сихъ поръ? Опытъ по руководству пролетарскимъ движеніемъ имѣлся въ головахъ наиболѣе поработавшихъ, наиболѣе энергичныхъ и наилучше подготовленныхъ „комитетчиковъ“. Совокупность ихъ, воплощенная (по идеѣ) въ партійномъ съѣздѣ, намѣчаетъ *общія* директивы для партійныхъ работниковъ. Но дальнѣйшая разработка этихъ директивъ, примѣненіе ихъ къ быстро мѣняющимся внѣшнимъ условіямъ нашей борьбы, самостоятельная иниціатива въ новыхъ для партіи вопросахъ — все это должно быть дѣломъ постояннаго спеціальнаго органа — центральнаго комитета. Какъ же образовать такой органъ? Прежняя практика рѣшала его въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть составленъ изъ „немѣстныхъ“ спеціалистовъ — изъ товарищей, не связанныхъ съ мѣстной работой, ибо „комитетчики“, связанные съ нею, прежде всего, считаются ограниченными въ своемъ кругозорѣ мѣстныхъ практиковъ и зараженными „приходскимъ духомъ“. Приходится, слѣдовательно, составлять Центральный Комитетъ изъ соціальдемократовъ, не ведшихъ продолжительной и успѣшной работы по организаціи рабочихъ, по агитаціи и пропагандѣ въ ихъ средѣ. Гдѣ взять такихъ? Функціи технически конспиративныя всякаго рода создали значительные кадры такихъ „профессіоналовъ“. Коллегія наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ и составитъ Ц. К., прочіе — тотъ многочисленный персоналъ „агентовъ“ и „бюро“, при посредствѣ котораго она будетъ выполнять функціи политическаго руководства.

Какъ же она будетъ выполнять ихъ? Объединеніе работы мѣстныхъ комитетовъ требуетъ отличнаго пониманія ея методовъ и ея условій; *руководство* ею требуетъ, чтобы руководящіе являлись иниціаторами въ дѣлѣ постояннаго улучшенія способовъ агитаціи, пропаганды, организаціи; чтобы они постоянно направляли ведущуюся комитетами политическую борьбу. Первое условіе для этого, чтобы руководящій центръ являлся хорошо освѣдомленнымъ о ходѣ работы во всѣхъ концахъ Россіи, чтобы онъ могъ изъ одного пункта охватывать всю партійную работу въ цѣломъ. Механическій централизмъ рѣшалъ эту задачу какъ нельзя проще. Центръ связанъ извѣстными нитями съ каждой изъ многочисленныхъ мѣстныхъ организацій. По этимъ нитямъ мѣстныя организаціи передаютъ въ центръ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о ходѣ движенія, свой политическій опытъ; перерабатывая весь этотъ матеріалъ, центръ долженъ выполнять свою функцію руководства.

Практика показала, что должно получиться при такомъ построеніи. Партійный центръ, получая прошедшія черезъ призмы его агентовъ и бюро сообщенія о ходѣ работы на мѣстахъ, *никогда* не имѣлъ передъ собой сколько-нибудь полной и вѣрной картины движенія. Состоя изъ дѣятелей, очень мало или вовсе не связанныхъ съ мѣстной работой, центральная коллегія совершенно не пріобрѣтала навыковъ въ руководствѣ движеніемъ, не развивала въ себѣ умѣнія давать иниціативу, направлять, въ качествѣ *практическаго* центра, политическую дѣятельность комитетовъ, вести ихъ за собою на путь опредѣленныхъ политическихъ дѣйствій. *Ни разу* за время существованія Ц. К. (и „бюро большинства“, замѣнившаго собою для части партіи Ц. К.), отъ него не вышла какая нибудь иниціатива въ дѣлѣ политической борьбы. Поскольку въ дѣйствіяхъ нашихъ комитетовъ замѣчалось единство содержанія агитаціи по опредѣленному политическому вопросу, оно достигалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой заграничному *литературному* центру удавалось бросить опредѣленные политическіе лозунги и въ какой эти послѣдніе усваивались комитетами (агитація противъ войны, земская кампанія). Обѣ „маевки“ послѣднихъ двухъ лѣтъ прошли безъ всякаго организаціоннаго вліянія Ц. К. на агитацію комитетовъ. Могучее движеніе въ январѣ-февралѣ точно также направлялось комитетами, независимо отъ Ц. К. Партійный русскій центръ выполнялъ, такъ или иначе, техническія и административныя въ узкомъ смыслѣ функціи, политической работы онъ почти не выполнялъ. Состоя изъ спеціалистовъ технико-конспиративной отрасли нашего революціоннаго дѣла, онъ въ самомъ себѣ не обладалъ никакими гарантіями пригодности къ роли политически руководящей организаціи, а его собственный организаціонный аппаратъ былъ какъ бы нарочно приспособленъ къ тому, чтобы не развивать въ немъ политическихъ способностей, чтобы затруднять ему выполненіе функціи руководства даже въ наиболѣе простомъ видѣ. Благодаря упрощенному характеру централизма, проведеннаго въ его громоздкой организаціи,—Ц. К. + агенты + мѣстные комитеты — даже общерусскія политическія прокламаціи, выпускавшіяся имъ въ цѣляхъ объединенія мѣстной агитаціи, по роковой необходимости, приходили всегда на мѣста съ непозволительнымъ опозданіемъ, раздражая мѣстныхъ практиковъ соображеніями о тщетѣ затраты многочисленныхъ партійныхъ средствъ и силъ: такъ, листокъ о пораженіи подъ Ляояномъ пришелъ на мѣста ко времени битвы подъ Мукденомъ, листки о политикѣ Святополкъ-Мирскаго—къ тому времени, когда царили уже Булыгинъ съ Треповымъ. Въ результатѣ,—мѣстные комитеты, нуждавшіеся въ общепартійной организаціи политической агитаціи, оставались предоставленными собственнымъ силамъ, и это въ значительной степени потому, что стремленіе къ „идеально“—простой и совершенной формѣ централизаціи, выражающейся въ *одной* центральной группѣ, горделиво возвышающейся надъ полусотней разсѣянныхъ по всей Россіи комитетовъ, убивало въ корнѣ всякую возможность для *такого* центра объединить и координировать что бы то ни было. Развѣтвленіе Центральнаго Комитета въ видѣ сѣти бюро и спеціальныхъ агентовъ только ухудшало дѣло, почти не подвигая впередъ къ выполненію поставленной задачи. Кое что полезное эти бюро Ц. К. выполняли, но лишь постольку, поскольку, отступая отъ централистической схемы, становились подобіемъ автономныхъ областныхъ центровъ; поскольку же они сохраняли значеніе исполнительныхъ группъ „сильнаго“ центра, они только отрѣзывали его окончательно отъ непосредственнаго общенія съ мѣстными работниками и содѣйствовали его вырожденію въ чистую „руководящую“ канцелярію, въ свою очередь, создавая вокругъ послѣдней чисто бюрократическій институтъ. Укрѣпленіе мѣстнаго „кустарничества“ въ области политической работы и неизмѣрное развитіе партійной бюрократіи,—таковъ конечный итогъ нашей централистической практики.

Здѣсь намъ надо отвести одно ходячее возраженіе. Развѣ въ западно-европейскихъ соц. демократическихъ партіяхъ нѣтъ такой же „бюрократіи“ спеціалистовъ на общепартійныхъ функціяхъ? Почему германскій Vorstand — группа изъ пяти лицъ — можетъ выбираться на съѣздѣ, а русскій — нѣтъ? Говорящіе такъ забываютъ, что помимо наличности въ той же Германіи сложнаго аппарата областныхъ центровъ, условія работы германскихъ товарищей мѣшаютъ вырожденію общепартійныхъ центровъ въ учрежденія бюрократическія. *Ауэрамъ* и Бебелямъ нѣтъ необходимости работать въ мѣстныхъ группахъ, чтобы *соприкасаться* съ массовымъ движеніемъ въ роли пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ. Парламентская дѣятельность и избирательная борьба, агитаціонныя собранія и непосредственное участіе въ руководствѣ крупными стачками— всѣ эти и многія другія „возможности“ представляются членамъ германскихъ центровъ для „повседневнаго“ упражненія въ себѣ способности политическихъ дѣятелей. Между тѣмъ какъ у насъ конспиративныя условія неизбѣжно отрываютъ „профессіоналовъ“ общепартійной работы отъ всякаго почти общенія съ проявленіями политической дѣятельности массъ.

Надо ли говорить, въ какой мѣрѣ бюрократическое вырожденіе нашего централизма парализуетъ партійную работу? Пролетарское движеніе неудержимо выливается за предѣлы узкой мѣстной борьбы. Кто хочетъ сохранить за собой руководство имъ, обязанъ стремиться координировать, объединять работу соціальдемократіи на всемъ протяженіи движенія. Это необходимо даже для „будничной“ борьбы, которая, впрочемъ, все болѣе и болѣе становится непрерывающейся гражданской войной, революціей въ полномъ смыслѣ слова. А вѣдь, въ перспективѣ у насъ — „всенародное вооруженное возстаніе“. Не только „назначить“ и „подготовить“ его, но просто руководить имъ и объединить его проявленія немыслимо при той организаціонной „разбросанности“, которая царитъ въ партіи. Нужна самая тѣсная связь между руководящими мѣстнымъ движеніемъ центрами; нужна революціонная иниціатива и организаціонное руководство, не сваливающіяся, какъ снѣгъ на голову, изъ далекаго центра на мѣстныя группы, не рождающіяся внезапно въ тиши болѣе или менѣе замкнутыхъ „центральныхъ“ кружковъ, но вырабатывающіяся на практикѣ постояннаго коллективнаго обсужденія и обмѣна мнѣній, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ работой тысячъ нашихъ агитаторовъ, организаторовъ и пропагандистовъ. Нужно, чтобы не только одинъ какой нибудь центръ, но и вся „округа“, вся, по возможности, партія знала заранѣе о томъ, что готовится въ ближайшемъ будущемъ въ такомъ то пунктѣ движенія, какое массовое выступленіе стихійно наростаетъ, какія опредѣленныя дѣйствія планомѣрно подготовляются организаціей; чтобы вся партія могла принять свои подготовительныя мѣры, дабы имѣть возможность „подхватить“ начавшееся въ одномъ углу движеніе; нужно, чтобы партійный центръ обозрѣвалъ ясную для него картину состоянія движенія, могъ, въ виду наступающихъ событій, съ *увѣренностью*, а не очертя голову, дать тотъ или иной пароль къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ по всей линіи. Это именно и будетъ тѣмъ централизованнымъ руководствомъ, о которомъ у насъ столько говорятъ и для возможности котораго такъ мало

Итакъ—*выкупъ*, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. „Нужно, говоритъ князь Петръ Д. Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли“, „чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земель въ руки земледѣльца“.[1] Нужно, слѣдовательно, чтобы крестьянство заплатило въ три дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно незамѣтно для самого себя оказалось спутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. „Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ,[2] на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 300 мил. переведены были на крестьянъ и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время *для* выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ“. Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить отъ нынѣшнихъ кредиторовъ.

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. „При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія“.[1] Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности.. свои либеральныя идеи. „При представительномъ образѣ правленія, — читаемъ мы въ докладѣ М. Я. Герценштейна по вопросу о національзація земли, — въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антогонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія“. Увѣренность господина профессора рѣшительно ни на чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втягиваніи его въ соціально-политическую борьбу. Исторія Англіи больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англіи показываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшему. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подчасъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обезпечены землей, даже раньше, чѣмъ всѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ такимъ образомъ часть крестьянскаго *населенія прикрѣпляется* къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ помѣщикамъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получитъ клочекъ земли, но въ то же время приготовляются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни *отрывается отъ союза* съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ въ надеждѣ стать *самостоятельными* хозяевами деревенская бѣднота не видитъ больше надобности бороться съ эксплуататорами *наемныхъ* рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануйлова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ, а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: „съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануйловъ, вполнѣ правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ“. Словомъ, крестьянинъ не только временно-обязанный плательщикъ государства, но отдается ему цѣликомъ подъ опеку. И понятно, что объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, царская, а *новая*, либеральная, назначенная „народными“ представителями: „въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя коммиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго *надѣленія землею*“. (Рус. Вѣд. № 123). Sapienti sat! Ища *со-чувствія* крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы боятся ихъ *со-дѣйствія*. Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу на счетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность, и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вожделѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вожделѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

---

[1] № 116 Рус. Вѣд., докладъ князя Петра Д. Долгорукова „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“.

[2] М. Я. Герценштейна о крест. поземельномъ банкѣ, см. Рус. Вѣд. № 122.

[1] Тамъ же.

Изъ русской жизни.

Празднованіе 1-го мая въ районѣ Кубанскаго Комитета. Дѣятельность Кубанскаго комитета нашей партіи за послѣднее время сильно разрослась вширь и вглубь. Съ каждымъ днемъ силы организаціи растутъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области образуются новыя группы, но организація самого Кубанскаго комитета еще только складывается, и теперь на очереди стоитъ вопросъ о выработкѣ формы организаціи и устава комитета.

Объединяя дѣятельность группъ въ Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, на ст. Кавказской, Тихорѣцкой, Армавирѣ, Майкопѣ и другихъ мѣстахъ, Куб. Обл. комитетъ рѣшилъ вести майскую агитацію, по возможности, однообразно. 18-го апрѣля и 1-го мая (по ст. ст.) вездѣ должны были происходить массовки, на которыхъ выступали агитаторы Куб. комитета, вездѣ были распространены прокламаціи съ призывомъ праздновать рабочій праздникъ, для чего издано было 10 тыс. первомайскихъ листковъ и 2 тыс. пѣсенъ борьбы на 1-е мая 1905 г., кромѣ прокламацій мѣстныхъ группъ, и 4 тыс. прокламацій, изданныхъ Ц. К. Гдѣ организованныя силы позволяли, тамъ рѣшено было устроить демонстраціи (по ст. ст.), такъ какъ, на запросъ Южн. Бюро Ц. К. о празднованіи, отъ него полученъ былъ краткій отвѣтъ, что по случаю съѣзда, 18-го апрѣля майскій праздникъ устроить не удастся. Мы даемъ пока отчетъ о майскихъ дняхъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Новороссійская группа Куб. Ком.

Январьскіе дни не вызвали у насъ открытаго протеста противъ царскаго самодержавія, но они сильно всколыхнули рабочую массу. Начался сильный приливъ въ организацію. Въ началѣ марта подъ знаменемъ С.-Д. насчитывалось до 30 кружковъ. Цѣлый рядъ ночныхъ агитаціонныхъ собраній въ горныхъ ущельяхъ сильно революціонизировалъ рабочую массу. Съ 1 по 15 апрѣля было устроено около 8-ми районныхъ сходокъ. На каждой сходкѣ присутствовало отъ 150—300 человѣкъ, говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и Земскомъ Соборѣ, выяснялась программа минимумъ С.-Д. Городъ былъ подраздѣленъ на три района. Благодаря районнымъ собраніямъ организаторовъ и агитаторовъ, которые вербовались изъ наиболѣе энергичныхъ рабочихъ, организація группы расширилась, захватывая все большія и большія массы, стремясь органически, живыми нитями связать группу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ. На пасхѣ ожидался погромъ интеллигенціи и евреевъ. Городъ былъ полонъ слуховъ. Говорили, что правительство готовитъ провокаторскій фокусъ: будто-бы, явившись въ церковь, его агенты сорвутъ иконы, прокричатъ: „долой самодержавіе“, свалятъ все на соціалистовъ и поведутъ „черную сотню“ и любителей сильныхъ ощущеній бить интеллигенцію и евреевъ. Организація мало довѣряла слухамъ, но все-таки приняла мѣры предосторожности. Въ церковь явились вооруженные рабочіе, два дня по городу ходили рабочіе патрули; настроеніе рабочей массы повышалось. Нуженъ былъ незначительный инцидентъ, чтобы это настроеніе выразилось въ бурномъ протестѣ. Въ городъ еще до пасхи, по приглашенію благоразумныхъ думцевъ, была введена сотня казаковъ во главѣ съ офицеромъ Евилейскимъ. Евилейскій — извѣстный пьяница и самодуръ. Онъ отличался у насъ еще во время забастовки 1902 г. Этотъ выродокъ, путешествуя по городу въ сопровожденіи двухъ казаковъ 24 апрѣля, ударилъ по лицу рабочаго, проходившаго мимо съ малолѣтней дочерью. На крикъ быстро сбѣжались рабочіе. Казаки обнажили шашки, офицеръ вынулъ револьверъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, организованный рабочій, схватилъ два булыжника и устремился на офицера. Послѣдній выстрѣлилъ и ранилъ дѣвочку. Товарищъ ударилъ наглеца камнемъ, и храбрый воинъ пустился бѣжать, преслѣдуемый толпой рабочихъ. Была-бы „собакѣ—собачья смерть“, да удалось ей скрыться въ меблированныя комнаты. Толпа около двухъ тысячъ человѣкъ долго аттаковывала зданіе, пока офицеръ не былъ арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ въ Екатеринодаръ. На мѣсто происшествія были вызваны двѣ роты солдатъ. Слышно, что солдаты передъ выходомъ изъ казармы дали другъ другу клятву не стрѣлять въ народъ. За недѣлю до 1-го мая группа выработала планъ первомайской кампаніи. Рѣшено было устроить демонстрацію 1 мая и общую забастовку 2 мая; чтобы гарантировать успѣхъ празднованія и привлечь болѣе широкіе слои населенія, предполагалось 27-го апрѣля организовать общую массовку за городомъ, 28-го демонстрацію въ думѣ, 29-го митинги на заводахъ. Планъ кампаніи обсужденъ былъ на собраніи районныхъ организаторовъ и принятъ единогласно. 27-го апрѣля состоялась общая массовка. Присутствовало до 900 чел. Говорили 4 оратора. Картина была захватывающая. Луна тускло освѣщала наше убѣжище въ расщелинѣ горы, а тамъ въ отдаленіи у нашихъ ногъ лежалъ въ освѣщеніи буржуазный городъ и величественно обрисовывались контуры элеватора. Говорилось о значеніи 1-го мая, о преступленіяхъ царскаго самодержавія, объ Учредительномъ Собраніи и объ отношеніи къ либераламъ. Глаза пролетаріевъ блистали огнемъ, мускулистыя руки грозно поднимались кверху и изъ 900 пролетарскихъ грудей мощно вылетало: „долой самодержавіе!“, „смерть тиранамъ!“, „да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“, „да здравствуетъ соціальдемократія!“. Эти кличи раздавались непрестанно, они носились въ воздухѣ, грозно неслись по скату горы и, все болѣе распространяясь, они достигали уха испуганной администраціи. На предложеніе одного оратора выйти на первомайскую демонстрацію и 2-го мая забастовать послышалось мощное и дружное — „согласны“. На этомъ-же

Къ работамъ „твердаго“ съѣзда.

Вопросы организаціонные.

Знаменательной чертой „твердаго“ съѣзда является въ высшей степени консервативный характеръ тѣхъ его рѣшеній, которыя имѣютъ отношеніе къ *организаціоннымъ* вопросамъ.

Начать съ постройки партіи „въ цѣломъ“. Стоитъ только пробѣжать новый уставъ, выработанный съѣздомъ, чтобы убѣдиться, что принимавшіе его товарищи стояли всецѣло на почвѣ *механическаго централизма*. Исторически сложившаяся ячейка нашей партійной руководящей организаціи — комитетъ. Со времени второго съѣзда мы бьемся надъ задачей *объединенія* работы многочисленныхъ комитетовъ, надъ задачей созданія *центральнаго аппарата* руководства. Какъ рѣшала Партія эту задачу до сихъ поръ? Опытъ по руководству пролетарскимъ движеніемъ имѣлся въ головахъ наиболѣе поработавшихъ, наиболѣе энергичныхъ и наилучше подготовленныхъ „комитетчиковъ“. Совокупность ихъ, воплощенная (по идеѣ) въ партійномъ съѣздѣ, намѣчаетъ *общія* директивы для партійныхъ работниковъ. Но дальнѣйшая разработка этихъ директивъ, примѣненіе ихъ къ быстро мѣняющимся внѣшнимъ условіямъ нашей борьбы, самостоятельная инниціатива въ новыхъ для партіи вопросахъ — все это должно быть дѣломъ постояннаго спеціальнаго органа — центральнаго комитета. Какъ же образовать такой органъ? Прежняя практика рѣшала его въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть составленъ изъ „немѣстныхъ“ спеціалистовъ — изъ товарищей, не связанныхъ съ мѣстной работой, ибо „комитетчики“, связанные съ нею, прежде всего, считаются ограниченными въ своемъ кругозорѣ мѣстныхъ практиковъ и зараженными „приходскимъ духомъ“. Приходится, слѣдовательно, составлять Центральный Комитетъ изъ соціальдемократовъ, не ведшихъ продолжительной и успѣшной работы по организаціи рабочихъ, по агитаціи и пропагандѣ въ ихъ средѣ. Гдѣ взять такихъ? Функціи технически конспиративныя всякаго рода создали значительные кадры такихъ „профессіоналовъ“. Коллегія наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ и составитъ Ц. К., прочіе — тотъ многочисленный персоналъ „агентовъ“ и „бюро“, при посредствѣ котораго она будетъ выполнять функціи политическаго руководства.

Какъ же она будетъ выполнять ихъ? Объединеніе работы мѣстныхъ комитетовъ требуетъ отличнаго пониманія ея методовъ и ея условій; *руководство* ею требуетъ, чтобы руководящіе являлись инниціаторами въ дѣлѣ постояннаго улучшенія способовъ агитаціи, пропаганды, организаціи; чтобы они постоянно направляли ведущуюся комитетами политическую борьбу. Первое условіе для этого, чтобы руководящій центръ являлся хорошо освѣдомленнымъ о ходѣ работы во всѣхъ концахъ Россіи, чтобы онъ могъ изъ одного пункта охватывать всю партійную работу въ цѣломъ. Механическій централизмъ рѣшалъ эту задачу какъ нельзя проще. Центръ связанъ извѣстными нитями съ каждой изъ многочисленныхъ мѣстныхъ организацій. По этимъ нитямъ мѣстныя организаціи передаютъ въ центръ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о ходѣ движенія, свой политическій опытъ; перерабатывая весь этотъ матеріалъ, центръ долженъ выполнять свою функцію руководства.

Практика показала, что должно получиться при такомъ построеніи. Партійный центръ, получая прошедшія черезъ призмы его агентовъ и бюро сообщенія о ходѣ работы на мѣстахъ, *никогда* не имѣлъ передъ собой сколько-нибудь полной и вѣрной картины движенія. Состоя изъ дѣятелей, очень мало или вовсе не связанныхъ съ мѣстной работой, центральная коллегія совершенно не пріобрѣтала навыковъ въ руководствѣ движеніемъ, не развивала въ себѣ умѣнія давать инниціативу, направлять, въ качествѣ *практическаго* центра, политическую дѣятельность комитетовъ, вести ихъ за собою на путь опредѣленныхъ политическихъ дѣйствій. *Ни разу* за время существованія Ц. К. (и „бюро большинства“, замѣнившаго собою для части партіи Ц. К.), отъ него не вышла какая нибудь инниціатива въ дѣлѣ политической борьбы. Поскольку въ дѣйствіяхъ нашихъ комитетовъ замѣчалось единство содержанія агитаціи по опредѣленному политическому вопросу, оно достигалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой заграничному *литературному* центру удавалось бросить опредѣленные политическіе лозунги и въ какой эти послѣдніе усваивались комитетами (агитація противъ войны, земская кампанія). Обѣ „маевки“ послѣднихъ двухъ лѣтъ прошли безъ всякаго организаціоннаго вліянія Ц. К. на агитацію комитетовъ. Могучее движеніе въ январѣ-февралѣ точно также направлялось комитетами, независимо отъ Ц. К. Партійный русскій центръ выполнялъ, такъ или иначе, техническія и административныя въ узкомъ смыслѣ функціи, политической работы онъ почти не выполнялъ. Состоя изъ спеціалистовъ технико-конспиративной отрасли нашего революціоннаго дѣла, онъ въ самомъ себѣ не обладалъ никакими гарантіями пригодности къ роли политически руководящей организаціи, а его собственный организаціонный аппаратъ былъ какъ бы нарочно приспособленъ къ тому, чтобы не развивать въ немъ политическихъ способностей, чтобы затруднять ему выполненіе функціи руководства даже въ наиболѣе простомъ видѣ. Благодаря упрощенному характеру централизма, проведеннаго въ его громоздкой организаціи,—Ц. К. + агенты + мѣстные комитеты — даже общерусскія политическія прокламаціи, выпускавшіяся имъ въ цѣляхъ объединенія мѣстной агитаціи, по роковой необходимости, приходили всегда на мѣста съ непозволительнымъ опозданіемъ, раздражая мѣстныхъ практиковъ соображеніями о тщетѣ затраты многочисленныхъ партійныхъ средствъ и силъ: такъ, листокъ о пораженіи подъ Ляояномъ пришелъ на мѣста ко времени битвы подъ Мукденомъ, листки о политикѣ Святополкъ-Мирскаго—къ тому времени, когда царили уже Булыгинъ съ Треповымъ. Въ результатѣ,—мѣстные комитеты, нуждавшіеся въ общепартійной организаціи политической агитаціи, оставались предоставленными собственнымъ силамъ, и это въ значительной степени потому, что стремленіе къ „идеально“—простой и совершенной формѣ централизаціи, выражающейся въ *одной* центральной группѣ, горделиво возвышающейся надъ полусотней разсѣянныхъ по всей Россіи комитетовъ, убивало въ корнѣ всякую возможность для *такого* центра объединить и координировать что бы то ни было. Развѣтвленіе Центральнаго Комитета въ видѣ сѣти бюро и спеціальныхъ агентовъ только ухудшало дѣло, почти не подвигая впередъ къ выполненію поставленной задачи. Кое что полезное эти бюро Ц. К. выполняли, но лишь постольку, поскольку, отступая отъ централистической схемы, становились подобіемъ автономныхъ областныхъ центровъ; поскольку же они сохраняли значеніе исполнительныхъ группъ „сильнаго“ центра, они только отрѣзывали его окончательно отъ непосредственнаго общенія съ мѣстными работниками и содѣйствовали его вырожденію въ чистую „руководящую“ канцелярію, въ свою очередь, создавая вокругъ послѣдней чисто бюрократическій институтъ. Укрѣпленіе мѣстнаго „кустарничества“ въ области политической работы и непомѣрное развитіе партійной бюрократіи,— таковъ конечный итогъ нашей централистической практики.

Здѣсь намъ надо отвести одно ходячее возраженіе. Развѣ въ западно-европейскихъ соц.-демократическихъ партіяхъ нѣтъ такой же „бюрократіи“ спеціалистовъ на общепартійныхъ функціяхъ? Почему германскій Vorstand — группа изъ пяти лицъ — можетъ выбираться на съѣздѣ, а русскій — нѣтъ? Говорящіе такъ забываютъ, что помимо наличности въ той же Германіи сложнаго аппарата областныхъ центровъ, условія работы германскихъ товарищей мѣшаютъ вырожденію общепартійныхъ центровъ въ учрежденія бюрократическія. Ауэрамъ и Бебелямъ нѣтъ необходимости работать въ мѣстныхъ группахъ, чтобы *соприкасаться* съ массовымъ движеніемъ въ роли пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ. Парламентская дѣятельность и избирательная борьба, агитаціонныя собранія и непосредственное участіе въ руководствѣ крупными стачками— всѣ эти и многія другія „возможности“ предоставляются членамъ германскихъ центровъ для „повседневнаго“ упражненія въ себѣ способности политическихъ дѣятелей. Между тѣмъ какъ у насъ конспиративныя условія неизбѣжно отрываютъ „профессіоналовъ“ общепартійной работы отъ всякаго почти общенія съ проявленіями политической дѣятельности массъ.

Надо ли говорить, въ какой мѣрѣ бюрократическое вырожденіе нашего централизма парализуетъ партійную работу? Пролетарское движеніе неудержимо выливается за предѣлы узкой мѣстной борьбы. Кто хочетъ сохранить за собой руководство имъ, обязанъ стремиться координировать, объединять работу соціальдемократіи на всемъ протяженіи движенія. Это необходимо даже для „будничной“ борьбы, которая, впрочемъ, все болѣе и болѣе становится непрерывающейся гражданской войной, революціей въ полномъ смыслѣ слова. А вѣдь, въ перспективѣ у насъ — „всенародное вооруженное возстаніе“. Не только „назначить“ и „подготовить“ его, но просто руководить имъ и объединить его проявленія немыслимо при той организаціонной „разбросанности“, которая царитъ въ партіи. Нужна самая тѣсная связь между руководящими мѣстнымъ движеніемъ центрами; нужна революціонная инниціатива и организаціонное руководство, не сваливающіяся, какъ снѣгъ на голову, изъ далекаго центра на мѣстныя группы, не рождающіяся внезапно въ тиши болѣе или менѣе замкнутыхъ „центральныхъ“ кружковъ, но вырабатывающіяся на практикѣ постояннаго коллективнаго обсужденія и обмѣна мнѣній, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ работой тысячъ нашихъ агитаторовъ, организаторовъ и пропагандистовъ. Нужно, чтобы не только одинъ какой нибудь центръ, но и вся „округа“, вся, по возможности, партія знала заранѣе о томъ, что готовится въ ближайшемъ будущемъ въ такомъ то пунктѣ движенія, какое массовое выступленіе стихійно наростаетъ, какія опредѣленныя дѣйствія планомѣрно подготовляются организаціей; чтобы вся партія могла принять свои подготовительныя мѣры, дабы имѣть возможность „подхватить“ начавшееся въ одномъ углу движеніе; нужно, чтобы партійный центръ обозрѣвалъ ясную для него картину состоянія движенія, могъ, въ виду наступающихъ событій, съ *увѣренностью*, а не очертя голову, дать тотъ или иной пароль къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ по всей линіи. Это именно и будетъ тѣмъ централизованнымъ руководствомъ, о которомъ у насъ столько говорятъ и для возможности котораго такъ мало собранія была выработана резолюція для предъявленія въ думу. Резолюція требовала отъ думцевъ: 1) удаленія казаковъ, 2) организація народной милиціи, 3) передачи полиціи въ вѣдѣніе города. Собраніе разошлось въ 12 часовъ съ пѣніемъ марсельезы.

28 апрѣля состоялось думское засѣданіе по вопросу объ организаціи народной милиціи. Въ залъ засѣданія явилось около 100 депутатовъ отъ рабочихъ для предъявленія резолюціи. Присутствовала и посторонняя публика. Депутаты нѣсколько запоздали, — думцы поспѣшили покончить съ вопросомъ. Выждавъ удобный моментъ, представитель отъ рабочихъ приблизился къ предсѣдателю засѣданія и громко заявилъ: „прошу извиненія, что прерываю Ваше засѣданіе, я долженъ вручить вамъ, по порученію 900 рабочихъ, резолюцію и настойчиво прошу оглашенія“. Предсѣдатель быстро окинулъ взглядомъ резолюцію и, увидѣвъ заголовокъ Р. С.-Д. Р. П. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, поблѣднѣлъ, заволновался, гласные съ любопытствомъ вытянули головы. Прерывающимся голосомъ голова заявилъ, что резолюція рабочихъ будетъ обсуждаться послѣ перерыва. Рабочіе все прибывали. Черезъ 5 мин. былъ назначенъ перерывъ, и гласные удалились въ курительную комнату. Тамъ въ безопасности началось чтеніе резолюціи, но чья-то услужливая рука открыла дверь комнаты и депутаты Новороссійской группы Куб. Ком. приблизились къ смущеннымъ отцамъ города. Выступилъ ораторъ, онъ требовалъ обсужденія резолюціи въ оффиціальномъ засѣданіи. Онъ указалъ, что думцы — представители буржуазіи, — только тогда будутъ представлять изъ себя политическую силу, когда они открыто присоединятся къ политическимъ лозунгамъ пролетаріата. Изъ курительной комнаты „отцы“ невѣрною походкою подошли къ своимъ мѣстамъ. Началось засѣданіе: не надѣвая цѣпи, предсѣдатель объявилъ къ свѣдѣнію депутатовъ постановленія думы о желательности ходатайства предъ правительствомъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города. На требованіе обсудить рабочую резолюцію, снова послѣдовалъ отказъ. Тогда снова выступилъ ораторъ: охарактеризовавъ политику думцевъ, какъ политику холопства предъ правительствомъ,—онъ закончилъ призывомъ свергнуть ненавистное царское самодержавіе. „Долой самодержавіе“ было отвѣтомъ со стороны депутатовъ и собравшейся публики. Голова закрылъ засѣданіе. Рабочіе въ порядкѣ удалились; полиція отсутствовала. Никто не былъ арестованъ. Входъ въ думу охранялся, на всякій случай, 30 ю вооруженными рабочими.

29 апрѣля наши ораторы выступали въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и на старомъ цементномъ заводѣ. Послѣ гудка всѣ рабочіе были задержаны около проходныхъ. Явились агитаторы. Говорилось о необходимости политической борьбы, призывали къ празднованію 1 мая. Горячія рѣчи часто прерывались криками „вѣрно“, „правда“, „долой самодержавіе, да здравствуетъ рабочій классъ“. Когда агитаторъ коснулся вопроса, объ удаленіи администраціей рабочаго за куреніе табаку въ зданіи мастерскихъ и невѣжливаго обращенія съ рабочими завѣдующаго и мастера Григорьева, толпа закричала: „Вѣрно! — долой мастера, долой завѣдующаго!“ Черезъ часъ послѣ сходки уволенный рабочій былъ отысканъ администраціей и вновь принятъ на работу, а завѣдующій и мастеръ удалились, взявъ мѣсячный отпускъ. Выступленіемъ на заводахъ кончилась подготовительная кампанія. Вечеромъ были распространены первомайскіе листки (изд. К. К.)—около 2000. Въ субботу происходили собранія организаторовъ для обсужденія плана демонстраціи и забастовки на 2 мая: листки, изданія мѣстной группы, печатаны на гектографѣ. Вечеромъ въ субботу городъ принялъ видъ военнаго лагеря. Ходили патрули, полиція и жандармы цѣлыми кучами бродили по пристанямъ, кварталы кишѣли подозрительными личностями. Желѣзная дорога охранялась сотней казаковъ, другая сотня съ гиканьемъ и бубнами носилась по городу. Можно было предполагать о предстоящемъ вооруженномъ столкновеніи съ войсками и полиціей. Раздавались голоса за отмѣну демонстраціи, но организаторы—рабочіе объявили, что теперь уже поздно и массу удержать невозможно. Въ воскресенье съ 8 часовъ утра рабочіе начали стекаться на главную улицу города. Въ 10 часовъ началась демонстрація. Противъ ожиданія собралось лишь около 300 человѣкъ. Соединившись на базарѣ, поднявъ красное знамя, демонстранты двинулись на главную улицу. Были сдѣланы попытки пѣть, но неудачно. Возбужденные неудачей, товарищи рѣшали излить свое настроеніе въ крикахъ „долой самодержавіе!“ и выстрѣлахъ въ воздухъ. Наступила музыка револьверныхъ залповъ. Демонстранты два раза прошли по главной улицѣ Новороссійска. Ни одинъ казакъ не показался, постовые городовые въ паникѣ пустились бѣжать. Магазины позакрывались. Организаторы пытались прекратить безпорядочную стрѣльбу, но были не въ силахъ. Была сдѣлана попытка держать рѣчь, но за безпорядочными криками „долой самодержавіе“ не удалось. Организаторы должны были прекратить демонстрацію, перенеся ее на другой день. Впродолженія дня еще нѣсколько разъ собирались демонстранты и ходили. Полиція и казаки отсутствовали. Демонстрація была ниже ожиданія, но слѣдующій день показалъ, что новороссійскій пролетаріатъ уже проснулся, что онъ готовъ, по призыву соціальдемократіи, стать подъ ея красное знамя и идти на штурмъ самодержавія во имя демократической республики, во имя соціализма.

Демонстрація, начавшаяся 1 мая, возобновилась въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ на другой день. 2 мая пріостановлены были работы въ депо, въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и на цементныхъ заводахъ. Вся эта огромная масса, въ количествѣ 1800—2000 чел., выкинувъ два красныхъ знамени съ надписями: „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ 8 часовый рабочій день“, „да здравствуетъ соціализмъ“! двинулась къ самому центру города; шли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ: Варшавянки, Марсельезы, Дубинушки и др. Нѣсколько разъ демонстранты останавливались, чтобы выслушать оратора. Первая рѣчь была произнесена на набережной въ виду богатыхъ домовъ и горожанъ и хижинъ бѣдняковъ на тему о „богатыхъ и бѣдныхъ“. Въ своей краткой рѣчи ораторъ указалъ на дѣленіе современнаго общества на богатыхъ и бѣдныхъ, какъ на специфическую черту капиталистическаго строя, и призвалъ рабочихъ къ борьбѣ съ капитализмомъ. Свою рѣчь онъ закончилъ словами: „долой капитализмъ“. Затѣмъ были произнесены рѣчи около почтовой конторы. Ораторъ говорилъ про то, что почта должна удовлетворять потребностямъ народа, а, между тѣмъ, почтовые чиновники исполняютъ полицейскія функціи, когда они напримѣръ, по приказу администраціи распечатываютъ и читаютъ письма, но чиновники въ этомъ не виноваты, виноватъ самодержавный строй, который воспитываетъ изъ гражданъ своихъ холоповъ. Поэтому: „долой самодержавіе“. Около редакціи „Черноморскаго побережья“ была произнесена рѣчь о свободѣ слова и свободѣ печати. Послѣ этого демонстранты начали расходиться. Все время соблюдался строгій порядокъ, и рабочіе успокаивали владѣльцевъ магазиновъ, которые хотѣли было закрыть ихъ. Отъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и цементныхъ заводовъ пришлось пройти демонстрантамъ верстъ 5-6. Число участниковъ демонстраціи отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ. Столкновеніи съ казаками и полиціей совсѣмъ не было, ихъ не видно было на улицѣ. Одинъ только разъ показалось нѣсколько конныхъ полицейскихъ, но при крикахъ: „долой полицію“, „долой милитаризмъ“, они повернули лошадей и ускакали. Почти сейчасъ-же за демонстраціей состоялся митингъ, на которомъ присутствовало около 2000 человѣкъ. Выступилъ агитаторъ отъ Куб. Ком. Ораторъ началъ говорить объ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. Онъ показалъ неосновательность, неправильность точки зрѣнія экономистовъ. Исходя изъ принципа: „всякая экономическая борьба тѣсно связана съ борьбой политической“, ораторъ подробно и настойчиво развивалъ мысль о необходимости борьбы за политическую свободу, о необходимости свергнуть самодержавіе. Онъ привелъ цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ проявилась звѣрская политика царскаго правительства по отношенію къ рабочему классу.—„Итакъ, — спросилъ ораторъ—нужна-ли намъ политическая свобода?“ „Необходимо, долой самодержавіе“ въ одинъ голосъ отвѣтила вся огромная толпа. Ораторъ подчеркнулъ общность интересовъ пролетаріевъ всѣхъ странъ и звалъ ихъ подъ общее знамя соціальдемократіи для борьбы съ общимъ врагомъ—капитализмомъ. Рѣчь свою онъ закончилъ словами К. Маркса: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь для борьбы съ буржуазіей. Въ этой борьбѣ вы ничего не потеряете, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтете же вы весь міръ. Да здравствуетъ международная соціальдемократія!“

Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П!

Екатеринодарская группа Куб. Ком.

Въ интересахъ мѣстной работы, Куб. Ком. образовалъ въ Екатеринодарѣ отдѣльную группу, первымъ актомъ которой явилась майская кампанія. На цѣломъ рядѣ собраній (въ 170, 70, 90, 60 чел.) агитаторы мѣстной группы и К. К. выясняли значеніе 1 мая, пролетарскую тактику по отношенію къ происходящей въ Россіи революціи, значеніе созыва Учредительнаго Собранія, отношеніе правительства къ революціи, отношеніе между соціализмомъ и политической борьбой и т. д. Майская кампанія оффиціально была начата 18 апрѣля. Въ этотъ вечеръ были распространены листки мѣстной группы „1-е мая“ (1,800 гект. листковъ), 9 го состоялась первомайская массовка, на этой массовкѣ выступило два агитатора (1 отъ Куб. Ком., 1 отъ группы). Вечеромъ того-же дня было устроено гулянье по улицамъ съ цѣлью узнать количество сочувствующихъ революціи. Наканунѣ былъ распространенъ въ количествѣ 2 тыс. экземпляровъ гектогр. призывъ Е. Г. К. К. придти 19-го въ назначенный часъ на опредѣленное мѣсто. Массовое гулянье прошло неудачно (мало народу). вслѣдствіе пасхи. Не смотря на малолюдность собранія, духъ рабочихъ приподнялся; свѣтлый майскій праздникъ зажегъ ихъ. Слѣдующая (воскресенье, 24 апрѣля) массовка прошла очень удачно. Назначена она была въ 12 час. дня. Едва начала собираться публика, какъ примчался изъ города товарищъ съ извѣстіемъ, что тамъ приказчики демонстративно прекратили работу и закрываютъ магазины и лавки и что по улицамъ тысячныя толпы. Тогда собраніе перенесли на 4 часа и всѣ уже собравшіеся ушли въ городъ, не оставивъ даже патрулей, что и уменьшило количество людей, бывшихъ на массовкѣ, такъ какъ приходившіе, не находя патрулей, возвращались назадъ. Не смотря на это, къ 5-и часамъ собралось около 170 чел. и собраніе открылось пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; потомъ два оратора произносили рѣчи — одинъ за другимъ—о капитализмѣ, соціализмѣ, о политической борьбѣ, объ Учредительномъ Собраніи, о 1 мая, его значеніи и требованіяхъ международнаго пролетаріата въ день 1 мая. Собраніе при гулкихъ и дружныхъ крикахъ: „долой самодержавіе!“, „долой войну!“, „да здравствуетъ свобода!“ и многократныхъ „ура“ въ честь россійской и международной соціальдемократіи, приняло резолюцію, о преступленіяхъ самодержавія, составленную армавирской группой Куб. Комитета. Затѣмъ снова пѣсни и снова двинулись въ городъ. Настроеніе было боевое, такъ что по дорогѣ въ городъ родилась мысль о демонстраціи въ городскомъ саду. Плотной толпой вошли рабочіе въ садъ, разбрасывая прокламаціи и брошюры „Пѣсни борьбы“ К. К., розданные на массовкѣ. Публика въ удивленіи и испугѣ шарахнулась въ сторону и рабочіе, пройдя по аллеѣ, спокойно разошлись по домамъ въ надеждѣ произвести другую, болѣе организованную и сильную, демонстрацію. Въ теченіи всего слѣдующаго дня въ городѣ толковали о демонстраціи. Послѣ этого прошли еще 2 массовки (28 и 30 апр. въ 70 и 90 человѣкъ). На нихъ говорили о черной сотнѣ, о значеніи первомайскаго праздника. Товарищъ рабочій разсказалъ о демонстраціи въ Таганрогѣ, на которой ему пришлось побывать; послѣ этого говорили о томъ, какъ слѣдуетъ держаться на демонстраціяхъ и т. д. 1 мая состоялась массовка, а затѣмъ рабочіе разошлись, съ тѣмъ, чтобы черезъ часъ сойтись въ саду для демонстраціи. Въ воскресеніе публика бродила въ какомъ-то выжидательно-томительномъ настроеніи, но все было пока спокойно. Въ полной увѣренности, что „крамольники“ испугались воинственнаго вида хранителей порядка, полиція послала телеграмму, что въ Екатеринодорѣ все спокойно. Но вотъ въ 8 часовъ вечера въ городскомъ саду въ самый разгаръ майскаго праздничнаго гулянья раздался призывный свистокъ и моментально сгруппировалось около 100 чел. рабочихъ. Посыпались десятками прокламаціи и красивое красное знамя борьбы гордо развернулось надъ головами демонстрантовъ. Къ демонстрирующимъ поспѣшила присоединиться учащаяся молодежь и часть публики. Точно опредѣлить число демонстрантовъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ демонстрація состоялась при огромномъ стеченіи публики, собиравшейся по случаю майскаго гулянья. Одинъ изъ товарищей выступилъ съ рѣчью. Онъ призывалъ всѣхъ встать подъ знамена соц.-дем. пролетаріата для борьбы съ царизмомъ. Отъ лица всѣхъ Екатеринодарскихъ рабочихъ онъ выставилъ требованія, за осуществленіе которыхъ

дѣлаютъ. Въ этомъ именно и нуждается прежде всего наша партія, если не хочетъ играть въ революціи роль безсильнаго придатка къ мощному пролетарскому движенію.

Передъ этой задачей созданія дѣйствительной центральной организаціи „твердый“ съѣздъ оказался совершенно безпомощенъ. Снова отобралъ онъ нѣсколько членовъ партіи и, назвавъ ихъ „Центральнымъ Комитетомъ“, сказалъ имъ: придите и владѣйте нами! Какъ будто никакого партійнаго опыта не накопилось у этихъ „46-ти голосовъ“ за послѣдніе 2 года! Та же, созданная на 2-мъ съѣздѣ, скрипучая машина, даже не смазанная заново.

Впрочемъ, не совсѣмъ она осталась неизмѣнной. „Съѣздъ“ постарался внять голосу жизни, онъ попытался нѣсколько точнѣе опредѣлить права „всемогущаго“... на бумагѣ центра по отношенію къ мѣстнымъ комитетамъ. Нельзя не признать, что соотвѣтствующіе пункты устава продиктованы самыми лучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, результаты получились болѣе, чѣмъ скудные. Ц. К., говорится въ уставѣ, не можетъ по произволу вводить въ комитеты новыхъ членовъ. Очень хорошо. Но другой § опредѣляетъ, что на постановленіе мѣстнаго комитета о кооптаціи или объ исключеніи можетъ быть аппеляція въ Ц. К. Слѣдовательно, Ц. К. рѣшаетъ *въ окончательной инстанціи* спорные вопросы о кооптаціи или исключеніи. Слѣдовательно, „право ввода“ Ц. К., противъ воли комитета „своихъ людей“, отнятое въ одномъ §, возстановляется въ другомъ, „реформа“ сведена на нѣтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненъ въ неприкосновенности давній источникъ столкновеній между мѣстными работниками и Ц. К.

„Въ старину“ разбираемая система знала одинъ талисманъ для одухотворенія созданнаго такимъ образомъ „парового цыпленка“, то бишь, Ц. К.—подчиненіе литературному, „строго выдержанному“, центру. Зависимость отъ послѣдняго должна была предохранять Ц. К. отъ впаденія въ оппортюнизмъ, „хвостизмъ“, кустарничество и т. д. Времена этой вѣры прошли, какъ извѣстно. И новый уставъ смѣло рветъ съ *ленинскимъ* представленіемъ о „двухъ центрахъ“. Онъ создаетъ единый и — притомъ русскій — центръ. Еще годъ назадъ сторонники такого именно построенія — представители „Южн. Раб“. — объявлялись (въ „Шагъ впередъ“) оппортюнистами! По нуждѣ и закону перемѣна бываетъ. Ни для кого не тайна, что „единый русскій центръ“ въ лагерѣ „твердыхъ“ означалъ конституціонное ограниченіе абсолютизма той группы, которая надѣлала уже этимъ твердымъ столько хлопотъ своими „шагами“, „документами“ и прочей „галеркиной литературой“.

И, однако, внимательное чтеніе устава показываетъ, что выработанная твердыми конституція и въ этомъ пунктѣ, какъ въ пунктѣ о правахъ комитетовъ (и еще больше — о правахъ „периферіи“), принадлежитъ къ типу „турецкихъ“. Въ самомъ дѣлѣ. Съѣздъ выбираетъ Ц. К., а Ц. К. издаетъ литературный органъ. Таково основное положеніе системы „единаго русскаго центра“. А затѣмъ: отвѣтственнымъ редакторомъ органа является *одинъ изъ членовъ Ц. К.*, на то уполномоченный коллегіей. Передъ кѣмъ же является отвѣтственнымъ этотъ членъ Ц. К., онъ же отвѣтственный редакторъ? Передъ Ц. К? Нѣтъ, *передъ съѣздомъ непосредственно*: онъ, по своему званію, имѣетъ представительство на съѣздѣ (Ц. К. посылаетъ на съѣздъ двухъ представителей, изъ которыхъ одинъ долженъ быть отвѣтственный редакторъ). Зная это, съѣздъ поступилъ бы нелогично, если бъ, выбирая составъ коллегіи Ц. К., не ввелъ въ нее „профессіональнаго литератора“, который могъ бы выполнить роль „отвѣтственнаго редактора“. Прежде у насъ былъ Ц. К. и Ц. О., оба избранные на съѣздѣ и координируемые въ своей дѣятельности Совѣтомъ, составленнымъ изъ представителей обоихъ учрежденій съ преобладаніемъ Ц. О. — такъ „закрѣплялось“ вліяніе литературнаго центра надъ практическимъ. Теперь у насъ, съ одной стороны, Ц. К., дѣйствующій въ Россіи, но не могущій принимать никакихъ важныхъ рѣшеній безъ заграничнаго „отвѣтственнаго редактора“, немогущій противъ его согласія, кооптировать новыхъ членовъ (§12 требуетъ единогласія); съ другой стороны, этотъ отвѣтственный редакторъ, единолично представляющій редакціонную коллегію, представляющій фактически Ц. К. заграницей и, независимо отъ послѣдняго, отвѣчающій передъ съѣздомъ. Прежде мы имѣли тенденцію подчинить русскую коллегію заграничной коллегіи-же; теперь, въ эпоху твердаго „либерализма“, мы имѣемъ заграничный „сверхъ-центръ“ въ чистомъ видѣ, въ видѣ единоличномъ. . . .

Такова постройка центра. Посмотримъ на мѣстную организацію. Основной ея единицей, по прежнему, оставленъ комитетъ. Съѣздъ „представителей партіи“ и впредь есть съѣздъ представитель комитетовъ. Рѣшенія мѣстной организаціи, по прежнему, суть рѣшенія мѣстныхъ комитетовъ, хотя бы организація состояла изъ 400-500 рабочихъ, включала въ себя 40-50 активныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ, а комитетъ состоялъ изъ четырехъ-пяти членовъ, въ томъ числѣ изъ двухъ-трехъ, занятыхъ бюрократическими или конспиративно-техническими функціями.

Организаціонный консерватизмъ здѣсь сказался съ поразительной яркостью. За нашими плечами годъ коренной ломки старыхъ организаціонныхъ рамокъ, годъ быстраго роста всѣхъ мѣстныхъ организацій и еще болѣе быстраго роста пролетарскаго движенія, которое все менѣе удается охватить организаціонными щупальцами партіи. Вчера еще обреченная на чисто кружковую и узко-конспиративную работу, мѣстная организація партіи нынѣ должна играть роль руководителя пролетарскихъ массъ въ многообразныхъ проявленіяхъ политической и соціальной борьбы. Старый организаціонный аппаратъ былъ приспособленъ почти исключительно къ тому, чтобы собирать и сосредоточить въ мѣстномъ центрѣ (комитетѣ) возможно полныя свѣдѣнія о настроеніи массъ и изъ этого центра вести *литературную* агитацію, поддерживающую въ массахъ постоянное революціонное броженіе. Всѣ частныя организаціонныя функціи подчинялись этой главной цѣли. Пропаганда поставляла замѣстителей различныхъ „должностей“ въ основномъ организаціонномъ механизмѣ, задача котораго была проводить нити, связывающія комитетскій центръ съ массой или, вѣрнѣе, съ извѣстнымъ ея слоемъ. Комитетъ и, въ лучшемъ случаѣ, пара подкомитетскихъ центральныхъ группъ составляли, въ сущности, всю партійную организацію на мѣстѣ, если подъ послѣдней понимать мѣстную часть партіи, принимающую активное и сознательное участіе въ выработкѣ партійнаго мнѣнія и направленія партійной работы. Пригодный для пропагандистскаго общества, этотъ типъ организаціи съ грѣхомъ пополамъ удовлетворялъ своему назначенію, когда кружкамъ „профессіональныхъ революціонеровъ“ приходилось дѣйствовать преимущественно въ роли „аппарата распространенія агитаціонныхъ листковъ“, ставившаго себѣ задачей *пробудить* спавшія массы и въ „праздничные“ дни ихъ пробужденія создававшаго наскоро временные органы для руководства стачкой или демонстраціей. Но съ переходомъ къ широкой и уже на половину открытой политической дѣятельности, съ соотвѣтственнымъ расширеніемъ содержанія агитаціонной работы, когда въ массахъ проявляется растущее съ каждымъ днемъ стремленіе активно реагировать на всѣ проявленія политической жизни, — этотъ кружковой типъ организаціи явно для всѣхъ сталъ анахронизмомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, оправдать такое положеніе, когда наиболѣе законспирированный, по необходимости, комитетъ исключительно опредѣляетъ политическую тактику соціальдемократіи въ то самое время, когда въ роли дѣйствительныхъ проводниковъ въ массу соціальдемократическаго сознанія являются уже не „безличныя“ комитетскія прокламаціи, а реальныя личности — „рядовые“ члены агитаторскихъ группъ, выходящіе, по порученію комитета, изъ подполья конспираціи, выступающіе на митингахъ, въ „избирательной“ агитаціи по поводу какой-нибудь „коммиссіи“, непосредственно завоевывающіе партіи сочувствіе и пониманіе массъ, непосредственно работающіе надъ политическимъ сплоченіемъ этихъ массъ?

На закатѣ дней самодержавія громадныя пролетарскія массы получаютъ порою возможность активно и, до извѣстной степени, свободно участвовать въ опредѣленныхъ политическихъ дѣйствіяхъ и выбирать себѣ собственныхъ политическихъ представителей; передъ ними выступаютъ передовые пролетаріи соціальдемократы, большей частью, „числящіеся“ въ „низшихъ“ сферахъ нашей мѣстной организаціи. Путемъ „свободной конкуренціи“ съ сторонниками другихъ партій; эти единицы пріобрѣтаютъ себѣ прочное, признанное самими массами, вліяніе на послѣднія, они становятся дѣйствительными представителями „рабочей интеллигенціи“; въ каждой крупной стачкѣ, въ каждой „кампаніи митинговъ“ происходитъ такой „отборъ“, составляющій самую суть процесса образованія рабочей *партіи* въ перипетіяхъ классовой борьбы пролетаріата. И всѣ эти элементы оказываются, въ концѣ концовъ, внѣ той *оффиціальной* партійной организаціи, которая участвуетъ въ опредѣленіи „воли партіи“, т. е. въ направленіи всей борьбы въ цѣломъ, въ выработкѣ ея задачъ, въ опредѣленіи ея методовъ. Какой-нибудь соціальдемократическій агитаторъ, избранный, несмотря на упорное противодѣйствіе гапоновскихъ „экономистовъ“, сторонниковъ „рабочаго либерализма“ и другихъ претендентовъ, въ делегаты въ коммиссію Шидловскаго, завоевавшій, благодаря своему умѣнію бороться за партійныя задачи на полѣ *открытой* политической борьбы, возможность отстаивать партійное дѣло передъ многими тысячами, стоящими внѣ сферы дѣйствія подпольной работы,—такой агитаторъ въ той самой партіи, подъ знаменемъ которой онъ велъ борьбу, не пользуется возможностью участвовать въ опредѣленіи направленія ея политики и лишь въ роли „исполнительнаго органа“ долженъ своей дѣятельностью доставлять полуобработанный матеріалъ, который позволилъ бы „комитету“ рѣшить, что и какъ должны въ данный моментъ дѣлать всѣ эти агитаторы, организаторы и пропагандисты. Бывшіе „ученики“ или „слушатели“ кружковъ самообразованія, бывшіе „распространители литературы“ и „агитаторы“, занимавшіеся агитаціей въ кружкахъ изъ восьми-десяти человѣкъ лично знакомыхъ рабочихъ, вынуждаются теперь выполнять функціи, „оберъ и унтеръ-офицеровъ“ политически-дѣйствующей массы, вынуждаются, можно сказать, толкаются событіями лично бороться за вліяніе идей нашей партіи на массы съ различными враждебными намъ партіями — и по прежнему остаются въ партіи какими-то „посторонними элементами“. И ни для кого не тайна, что широкій слой передовыхъ рабочихъ относится съ недовѣріемъ къ нашимъ мѣстнымъ руководящимъ организаціямъ, считая ихъ „интеллигентскими“, оторванными отъ массы, видя въ нихъ группы „друзей рабочаго класса“, а борется весь рабочій классъ всей Россіи: „долой самодержавіе!“, „долой милитаризмъ!“, немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, 8 час. рабочій день, свобода слова, собраній, стачекъ, неприкосновенность личности и жилища. Еще разъ дружное „долой самодержавіе!“, послѣ чего пропѣли Марсельезу и Варшавянку. Въ самый моментъ демонстраціи полиція растерялась, ничего не предпринимала и только въ концѣ были вызваны казаки. Казаки набросились на толпу, которая плотнымъ кольцомъ окружила демонстрантовъ. Началось избіеніе, мало того, со стороны казаковъ и полицейскихъ были выстрѣлы, но всѣ были холостые. Вышедшая изъ сада часть демонстрантовъ направилась въ городъ, но здѣсь уже демонстрація не носила организованнего характера. На одной изъ улицъ демонстранты пытались отбить арестованныхъ, но неудачно; только городовые были немного избиты камнями. Всѣхъ арестованныхъ было шесть человѣкъ, изъ которыхъ четыре уже выпущены. Кромѣ этой демонстраціи, въ Екатеринодарѣ была еще одна, въ концѣ города. Полиція здѣсь ее уже никакъ не ожидала и принуждена была поскорѣе убраться. Все это приподняло духъ нашего соннаго екатеринодарскаго обывателя и теперь только и разговоровъ, что о демонстраціи.

Ст. Кавказская Куб. Области. Съ начала 1905 г. дѣятельность мѣстной группы значительно расширилась. Не ограничиваясь кружковой пропагандой, группа начала издавать листки мѣстнаго характера, а съ наступленіемъ теплаго времени устраивать и массовки. Дѣятельность группы охватываетъ пока станцію Кавказскую, гдѣ находится депо и желѣзнодорожныя мастерскія (500—600 ч.), хуторъ Романовскій и станицу Кавказскую. Кромѣ того, у группы есть связи съ близь лежащими станицами, которыя снабжаются время отъ времени литературой, листками. Листки распространены были очень удачно и читались на расхватъ. Листокъ къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ депо взбудоражилъ всѣ реакціонные элементы депо, во главѣ которыхъ стоялъ табельщикъ Виноградовъ, взяточникъ и шпіонъ-доброволецъ. Въ листкѣ, между прочимъ, охарактеризована была дѣятельность Виноградова и выставлено требованіе объ его удаленіи. Виноградовъ рѣшилъ искоренить „крамолу“ и составилъ „бумагу“, въ которой старается доказать, что онъ не взяточникъ, что листки составили и распространяли „соціалисты“ — Мендель, Петровъ и Рыжовъ; собралъ подписи нѣкоторыхъ рабочихъ и отрядилъ нѣкоего Шевченко въ жандармское отдѣленіе. „Своя своихъ не познаша“. Мендель—не кто иной, какъ предатель, выдававшій въ Ростовѣ товарищей за деньги, Петровъ и Рыжовъ же постоянно якшаются съ жандармеріей. Разслѣдованіемъ этого дѣла занялись начальникъ желѣзнодорожнаго жандармскаго отдѣленія Мартосъ и помощн. начальника областн. губерн. жандармскаго управл. Соколовъ, но изъ него ничего не вышло, хотя паспорта этихъ „соціалистовъ“ секретно были вытребованы Мартосомъ. Въ концѣ концовъ предатель Мендель стрѣлялъ, но неудачно, въ Шевченко. Мендель уволенъ изъ депо и привлекается къ уголовной отвѣтственности.

Хуторъ Романовскій. Недавно у насъ произошелъ случай, ярко характеризующій мѣстную полицію. Хуторъ Романовскій, нужно замѣтить, является однимъ изъ центровъ, куда ежегодно весной изъ разныхъ сторонъ Россіи стекаются сельско-хозяйственные рабочіе для найма на полевые работы. И вотъ, 24 апрѣля сюда пріѣхалъ приказчикъ отъ тавричанъ-помѣщиковъ нанимать рабочихъ. Приказчикъ старался нанимать исключительно женщинъ и предлагалъ имъ по 30 коп. въ день. Одинъ изъ рабочихъ сталъ уговаривать женщинъ не соглашатся работать за такую плату, кромѣ того, началъ требовать, чтобы и его наняли и платили по 60 к. въ день. Тогда приказчикъ обратился къ полиціи за содѣйствіемъ, желая избавиться отъ „назойливыхъ“ требованій „бунтовщика“. Тотчасъ прибыла полиція и начала ловить рабочаго. Рабочій убѣжалъ въ лѣсъ, полиція за нимъ. Не желая отдаться въ руки полиціи, рабочій бросился въ рѣку Кубань. Рабочій, проплывъ немного, началъ тонуть. Въ это время урядникъ приказалъ стрѣлять въ утопающаго, было сдѣлано три выстрѣла. Когда одинъ изъ присутствующихъ бросился спасать утопающаго, полиція пригрозила, что и въ него будетъ стрѣлять. Такъ и не удалось спасти утопающаго. Рабочаго, хотѣвшаго спасти своего товарища, арестовали, и до полицейск. управленія вели раздѣтымъ. Около полицейскаго управленія собралась толпа человѣкъ въ 300 и начала выражать свое негодованіе по поводу происходящаго, но появилась полиція и толпа разошлась. Пока этимъ дѣло и кончилось. Черезъ недѣлю кѣмъ-то было найдено тѣло утопленника, на немъ ясны были слѣды пуль. Полиція думала тайкомъ похоронить утопленника, но народъ потребовалъ разслѣдованія этого дѣла. Явилась власть: прокуроръ, слѣдователь и помощн. атамана отдѣла — всѣ полупьяные, и приступили къ разслѣдованію дѣла. Стараясь обѣлить полицію и представить дѣло, какъ результатъ дѣятельности крамольниковъ, прокуроръ, вынувъ изъ одежды утопленника прокламацію, думалъ этимъ успокоить народъ и склонить его на свою сторону. Но обманъ не удался. Видно было, что прокламація нарочно была вложена въ одежду утопленника, такъ какъ она была совершенно свѣжая. Въ это время изъ толпы выступилъ ораторъ и тутъ же въ присутствіи властей началъ громить полицію. Онъ указалъ на безправное положеніе народа, на его экономическое и политическое рабство и закончилъ свою рѣчь энергичнымъ призывомъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Толпа со вниманіемъ слушала рѣчь оратора. Достаточно было бы одного слова, и толпа расправилась бы по своему съ представителями власти. Когда толпа стала требовать урядника — одного изъ виновниковъ этого возмутительнаго случая — ее начали успокоивать, говоря, что урядникъ уже арестованъ. Толпа немного успокоилась и разошлась. Чѣмъ дѣло кончится, неизвѣстно. Урядникъ по прежнему продолжаетъ оставаться на службѣ. По этому поводу группой выпущенъ листокъ.

Кавказская группа Кубанскаго Комитета.

Первое мая (по новому стилю) группа праздновала сходкой въ лѣсу. Собралось болѣе 50 человѣкъ, среди нихъ 11 женщинъ, послѣднія съ грудными дѣтьми. Среди собравшихся были и сѣдые старики. Агитаторомъ Куб. Ком. была произнесена рѣчь о значеніи первомайскаго праздника, другой товарищъ познакомилъ собравшихся съ послѣдними событіями въ Ростовѣ (избіеніе послѣ лекціи о холерѣ). Пѣніемъ „вы жертвою пали“ почтили память товарищей-героевъ 9 января. Присоединились къ резолюціи 400 армавирскихъ рабочихъ. Общая сходка въ нашемъ хуторѣ была первая. Она сильно объединила товарищей придала имъ бодрости и вдохнула энергію для послѣдующей, организаціонной работы. Впечатлѣніе отъ сходки долго не сглаживалось.

1 мая (по старому стилю) по хутору были распространены листки: 700 экз. о 1 маѣ, Ц. К. (перезад. Куб. Ком.), 100 экз. „Перваго Шага“, 500 экз., „Крестьяне бунтуютъ“, „Послѣдній обманъ правительства“, „Великій праздникъ и письмо къ казакамъ“ изд. Донск. Ком.

Съ 1 по 15 мая былъ устроенъ рядъ сходокъ (5), на которыхъ выступили агитаторы отъ Куб. Ком. Собиралось отъ 50 до 70 человѣкъ. Говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и либералахъ, о демократической республикѣ и конституціонной монархіи.

Екатеринодаръ. Во время демонстраціи перваго мая арестованы одинъ рабочій и студентъ Пихлеръ. Послѣдняго на слѣдующій день освободили. Четвертаго мая былъ обыскъ у реалиста 7 класса Михельса, найдены прокламаціи, Михельсъ скрылся. Восьмого мая произведенъ былъ обыскъ у доктора Рохлина, арестованъ квартирантъ, ученикъ 7 класса реальнаго училища А. Рисъ и бывшій реалистъ Приваловъ (въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза уже привлекавшійся), найденъ гектографъ, много прокламацій, адреса, печать Куб ком. и т. п.

Армавиръ. Во время всеобщей забастовки два раза арестовывали учителя Митягина, и два раза его освобождали по требованію рабочихъ.

Новороссійскъ. 29 апрѣля арестованъ интеллигентъ съ женой, (фамил. неизв.), жена освобождена, мужъ этапнымъ порядкомъ отсылается на родину. Послѣ демонстраціи арестованы: купецъ (ингушъ) Гирѣевъ, приказщики: Степановъ, Безчастный, Гольдманъ, рабочіе: Бахтадзе, Калантадзе, Александровъ, Маіорниковъ, Сукалидзе. Пятаго мая арестованъ интеллигентъ Алексѣй Малеваный, (просидѣлъ шесть дней).

Всеобщая майская стачка въ Самарѣ. Мелкія разрозненныя стачки, начавшіяся — какъ вездѣ — съ января, почти не прекращались въ Самарѣ вплоть до самаго послѣдняго времени. Можно съ полной увѣренностью сказать, что внѣ стачечнаго движенія не осталось ни одно крупное заведеніе, ни одна сколько нибудь значительная отрасль производства. Бастовали даже такія отсталыя категоріи рабочихъ, какъ приказчики и грузчики. На почвѣ оживленія, внесеннаго этимъ стачечнымъ движеніемъ въ рабочую среду, нашей организаціи удалось, пользуясь все расширяющимися за послѣднее время связями, вылить стихійно наростающее движеніе въ форму всеобщей майской стачки.

Предварительная подготовка заключалась въ устройствѣ массовокъ, спеціально посвященныхъ празднованію 1 мая и распространенію листковъ, посвященныхъ той-же темѣ (3-хъ типовъ въ 15 тыс.). Непосредственный призывъ ко всеобщей стачкѣ былъ сдѣланъ на массовкѣ въ воскресенье 1 мая, гдѣ въ особой рѣчи выяснялось значеніе майской стачки вообще и особенно въ Россіи въ данный моментъ.

1 же мая съ утра забастовала конка (150 рабоч.). Въ этотъ же день въ Струковскомъ саду, куда было назначено комитетскимъ ораторомъ собраться вечеромъ „для мирнаго гулянья“, совершенно неожиданно произошла демонстрація, подогрѣтая удачно сошедшей массовкой (было до 400 человѣкъ). Наша публика начала требовать у оркестра сыграть Марсельезу. Музыканты разбѣжались. Пришлось буржуазный оркестръ замѣнить пролетарскимъ. При первыхъ-же звукахъ рабочей марсельезы вся фешенебельная публика поспѣшила вонъ изъ сада. Какъ оказалось, эта „публика“ бѣжала именно отъ звуковъ рабочей Марсельезы, а вовсе не отъ выстрѣловъ, раздававшихся изъ толпы демонстрантовъ, но приписывавшихся полиціи. При первыхъ же выстрѣлахъ полиція бросилась въ разсыпную вмѣстѣ съ дамами вонъ изъ сада и лишь спустя нѣкоторое время, когда демонстранты вышли уже изъ сада, слѣдовала за ними на приличномъ разстояніи, осаживаясь назадъ при каждомъ выстрѣлѣ, при каждомъ раскатѣ марсельезы. Несмотря на приглашеніе членовъ организаціи разойтись, толпа шла дальше, пока, наконецъ, у соборныхъ садиковъ не была разсѣяна. Человѣкъ 10 было избито, трое — Зенинъ, Кириловъ и Кремеръ — арестованы. Дмитріевъ, избитый, увезенъ въ тюремную больницу.

Общее возбужденіе послѣ этой первой, собственно говоря, въ Самарѣ демонстраціи усилилось еще болѣе.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ забастовали всѣ типографіи (до 500 чел.), большая часть булочниковъ (до 300 ч.), большая часть портныхъ, фотографовъ, бѣлошвейки, модистки, шляпочницы и, наконецъ, иконостасники (послѣдніе исключительно изъ солидарности, не выставляя никакихъ требованій).

Утромъ во вторникъ было назначено собраніе въ Струковскомъ саду. Предполагалось устроить митингъ, но народу оказалось для этой цѣли слишкомъ мало (300—400 чел.). Два комитетскихъ оратора все-же выступали съ рѣчами, выясняющими необходимость политической свободы и объединенія рабочихъ въ самостоятельную, политическую партію. Со стороны присутствовавшихъ представителей черной сотни и отдѣльныхъ лицъ изъ среды портныхъ и рабочихъ губернской типографіи обнаружилось стремленіе сорвать собраніе криками: „долой демократію“. Крики эти сразу-же были подавлены общими возгласами — „долой черную сотню“, „долой шпіоновъ“, а черезъ 2—3 часа послѣ этого, когда стачечники, закрывавшіе мастерскія и магазины, были встрѣчены казацкими нагайками, крики „долой демократію“ — смѣнились у тѣхъ же самыхъ лицъ криками: „долой полицію“, „да здравствуетъ соц.-дем.!“

Въ среду забастовали остальные булочники, нѣкоторые механическіе заводы, большая часть мельницъ и, наконецъ, желѣзнодорожныя мастерскія (800 чел.) и депо 500 чел.).

Въ разныхъ частяхъ города происходили стычки съ полиціей и казаками. Особенно серьезное столкновеніе произошло съ казаками у грузчиковъ, которые, вооружившись грузовыми подушками, плахами и камнями (а нѣкоторые, какъ говорятъ, и револьверами), — обратили казаковъ въ бѣгство. Часть грузчиковъ тоже бастовала, а многіе работали подъ надзоромъ солдатъ, или были замѣнены солдатами. Вообще изъ грузчиковъ въ будущемъ по всей вѣроятности сьорганизуется отрядъ „нашихъ“ казаковъ. Для черной сотни они теперь потеряны безвозвратно. Между тѣмъ собранія назначавшіяся комитетомъ то въ городѣ, то за городомъ, не могли состояться, частью изъ за вмѣшательства казаковъ и полиціи, частью изъ за отдаленности мѣстъ (Самара въ этомъ отношеніи городъ чрезвычайно неудобный. Кругомъ голая степь. Ближайшіе лѣски и овраги версты за 2—3 отъ городской черты).

отнюдь не его естественныхъ представителей и руководителей?

Резолюція по организаціонному вопросу, принятая конференціей партійныхъ работниковъ, выясняетъ послѣдствія, вытекающія изъ такого положенія дѣлъ. Съ расширеніемъ движенія, наши комитеты все менѣе и менѣе оказываются въ состояніи справиться съ нимъ, все менѣе и менѣе чувствуютъ себя кровно связанными съ тѣми массами, которыми они должны руководить. Рядомъ съ укрѣпленіемъ бюрократическихъ и кружковыхъ методовъ веденія мѣстной работы, естественно развивается въ сознаніи „комитетчиковъ“ тенденція съузить самое содержаніе соціальдемократической дѣятельности въ сторону подмѣны революціонной самодѣятельности пролетаріата авантюристской игрой въ „дѣланіе революціи“. Утопическія и фантастическія представленія о „захватѣ власти“ и о „назначеніи возстанія“ идутъ рука объ руку съ оскудѣніемъ дѣйствительно революціонной работы соціалистическаго просвѣщенія массъ и ихъ политической организаціи.

Объ этомъ уже достаточно говорилось въ нашей печати, его достаточно сознаютъ всѣ серьезные работники. Очевидно, что партійная организація должна быть реформирована. Очевидно, что строить партію дальше по Ленинскому „письму къ товарищу“, значитъ, губить ее. Очевидно, что то, что съ грѣхомъ пополамъ годилось 2—3 года назадъ, теперь абсолютно никуда не годится. Требованіе „демократизировать“ наши организаціонныя отношенія въ послѣднее время не встрѣчало серьезнаго отпора почти ни съ чьей стороны. Можно было думать, что „примиренцы“, отправившіеся на т. н. „третій съѣздъ“, отстоятъ на немъ эту неотложную реформу. Уставъ, выработанный этимъ съѣздомъ, обманулъ подобныя надежды. Все оставлено по старому. Мѣстные комитеты по прежнему исчерпываютъ собой контингентъ партійныхъ работниковъ, имѣющихъ голосъ въ партійныхъ дѣлахъ. „Периферія“ по-прежнему безгласна. Впрочемъ, не совсѣмъ: по требованію $^2/_3$ членовъ „периферіи“, потерявшій ея довѣріе комитетъ долженъ быть смѣщенъ .. если съ этимъ согласится $^2/_3$ членовъ центральнаго комитета. А если не согласятся? Тогда даже *единогласное* требованіе всѣхъ организованныхъ мѣстныхъ рабочихъ имѣть другихъ „руководителей“ не можетъ ничего сдѣлать: старый комитетъ будетъ „руководить“ по-прежнему. Члены съѣзда, при опредѣленіи „правъ периферіи“, очевидно, вдохновлялись проектомъ Булыгинской „конституціи“. Какъ и въ другихъ случаяхъ, они, попытавшись опредѣлить мѣру допустимаго для нихъ „демократизма“, только обнаружили свои архаическія „твердокаменныя“ организаціонныя представленія и для тѣхъ, кто до сего времени питалъ еще какія либо иллюзіи.

Въ самомъ дѣлѣ. Старый уставъ ни о какихъ правахъ рабочихъ организацій не говорилъ. Но это умолчаніе принципіальными сторонниками „ленинизма“ толковалось въ наиболѣе благопріятномъ смыслѣ. Не говорилъ ли самъ творецъ этого устава, что основой отношеній между революціонерами — при отсутствіи „демократизма“ — является „товарищеское довѣріе?“ Не говорилъ ли онъ, въ „письмѣ къ товарищу“, что буде „не выбранный“ комитетъ потерялъ довѣріе безправной, по уставу, периферіи, онъ, такъ или иначе, будетъ *свергнутъ?* Можно было, поэтому, думать, что наши твердокаменные товарищи *не считаютъ* нормальнымъ, чтобы въ соціальдемократической партіи руководящій органъ управлялъ организаціей при отсутствіи ея довѣрія къ нему. Теперь же въ новомъ уставѣ все сказано какъ нельзя болѣе ясно: комитетъ представляетъ партію, независимо отъ согласія на это сотенъ организованныхъ рабочихъ; только съ согласія Ц. К., онъ можетъ быть устраненъ по желанію послѣднихъ. Не очевидно ли, что партія для твердокаменныхъ — это совокупность интеллигентскихъ комитетовъ, рабочія же организаціи только „состоятъ при Партіи“, какъ у Щедрина мужикъ состоялъ при генералахъ?

Булыгинскія представленія объ отношеніяхъ между „руководителями и руководимыми“ имѣютъ, какъ извѣстно, въ основаніи Шиповскую „теорію“ о „силѣ мнѣнія и силѣ власти“. Абсолютисты твердокаменности усвоили себѣ эту теорію. Въ смѣхотворной, невѣроятной на соціальдемократическомъ съѣздѣ, резолюціи объ „обязанности считаться съ периферіей“, они вмѣняютъ комитетамъ въ обязанность во всѣхъ важныхъ дѣлахъ партіи опрашивать рабочихъ, давая имъ „совѣщательный голосъ“. Забавная картина: комитетъ, вѣрный рѣшенію съѣзда, прежде чѣмъ привести въ исполненіе свой планъ, скажемъ, демонстраціи, опрашиваетъ 300—400 организованныхъ рабочихъ, получаетъ отъ нихъ „совѣщательный голосъ“, въ смыслѣ отрицанія полезности демонстраціи; затѣмъ, памятуя, что „демократизмъ“ — вредная выдумка и что сознаніе въ пролетарскія головы вколачивается „извнѣ“, „объявляетъ“ демонстрацію, а затѣмъ — во имя „партійной дисциплины“ — требуетъ, чтобы эти 300 рабочихъ явились исполнителями его „плана“ (конечно, подъ угрозой „раскассированія“ и исключенія). Другая картина: совокупность комитетовъ рѣшаетъ, что „въ интересахъ пролетаріата“ партіи надо вступить въ правительственный „блокъ“ съ буржуазной демократіей, но, что „мильеранизма“ изъ этого не получится, ибо вступленіе Галерки и Ленина въ демократическое правительство совершится по порученію пролетаріата и подъ его контролемъ. Рѣшеніе сіе подвергается голосованію организованныхъ рабочихъ-соціальдемократовъ; они высказываются громаднымъ большинствомъ противъ. Ленинъ и Галерка съ яснымъ челомъ вступаютъ въ правительство, гордо заявляя всѣмъ маловѣрамъ, что они приносятъ себя въ жертву „по порученію пролетаріата“ и состоятъ подъ его „контролемъ“. Шутники!

„Твердые“ товарищи до сихъ поръ не усвоили себѣ той истины, что руководящая *массами* соціальдемократическая партія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *союзомъ соціальдемократическихъ рабочихъ организацій.* Совокупность комитетовъ не есть еще партія; въ лучшемъ случаѣ, это только совокупность ея исполнительныхъ и руководящихъ органовъ. Совокупность профессіональныхъ агитаторовъ, пропагандистовъ и организаторовъ не есть еще рабочая партія—это только ея „становой хребетъ“. Партія должна быть совокупностью всѣхъ передовыхъ, сознательныхъ элементовъ пролетаріата, согласныхъ вести координированную борьбу за интересы своего класса, согласныхъ подчиняться дисциплинѣ организованнаго цѣлаго. Фактическое, а не номинальное участіе въ такой партіи предполагаетъ участіе въ ея работѣ въ цѣломъ, въ выработкѣ ея программы, ея политическихъ рѣшеній, ея тактики. И если мы до сихъ поръ переживаемъ процессъ перехода отъ „организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“ къ соц.-дем. рабочей партіи, если, по историческимъ условіямъ, этотъ переходъ не можетъ совершиться „съ сегодня на завтра“, то обязанностью всѣхъ, смотрящихъ впередъ, соціальдемократовъ является при постройкѣ и перестройкѣ партійной организаціи сознательно двигаться по направленію къ этой цѣли.

На мѣстахъ у насъ должны быть прочныя, широкія и, по возможности, не бюрократически организованныя рабочія организаціи. Каждый день приближенія къ политической свободѣ, каждый новый фактъ разложенія царизма устраняетъ тѣ затрудненія, которыя до сихъ поръ мѣшали созданію и упроченію такихъ организацій. Комитеты и другіе руководящіе органы должны все болѣе приближаться къ положенію „уполномоченныхъ“ этихъ организацій, по ихъ порученію и подъ ихъ контролемъ выполняющихъ сложныя задачи руководства работой мѣстной коллективности. Это не значитъ ни введенія „референдума“, какъ постояннаго учрежденія, ни стѣсненія иниціативы руководящихъ органовъ, ни обязательнаго немедленнаго введенія „выборнаго начала“ во всѣхъ инстанціяхъ мѣстной организаціи, ни обязательства нарушать элементарныя условія необходимой конспираціи ради торжества „гласности“ и „демократизма“. Нѣтъ! Организованные рабочіе охотно помирятся со всѣми тѣми частными отступленіями отъ демократизма въ организаціи, которыя вынуждаются внѣшними условіями, и они, повѣрьте, достаточно дорожатъ интересами регулярной работы, чтобы не требовать референдума по поводу каждаго выпускаемаго комитетомъ листка, каждаго, предпринимаемаго имъ, шага Необходимо только одно: чтобы строй нашихъ организаціонныхъ отношеній обусловливалъ собой активное и отвѣтственное участіе въ общей политикѣ партіи всѣхъ ея членовъ, ибо при этомъ только условіи партійная организація втянетъ въ себя дѣйствительный авангардъ пролетаріата, только при томъ условіи ростъ рабочаго движенія будетъ находить свое выраженіе въ расширеніи и укрѣпленіи партіи. И только при этомъ условіи „рядовые“ рабочіе, участвующіе въ нашихъ организаціонныхъ группахъ, найдутъ въ себѣ охоту и умѣнье разбираться въ нашихъ „интеллигентскихъ“ спорахъ о программѣ и тактикѣ и будутъ считать себя не менѣе „руководителей“ отвѣтственными за тотъ или иной ходъ партійныхъ дѣлъ. А внѣ этого сторонникамъ партійнаго единства и „порядка“ не видать прекращенія тѣхъ смутъ и кризисовъ, отъ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ готовы обороняться заржавѣлыми орудіями ленинскаго арсенала.

Уставъ „твердаго“ съѣзда ни на волосъ не подвигаетъ партію къ рѣшенію этой задачи. Это значитъ только, что, по прежнему, рабочимъ, не представленнымъ на съѣздѣ, придется рѣшать ее помимо и противъ комитетовъ, которые пожелаютъ принять данный уставъ.

Разумѣется, реформа нашей подпольной организаціи сама по себѣ не исчерпываетъ всѣхъ нашихъ организаціонныхъ задачъ. Какъ ни мѣняется окружающая насъ обстановка, мы все еще обречены строить организацію въ подпольѣ. Это одно суживаетъ размахъ нашей организаціонной работы въ тотъ періодъ, когда прежде всего необходимо организовывать *массы*, чтобы дать имъ въ руки оружіе для успѣшнаго выполненія исторической миссіи, возложенной на плечи россійскаго пролетаріата. Подпольная организація, въ лучшемъ случаѣ, можетъ охватить десятки тысячъ. Для того, чтобы пролетаріатъ могъ вступить въ политическое состязаніе съ быстро организующимися другими классами, онъ долженъ быть организованъ не менѣе широко, чѣмъ они. И громадная масса пролетаріевъ, не могущихъ или не склонныхъ войти въ наши подпольныя организаціи, проявляетъ лихорадочную жажду самоорганизаціи. Въ какомъ отношеніи должна стоять наша работа къ этому процессу? Должны ли мы просто „пользоваться“ массовыми рабочими организаціями, какъ объектомъ агитаціонной работы нашихъ комитетовъ? Или мы можемъ — а, стало быть, и должны — взять на себя руководящую роль въ этой работѣ по организаціи всѣхъ активныхъ элементовъ пролетаріата, чтобы уже те-

Наконецъ, въ четвергъ 5 мая состоялось большое загородное собраніе въ 600—700 чел., почти исключительно изъ рабочихъ, и притомъ въ громадномъ большинствѣ изъ небывшихъ ранѣе на массовкахъ. На этомъ собраніи были приняты рѣшенія, предложенныя комитетскими ораторами:

1) о присоединеніи къ требованіямъ петербургскихъ майскихъ митинговъ, 2) о значеніи настоящей стачки, 3) о поведеніи на случай „успокоительныхъ“ мѣропріятій администраціи. Тутъ же былъ выбранъ стачечный комитетъ для дальнѣйшаго руководства стачкой. Собраніе прошло съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. Администрація была напугана движеніемъ до послѣдней степени. Запасные — артиллеристы, стоящіе у насъ въ городѣ, совсѣмъ не надежны. 3 батареи („наши батареи“, какъ говорятъ рабочіе), наиболѣе сильно затронутыя агитаціей, были отправлены на тотъ берегъ Волги.

Казаковъ слишкомъ мало, да они, кромѣ того, нужны въ деревнѣ, гдѣ уже начинается аграрное движеніе. Въ этомъ именно смыслѣ посылались губернаторомъ телеграммы въ Питеръ. Несмотря на все это, комитету пришлось отказаться отъ устройства демонстраціи въ виду недостаточной еще зрѣлости политическаго сознанія въ массѣ и отсутствія сколько нибудь прочно организованной вооруженной обороны. Въ настоящее время забастовка прекратилась уже повсюду, кромѣ типографій и портняжныхъ мастерскихъ.

Хозяева типографій въ отвѣтъ на требованія рабочихъ, отвѣтили контръ-требованіями возвращенія къ условіямъ, бывшимъ до послѣдней забастовки. Говорятъ, что въ ихъ числѣ есть такіе оригиналы, которые мотивируютъ свое поведеніе стремленіемъ озлобить рабочихъ и заставить ихъ тѣмъ самымъ перейти къ политической борьбѣ. Типографщики же намѣрены бастовать до конца. Настроеніе у нихъ превосходное. Телеграммы печатаются въ Сызрани. На конкѣ требованія тоже удовлетворены не были, часто рабочихъ разсчитывали, а затѣмъ принимали народъ по выбору.

Денежная поддержка отъ общества все время была крайне слабая. Всего собрано 350 рублей. Находятся такіе кретины буржуазнаго либерализма, которые закрываютъ кошелекъ со словами: „у нихъ нѣтъ политическихъ требованій“. Рѣчи на банкетѣ — это политика, а революціонная майская стачка — не политика, потому что это не буржуазная политика! На банкетѣ, чествовавшемъ либеральнаго чиновника управленія акцизными сборами М. Котельникова, по доносу переведенному на ту же должность въ Оренбургъ, собрали въ пользу стачечниковъ всего 175 рублей, на пять рублей меньше, чѣмъ собрали въ честь „пострадавшаго“ Котельникова.

Соціалисты-революціонеры, имѣющіе здѣсь связи съ рабочими, отъ руководства стачкой „скромно“ отказались: „вы взялись, такъ и ведите“. Между тѣмъ, собиравшіяся ими на стачку деньги они ни намъ, ни въ стачечный комитетъ не передавали, а раздавали „*своимъ*“ рабочимъ, мотивируя это тѣмъ, что ихъ не пригласили въ комитетъ. Однимъ словомъ, какъ ни слаба наша здѣшняя организація, все-таки руководство первымъ же возникшимъ движеніемъ естественно оказалось въ нашихъ рукахъ. Его даже не пытались оспаривать ни освобожденцы, ни соціалисты-революціонеры, хотя и у тѣхъ и у другихъ имѣются тутъ свои „комитеты“. Комитетскія связи захватили теперь буквально *всѣ* мастерскія и *всѣ* категоріи рабочихъ. Собранія наши пріобрѣли самую широкую популярность. Изъ рабочей среды выдѣлилось много очень цѣнныхъ и развитыхъ рабочихъ, остававшихся ранѣе неизвѣстными комитету.

За время стачки были арестованы шесть человѣкъ на квартирахъ второго-третьяго мая: Николаевскій, Муравьевъ, Колесовъ, Куликовъ, Магазинеръ, Хохловъ и при останавливаніи мельницы Шандрина четверо: Вадалагинъ (интел.), Никитинъ (раб.), Фельдманъ (ювелиръ); всѣ избиты и лежатъ въ больницѣ. Рутченко (раб.) избитъ и увезенъ въ тюремную больницу.

Самара. По чисто случайнымъ обстоятельствамъ, которыя отъ мѣстнаго комитета не зависѣли, письма не доходили въ „Искру“; такимъ образомъ, настоящее письмо принимаетъ невольно форму краткаго отчета о мѣстной работѣ съ момента январскихъ стачекъ.

Этотъ моментъ, какъ и вездѣ въ Россіи, въ Самарѣ имѣлъ большое вліяніе на ходъ работы. Съ этого момента расширяются связи съ рабочей массой, увеличивается число кружковъ, собранія, массовки, вообще переломъ въ работѣ замѣчается довольно значительный. Начну съ описанія стачекъ, явившихся отголоскомъ январскихъ собраній. Прошли эти стачки совершенно стихійно и даже вмѣшаться комитету не удалось.

Выпущенный комитетомъ листокъ съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не подѣйствовалъ. Были стачки на чугунно-литейномъ заводѣ Лебедева, на мельницѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо; продолжались по одному, по полдня и прекращались, благодаря недостаточной солидарности рабочей массы. Единственной выигранной стачкой была стачка типографщиковъ, но и она прошла довольно не дружно. На заводѣ Лебедева сбавили всего полчаса; между прочимъ, тамъ во время стачки произошелъ такой инцидентъ: когда часть рабочихъ бросила работу и силой начали выгонять продолжающихъ работу, то произошла свалка, многихъ сильно избили.

Послѣ забастовки 10 человѣкъ выгнали, остальная масса осталась къ этому равнодушна. Вообще солидарности было очень мало. Вездѣ выставлялись экономическія требованія и почти нигдѣ не были удовлетворены. Но въ результатѣ все же у рабочихъ возникло желаніе организоваться. Эти стачки показали рабочимъ, что безъ организаціи они ничего не могутъ сдѣлать и многихъ толкнули въ ряды соціальдемократіи. Приблизительно съ этого момента работа комитета начинаетъ налаживаться. Массовки сначала въ 40 человѣкъ, а потомъ въ 130—150 чел.

4 марта произошла стачка приказчиковъ. Подготовлялась она цѣлымъ рядомъ собраній въ зданіи Биржи, происходившихъ подъ руководствомъ либераловъ. Вообще, все это движеніе представляло зрѣлище, „трогательнаго единенія“ либерализма съ „трэдъ-юніонизмомъ“. Весь день приказчики ходили по городу и закрывали магазины. Губернаторъ пріѣзжалъ къ нимъ, грозилъ на насиліе отвѣтить силой и обѣщалъ стрѣлять. Послѣ этого толпа разошлась. Наиболѣе интереснымъ является собраніе 15 числа, которое рѣшило стачку. Купцами былъ предложенъ 12-часовый день вмѣсто 11-часоваго и праздничный отдыхъ, закрытіе магазиновъ на время образовавшагося перерыва, а всѣ остальныя требованія отклонялись.

Предсѣдатель Медвѣдевъ, бывшій тверской либералъ, въ пышной рѣчи объяснялъ, что гораздо лучше принять это предложеніе, что продолженіе забастовки можетъ повредить, потому что когда много просятъ, то, пожалуй, и ничего не дадутъ, а лучше вотъ теперь принять 12-часовый день, а послѣ когда-нибудь что-нибудь опять попросимъ.

12-часовый день былъ принятъ и забастовка была закончена. На очередь былъ поставленъ вопросъ, принять ли въ общество приказчиковъ предпринимателей? Выступилъ одинъ изъ публики и старался доказать, что интересы приказчиковъ и купцовъ совершенно противоположны, что составлять одно общество нелѣпо. Но ему не дали кончить. Предсѣдатель заявилъ, что ученіе о классахъ принадлежитъ людямъ, именующимся экономистами и что вовсе никакихъ классовъ нѣтъ, а есть люди, у которыхъ одно общее дѣло, около него находятся купцы и приказчики, и если это дѣло рушится, то также теряютъ купцы, какъ и приказчики. Когда нѣкоторые попросили слова, чтобы возразить ему, то онъ не далъ, да и сами приказчики были настроены противъ „экономистовъ“.

Въ этотъ же день забастовали мельница и чугунно-литейный заводъ Журавлевой. Засѣданіе пришло уже къ концу, когда явились рабочіе и одинъ изъ нихъ обратился съ рѣчью къ приказчикамъ, прося поддержать рабочихъ, но встрѣтилъ отпоръ и крики: „не надо рабочихъ“. Въ головахъ приказчиковъ никакъ не укладывается мысль, что ихъ интересы одинаковы съ интересами рабочихъ. „Что можетъ быть общаго у приказчика, одѣтаго по послѣдней модѣ съ какимъ то пьянымъ сапожникомъ“, такъ выразился тотъ же представитель приказчиковъ.

Теперь приказчики недовольны уже не „экономистами“, а своими руководителями, ибо ихъ стачка, какъ оказалось, не дала имъ ровно ничего, кромѣ опыта, какъ *не надо* вести стачки. Хозяева обѣщанія не исполняютъ.

Приказчики представляютъ довольно значительную силу — около 7000. Недавно была стачка приказчиковъ, всѣ требованія были удовлетворены, благодаря спѣшному времени.

Комитетъ старается вмѣшиваться также въ легальныя собранія мѣстныхъ обществъ „охраны народнаго здравія“, вновь рожденнаго союза „равноправія женщинъ“ и др. Земскія собранія прошли тоже не безъ вмѣшательства комитета, правда, это вмѣшательство не было хорошо организовано, но все же удалось разбросать прокламаціи, которые попадали на столъ къ гласнымъ и въ публику. Послѣ эти засѣданія были объявлены закрытыми и публику больше не пускали.

Въ Земской Управѣ собралось засѣданіе общества охраненія народнаго здравія. Былъ прочитанъ докладъ о „тридцати пятилѣтнемъ юбилеѣ средней школы“. Докладчикъ, указавъ на ненормальное положеніе средней школы, сказалъ, что оно связано съ положеніемъ всего министерства народнаго просвѣщенія и что необходимы реформы въ этомъ министерствѣ. Въ заключеніи возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Ему возражали трое соціальдемократовъ, указывали, что „ненормальное положеніе школы связано не только съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а со всѣмъ государственнымъ порядкомъ и, чтобы измѣнить положеніе средней школы, нужно не реформировать м. н. п., а перестроить весь государственный порядокъ, нужно низверженіе самодержавія путемъ всенароднаго возстанія, нужно Учредительное Собраніе, которое дастъ возможность бороться открыто соціальдемократіи за демократическую республику. Говорили о Земскомъ Соборѣ, что онъ является лишь большой коммиссіей, что его должна постигнуть такая судьба, какая постигла всѣ коммиссіи, если только онъ будетъ осуществленъ. Возражали имъ мало. Одинъ лишь либералъ пропѣлъ серенаду, что все де молъ насчетъ демократической республики хорошо, что онъ, можетъ, чего нибудь и больше хочетъ, но что нужно отъ коммиссій тоже пользоваться, а демократическая республика, это еще Богъ знаетъ, когда она будетъ. Однако, либералы на этотъ разъ не разбѣжались, какъ это было на собраніи педагогическаго кружка при томъ же составѣ членовъ общества. Говорятъ, что прокуратура возбуждаетъ дѣло. Мѣстный союзъ „равноправія женщинъ“ рѣшилъ ходатайствовать объ Учредительномъ Собраніи, основанномъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ. Сначала женщины сомнѣвались, нужно ли равное, прямое и тайное голосованіе, и, такъ какъ считали себя еще не подготовленными въ этомъ вопросѣ, то предлагали раньше „подумать“.

Недавно здѣсь состоялись засѣданія съѣзда народныхъ учителей, на которыхъ была принята резолюція о необходимости Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права.

18 апрѣля здѣсь праздновалось маевка за городомъ. Было устроено собраніе человѣкъ изъ 300 рабочихъ и интеллигентовъ. Говорили о праздникѣ перваго мая, какое онъ имѣетъ значеніе вообще, о 8 часовомъ рабочемъ днѣ и о томъ, какое значеніе имѣетъ для Россіи настоящее первое мая и какъ мы должны праздновать его и какія задачи выдвигаетъ жизнь передъ россійской соціальдемократіей. Были выкинуты красные флаги съ надписями: „да здравствуетъ первое мая“, „Свобода или смерть!“ и др. Пѣли пѣсни. Полиція не помѣшала.

Недавно здѣсь появился комитетъ Союза Освобожденія и выпустилъ брошюру „великая перемѣна“ (къ крестьянамъ, мѣщанамъ и рабочимъ).

Ростовъ н/Д. Недавно закончилось дознаніе о „банкетѣ въ память 40 л. судебныхъ уставовъ въ коммерческомъ клубѣ 5 дек. 1904 г., носившемъ противоправительственный характеръ“. Начатое послѣ опубликованія резолюціи Николая II о „дерзкомъ и безтактномъ“ поступкѣ черниговскаго предводителя, оно тянулось около полугода. По дѣлу этому привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго только одинъ изъ ораторовъ банкета, рѣчь котораго произвела въ свое время весьма сильное впечатлѣніе, а именно докторъ философіи гейдельбергскаго университета С. Г. Сватиковъ. Кромѣ того, разыскивался, — но тщетно, — представитель Донского Ком., говорившій на банкетѣ отъ имени ростово-нахичеванскихъ рабочихъ, и одинъ рабочій, который въ перехваченномъ жандармами письмѣ къ товарищамъ подробно разсказываетъ о банкетѣ, сообщая разныя конспиративныя данныя о другихъ лицахъ и о себѣ самомъ, причемъ, рядомъ съ псевдонимомъ (кличкой), сообщилъ и подлинное свое имя. Сватиковъ былъ арестованъ 17 дек. и пробылъ въ тюрьмѣ болѣе 2 мѣсяцевъ, послѣ чего выпущенъ подъ залогъ въ 1500 руб. Свидѣтелями по этому дѣлу вызваны были присяжные повѣренные — устроители банкета, гости банкета, члены клуба и другія лица, которыя такъ или иначе (хотя и безъ билетовъ) проникли въ залу, и, наконецъ, шпіоны. Первыми были вызваны клубные лакеи, состоящіе на службѣ охраннаго отдѣленія, — братья Ишковы — Венедиктъ и Акимъ. Оба показали, что слышали, какъ обвиняемый говорилъ: „долой пошлое (!) самодержавіе, долой войну“ и т. д. Акимъ рѣшилъ немедленно-же прослѣдить этого вреднаго бунтовщика и уже ни на минуту не выпускалъ изъ виду оратора и лицъ, которыя подходили къ нему (справки о послѣднихъ Акимъ получалъ отъ эконома Смѣлова). Взволнованному воображенію Акима почудилось, что ораторъ говорилъ переодѣтымъ и съ приклеенной бородой (что дознаніемъ не подтвердилось). Шпіонили Акимъ и Венедиктъ, какъ они поспѣшно оговариваются, „по собственному (!) побужденію“. За ними вызваны были лица, непричастныя къ банкету, но, какъ о томъ неизвѣстными путями освѣдомилось охранное отдѣленіе, все-же проникшіе на банкетъ и готовые дать жандармамъ желательныя для нихъ показанія. Это — купецъ Харьковщенко, почетный гражданинъ Л. Колосовъ, учитель реальнаго училища Н. Батицкій, казакъ Цыплаковъ, полковникъ конвойной команды Эфенди и купецъ Золотаревъ. Всѣ они разсказываютъ, что глубоко возмутились дерзкими революціонными рѣчами, особенно Сватикова и рабочаго изъ Донск. Ком., причемъ оказывается, что они слышали именно *эти*, а не другія какія рѣчи. Батицкій, Эфенди и Золотаревъ прибавляютъ, что узнавши о крамолѣ, воцарившейся въ клубѣ, они пытались заставить директора клуба разогнать банкетъ, или вызвать полицію, но, не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, ушли подальше изъ этого мѣста игры въ карты, оскверненнаго пребываніемъ крамольниковъ. Показанія ихъ обнаруживаютъ желаніе перервать горло крамолѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособность понять сущность рѣчей и недостаточную опытность въ доносительствѣ. Показанія шпіоновъ и добровольныхъ доносчиковъ не давали достаточно матеріала для привлеченія кого-либо къ отвѣтственности. Таковой былъ данъ показаніями присяжныхъ повѣренныхъ — участниковъ банкета — Оболонскаго, Черняка, Плосконнаго и врача Колорѣзова, которые очень дружно и единодушно заявили о своемъ благородномъ негодованіи на Сватикова и рабочихъ, осквернявшихъ революціонными рѣчами ихъ мирный товарищескій ужинъ. Они считали долгомъ дать свои доносительскія показанія, ибо въ рѣчи Сватикова они почуяли противныя имъ соціаль-демократическія убѣжденія. Въ полномъ согласіи съ ними показали и ораторы банкета — присяжные повѣренные Л. Волкенштейнъ и В. Севастьяновъ. Первый говорилъ о свободѣ совѣсти, какъ необходимомъ элементѣ конституціи, второй — о необходимости для Россіи конституціи, которую получили 25 л. назадъ болгары. Волкенштейнъ, давшій, какъ теперь выяснилось, предательскія показанія по дѣлу Мошинскаго (дѣло 1-го Донск. Ком.), показалъ въ томъ-же родѣ и на этотъ разъ. Между прочимъ, онъ приписалъ Сватикову восклицаніе „да здравствуетъ ростово-нахичеванскій революціонный комитетъ(?)“, чѣмъ ввелъ въ лишніе труды производившаго дознаніе ротмистра Карпова, который 3 мѣсяца усердно, но безплодно искалъ этотъ „новый“ комитетъ.

Но интереснѣе и характернѣе всѣхъ было показаніе предсѣдателя банкета, избраннаго по предложенію мѣстныхъ либераловъ и демократовъ, присяжнаго повѣрен. Горева. Горевъ тоже заявляетъ о „мирномъ“ характерѣ „товарищескаго ужина юристовъ“ (умалчивая о конституціонныхъ рѣчахъ) и возмущается дерзкими рѣчами рабочаго и упомянутаго Сватикова. Послѣдняго онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ ввелъ въ залу „шайку соціальдемократовъ съ ихъ красными тряпками“, что онъ былъ руководителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего „скандала, произведеннаго этими субъектами“ и т. п. Напомнимъ, что во время рѣчи второго и третьяго либеральнаго оратора поднялся изъ толпы стоявшихъ у стѣны рабочихъ представитель Донск. Ком., требовавшій слова отъ имени рабочихъ, группировавшихся близъ клуба въ сосѣднихъ улицахъ. Горевъ остановилъ его и не давалъ ему говорить, причемъ нѣкоторые либералы завывали: „вонъ, вонъ ихъ! Они безъ билетовъ (!), что за нахалы!“ и т. п. Попытка Сватикова настоять на свободѣ слова для соціальдемократическаго оратора была отвергнута предсѣдателемъ. „Съ этого момента“ — показываетъ Горевъ — „я сталъ получать записки, требовавшія, чтобы дали слово соціальдемократическому оратору. Нѣкоторые писали: „будетъ иначе скандалъ, быть можетъ, кровопролитіе!...“ Я колебался, не вызвать ли мнѣ полицію или жандармовъ, чтобы удалить вонъ *этихъ господъ*. Меня останавливала мысль, что меня за это могутъ сжить со свѣту, выжить изъ города, а также то, что выгоняя соціальдемократовъ, полиція могла избить *нечаянно* и *насъ*, и *нашихъ* женъ. А это было нежелательно(!). Поэтому я съ удовольствіемъ узналъ, что въ сосѣдней комнатѣ полиціймейстеръ, который все время съ кѣмъ-то говоритъ по телефону. Благодаря такимъ запискамъ и размышленію по ихъ поводу, я не слыхалъ рѣчей офиціальныхъ ораторовъ. Наконецъ я рѣшилъ, что лучше дать соціальдемократу слово; онъ говорилъ среди кучки единомышленниковъ, плохо, заикаясь, такъ что я слыхалъ лишь отдѣльныя выраженія: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ республика! Тираны!“ „кровь“ и т. п. Когда онъ окончилъ, я облегченно вздохнулъ, думая, что этимъ скандалъ кончился, но оказалось, что гвоздь ихъ программы былъ впереди. Отрекомендовавшійся мнѣ, какъ докторъ философіи и секретарь петербургскаго банкета, Сватиковъ попросилъ слова. Я, принявъ его за человѣка изъ общества, далъ ему слово, но былъ пораженъ, услышавъ, что онъ говоритъ!..“ Слѣдуетъ своеобразная передача рѣчи Сватикова. „Я не могъ и думать остановить его, такъ какъ чувствовалъ, что если я вздумаю прервать его, то всѣ эти соціальдемократы, рабочіе, и т. п., съ восторгомъ внимавшіе рѣчи своего вожака, разобьютъ мнѣ голову. И я пассивно выслушалъ эту рѣчь“. Далѣе описывается финалъ банкета съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Производившій дознаніе жандармъ сказалъ обвиняемому, что онъ не считаетъ возможнымъ привлечь его по обвиненію въ томъ, въ чемъ его обвиняетъ Горевъ, но считаетъ долгомъ, на основаніи показаній Горева, Севастьянова, Волкенштейна и Колорѣзова привлечь его по статьямъ 128 и 129.

Такимъ образомъ, дѣло [illegible] возбуждено по [illegible] даннымъ, добытымъ жандармами отъ самихъ либераловъ. [illegible] ихъ въ своихъ рѣчахъ конституціи [illegible] Парамоновъ, Лимановъ, Черни[illegible] Берберовъ, Коганъ) имѣли смѣло[illegible] о рѣчахъ рабочаго и Св. [illegible] дали почти всѣ свидѣтели объ устройствѣ банкета, предали [illegible] другъ друга, но за это не привлеченъ никто. По поводу показаній либераловъ областной жандармскій генералъ Тихановичъ сказалъ: „Они полаяли, какъ шавки, на самодержавіе, а когда мы на нихъ прикрикнули, — всѣ они шмыгнули въ подворотню“. На другой день послѣ ареста, Сватиковъ послалъ телеграмму Святополку-Мирскому, требуя освобожденія, такъ какъ иначе Святополкъ долженъ признать себя провокаторомъ; „я обращаюсь къ вашему чувству чести“, писалъ Сватиковъ. Честь Святополка оказалась въ департаментѣ полиціи, такъ какъ оттуда пришелъ отвѣтъ, что министръ отдаетъ дѣло на разрѣшеніе мѣстнаго жандарма Карпова.

перь связать себя организаціонными нитями съ этими соединеніями пролетаріевъ, которыя одни только представятъ въ свободной Россіи надлежащій организаціонный аппаратъ для руководства классовой борьбой пролетаріата, — дѣйствительную рабочую партію? Или, замкнувшись въ своихъ „комитетскихъ“ организаціяхъ, мы предоставимъ непартійнымъ элементамъ „рабочелюбивой“ интеллигенціи выполнить эту „черную“ работу организаціи массъ — чтобы впослѣдствіи оказаться въ положеніи американскихъ „де леонитовъ“, при всемъ своемъ соціалистическомъ правовѣріи, сумѣвшихъ стать совершенно чуждыми „стихійно“ развивающейся къ соціализму пролетарской интеллигенціи?

Рѣшенія „твердаго“ съѣзда показываютъ, что этого вопроса для части нашихъ комитетчиковъ даже и не существуетъ. Правда, ихъ резолюція объ „открытомъ выступленіи Р. С.-Д. Р. П.“ показываетъ, что мысль о предстоящей коренной ломкѣ условій нашей работы мелькаетъ въ ихъ сознаніи, но, съѣхавшись на свой съѣздъ, они не нашли момента достаточно „назрѣвшимъ“, чтобы указать членамъ партіи на обязанность соціальдемократіи стать дѣятельнымъ центромъ, направляющимъ этотъ стихійно развивающійся процессъ образованія политическихъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, возникающихъ внѣ плоскости партійнаго подполья. И жизнь жестоко насмѣялась надъ ними. Въ то время, какъ съ узколобіемъ старообрядческихъ начетчиковъ они извлекали изъ архивной пыли, изъ подъ толстаго слоя полемическаго мусора, пресловутый ленинскій § 1, чтобы торжественно повѣдать міру, что они твердо рѣшились окончательно отгородиться отъ рабочаго класса, который уже самъ показалъ свое намѣреніе отгородиться отъ нихъ, — въ это самое время въ разныхъ концахъ Россіи рабочіе соціалдемократы начали успѣшно работать надъ закладываніемъ основъ будущей „легальной“ пролетарской организаціи, создавая „явочнымъ порядкомъ“ профессіональные союзы въ Петербургѣ, участвуя въ попыткахъ харьковскаго „общества занимающихся ремесленнымъ трудомъ“ объединить всѣ „легальныя“ рабочія общества.

Вопросъ объ организаціи *массъ* не привлекъ къ себѣ вниманіе членовъ съѣзда. Это и понятно: представители отжившихъ традицій болѣзненнаго періода въ развитіи партіи, они совершенно поглощены „техническимъ“ приготовленіемъ возстанія. Они готовятся къ революціи, какъ „штабъ спѣвшихся революціонеровъ“, сегодня предлагающій себя массамъ въ роли руководителей повседневной борьбой, завтра — въ роли участниковъ временнаго правительства, послѣзавтра — въ роли депутатовъ въ парламентѣ. О томъ, что „организовать революцію“ для соціальдемократа значитъ „организовать массы“, они до сихъ поръ не догадались.

Но непониманіе значенія организаціи массъ стоитъ въ тѣсной связи съ *тактическими* воззрѣніями, восторжествовавшими на твердомъ съѣздѣ. Оцѣнкѣ этихъ воззрѣній мы посвятимъ слѣдующую статью.

Наконецъ, въ четвергъ 5 мая состоялось большое загородное собраніе въ 600—700 чел., почти исключительно изъ рабочихъ, и притомъ въ громадномъ большинствѣ изъ небывшихъ ранѣе на массовкахъ. На этомъ собраніи были приняты рѣшенія, предложенныя комитетскими ораторами:

1) о присоединеніи къ требованіямъ петербургскихъ майскихъ митинговъ, 2) о значеніи настоящей стачки, 3) о поведеніи на случай „успокоительныхъ“ мѣропріятій администраціи. Тутъ же былъ выбранъ стачечный комитетъ *для* дальнѣйшаго руководства стачкой. Собраніе прошло съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. Администрація была напугана движеніемъ до послѣдней степени. Запасные — артиллеристы, стоящіе у насъ въ городѣ, совсѣмъ не надежны. 3 батареи („наши батареи“, какъ говорятъ рабочіе), наиболѣе сильно затронутыя агитаціей, были отправлены на тотъ берегъ Волги.

Казаковъ слишкомъ мало, да они, кромѣ того, нужны въ деревнѣ, гдѣ уже начинается аграрное движеніе. Въ этомъ именно смыслѣ посылались губернаторомъ телеграммы въ Питеръ. Несмотря на все это, комитету пришлось отказаться отъ устройства демонстраціи въ виду недостаточной еще зрѣлости политическаго сознанія въ массѣ и отсутствія сколько-нибудь прочно организованной вооруженной обороны. Въ настоящее время забастовка прекратилась уже повсюду, кромѣ типографій и портняжныхъ мастерскихъ.

Хозяева типографій въ отвѣтъ на требованія рабочихъ, отвѣтили контръ-требованіями возвращенія къ условіямъ, бывшимъ до послѣдней забастовки. Говорятъ, что въ ихъ числѣ есть такіе оригиналы, которые мотивируютъ свое поведеніе стремленіемъ озлобить рабочихъ и заставить ихъ тѣмъ самымъ перейти къ политической борьбѣ. Типографщики же намѣрены бастовать до конца. Настроеніе у нихъ превосходное. Телеграммы печатаются въ Сызрани. На конкѣ требованія тоже удовлетворены не были, часто рабочихъ разсчитывали, а затѣмъ принимали народъ по выбору.

Денежная поддержка отъ общества все время была крайне слабая. Всего собрано 350 рублей. Находятся такіе кретины буржуазнаго либерализма, которые закрываютъ кошелекъ со словами: „у нихъ нѣтъ политическихъ требованій“. Рѣчи на банкетѣ — это политика, а революціонная майская стачка — не политика, потому что это не буржуазная политика! На банкетѣ, чествовавшемъ либеральнаго чиновника управленія акцизными сборами М. Котельникова, по доносу переведенному на ту же должность въ Оренбургъ, собрали въ пользу стачечниковъ всего 175 рублей, на пять рублей меньше, чѣмъ собрали въ честь „пострадавшаго“ Котельникова.

Соціалисты-революціонеры, имѣющіе здѣсь связи съ рабочими, отъ руководства стачкой „скромно“ отказались: „вы взялись, такъ и ведите“. Между тѣмъ, собиравшіяся ими на стачку деньги они ни намъ, ни въ стачечный комитетъ не передавали, а раздавали „*своимъ*“ рабочимъ, мотивируя это тѣмъ, что ихъ не пригласили въ комитетъ. Однимъ словомъ, какъ ни слаба наша здѣшняя оргонизація, все-таки руководство первымъ же возникшимъ движеніемъ естественно оказалось въ нашихъ рукахъ. Его даже не пытались оспаривать ни освобожденцы, ни соціалисты-революціонеры, хотя и у тѣхъ и у другихъ имѣются тутъ свои „комитеты“. Комитетскія связи захватили теперь буквально *всѣ* мастерскія и *всѣ* категоріи рабочихъ. Собранія наши пріобрѣли самую широкую популярность. Изъ рабочей среды выдѣлилось много очень цѣнныхъ и развитыхъ рабочихъ, остававшихся ранѣе неизвѣстными комитету.

За время стачки были арестованы шесть человѣкъ на квартирахъ второго-третьяго мая: Николаевскій, Муравьевъ, Колесовъ, Куликовъ, Магазинеръ, Хохловъ и при останавливаніи мельницы Шандрина четверо: Вадалагинъ (интел.), Никитинъ (раб.), Фельдманъ (ювелиръ); всѣ избиты и лежатъ въ больницѣ. Рутченко (раб.) избитъ и увезенъ въ тюремную больницу.

Самара. По чисто случайнымъ обстоятельствамъ, которыя отъ мѣстнаго комитета не зависѣли, письма не доходили въ „Искру“; такимъ образомъ, настоящее письмо принимаетъ невольно форму краткаго отчета о мѣстной работѣ съ момента январскихъ стачекъ.

Этотъ моментъ, какъ и вездѣ въ Россіи, въ Самарѣ имѣлъ большое вліяніе на ходъ работы. Съ этого момента расширяются связи съ рабочей массой, увеличивается число кружковъ, собранія, массовки, вообще переломъ въ работѣ замѣчается довольно значительный. Начну съ описанія стачекъ, явившихся отголоскомъ январскихъ собраній. Прошли эти стачки совершенно стихійно и даже вмѣшаться комитету не удалось.

Выпущенный комитетомъ листокъ съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не подѣйствовалъ. Были стачки на чугунно-литейномъ заводѣ Лебедева, на мельницѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо; продолжались по одному, по полдня и прекращались, благодаря недостаточной солидарности рабочей массы. Единственной выигранной стачкой была стачка типографщиковъ, но и она прошла довольно не дружно. На заводѣ Лебедева сбавили всего полчаса; между прочимъ, тамъ во время стачки произошелъ такой инцидентъ: когда часть рабочихъ бросила работу и силой начали выгонять продолжающихъ работу, то произошла свалка, многихъ сильно избили.

Послѣ забастовки 10 человѣкъ выгнали, остальная масса осталась къ этому равнодушна. Вообще солидарности было очень мало. Вездѣ выставлялись экономическія требованія и почти нигдѣ не были удовлетворены. Но въ результатѣ все же у рабочихъ возникло желаніе организоваться. Эти стачки показали рабочимъ, что безъ организаціи они ничего не могутъ сдѣлать и многихъ толкнули въ ряды соціальдемократіи. Приблизительно съ этого момента работа комитета начинаетъ налаживаться. Массовки сначала въ 40 человѣкъ, а потомъ въ 130—150 чел.

4 марта произошла стачка приказчиковъ. Подготовлялась она цѣлымъ рядомъ собраній въ зданіи Биржи, происходившихъ подъ руководствомъ либераловъ. Вообще, все это движеніе представляло зрѣлище, „трогательнаго единенія“ либерализма съ „трэдъ-юніонизмомъ“. Весь день приказчики ходили по городу и закрывали магазины. Губернаторъ пріѣзжалъ къ нимъ, грозилъ на насиліе отвѣтить силой и обѣщалъ стрѣлять. Послѣ этого толпа разошлась. Наиболѣе интереснымъ является собраніе 15 числа, которое рѣшило стачку. Купцами былъ предложенъ 12-часовый день вмѣсто 11-часоваго и праздничный отдыхъ, закрытіе магазиновъ на время образовавшагося перерыва, а всѣ остальныя требованія отклонялись.

Предсѣдатель Медвѣдевъ, бывшій тверской либералъ, въ пышной рѣчи объяснялъ, что гораздо лучше принять это предложеніе, что продолженіе забастовки можетъ повредить, потому что когда много просятъ, то, пожалуй, и ничего не дадутъ, а лучше вотъ теперь принять 12-часовый день, а послѣ когда-нибудь что-нибудь опять попросимъ.

12-часовый день былъ принятъ и забастовка была закончена. На очередь былъ поставленъ вопросъ, принять ли въ общество приказчиковъ предпринимателей? Выступилъ одинъ изъ публики и старался доказать, что интересы приказчиковъ и купцовъ совершенно противоположны, что составлять одно общество нелѣпо. Но ему не дали кончить. Предсѣдатель заявилъ, что ученіе о классахъ принадлежитъ людямъ, именующимся экономистами и что вовсе никакихъ классовъ нѣтъ, а есть люди, у которыхъ одно общее дѣло, около него находятся купцы и приказчики, и если это дѣло рушится, то также теряютъ купцы, какъ и приказчики. Когда нѣкоторые попросили слова, чтобы возразить ему, то онъ не далъ, да и сами приказчики были настроены противъ „экономистовъ“.

Въ этотъ же день забастовали мельница и чугунно-литейный заводъ Журавлевой. Засѣданіе пришло уже къ концу, когда явились рабочіе и одинъ изъ нихъ обратился съ рѣчью къ приказчикамъ, прося поддержать рабочихъ, но встрѣтилъ отпоръ и крики: „не надо рабочихъ“. Въ головахъ приказчиковъ никакъ не укладывается мысль, что ихъ интересы одинаковы съ интересами рабочихъ. „Что можетъ быть общаго у приказчика, одѣтаго по послѣдней модѣ съ какимъ то пьянымъ сапожникомъ“, такъ выразился тотъ же представитель приказчиковъ.

Теперь приказчики недовольны уже не „экономистами“, а своими руководителями, ибо ихъ стачка, какъ оказалось, не дала имъ ровно ничего, кромѣ опыта, какъ *не надо* вести стачки. Хозяева обѣщанія не исполняютъ.

Приказчики представляютъ довольно значительную силу — около 7000. Недавно была стачка приказчиковъ, всѣ требованія были удовлетворены, благодаря спѣшному времени.

Комитетъ старается вмѣшиваться также въ легальныя собранія мѣстныхъ обществъ „охраны народнаго здравія“, вновь рожденнаго союза „равноправія женщинъ“ и др. Земскія собранія прошли тоже не безъ вмѣшательства комитета, правда, это вмѣшательство не было хорошо организовано, но все же удалось разбросать прокламаціи, которые попадали на столъ къ гласнымъ и въ публику. Послѣ эти засѣданія были объявлены закрытыми и публику больше не пускали.

Въ Земской Управѣ собралось засѣданіе общества охраненія народнаго здравія. Былъ прочитанъ докладъ о „тридцати пятилѣтнемъ юбилеѣ средней школы“. Докладчикъ, указавъ на ненормальное положеніе средней школы, сказалъ, что оно связано съ положеніемъ всего министерства народнаго просвѣщенія и что необходимы реформы въ этомъ министерствѣ. Въ заключеніи возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Ему возражали трое соціальдемократовъ, указывали, что „ненормальное положеніе школы связано не только съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а со всѣмъ государственнымъ порядкомъ и, чтобы измѣнить положеніе средней школы, нужно не реформировать м. н. п., а перестроить весь государственный порядокъ, нужно низверженіе самодержавія путемъ всенароднаго возстанія, нужно Учредительное Собраніе, которое дастъ возможность бороться открыто соціальдемократіи за демократическую республику. Говорили о Земскомъ Соборѣ, что онъ является лишь большой коммиссіей, что его должна постигнуть такая судьба, какая постигла всѣ коммиссіи, если только онъ будетъ осуществленъ. Возражали имъ мало. Одинъ лишь либералъ пропѣлъ серенаду, что все де молъ насчетъ демократической республики хорошо, что онъ, можетъ, чего нибудь и больше хочетъ, но что нужно отъ коммиссій тоже пользоваться, а демократическая республика, это еще Богъ знаетъ, когда она будетъ. Однако, либералы на этотъ разъ не разбѣжались, какъ это было на собраніи педагогическаго кружка при томъ же составѣ членовъ общества. Говорятъ, что прокуратура возбуждаетъ дѣло. Мѣстный союзъ „равноправія женщинъ“ рѣшилъ ходатайствовать объ Учредительномъ Собраніи, основанномъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ. Сначала женщины сомнѣвались, нужно ли равное, прямое и тайное голосованіе, и, такъ какъ считали себя еще не подготовленными въ этомъ вопросѣ, то предлагали раньше „подумать“.

Недавно здѣсь состоялись засѣданія съѣзда народныхъ учителей, на которыхъ была принята резолюція о необходимости Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права.

18 апрѣля здѣсь праздновалось маевка за городомъ. Было устроено собраніе человѣкъ изъ 300 рабочихъ и интеллигентовъ. Говорили о праздникѣ перваго мая, какое онъ имѣетъ значеніе вообще, о 8 часовомъ рабочемъ днѣ и о томъ, какое значеніе имѣетъ для Россіи настоящее первое мая и какъ мы должны праздновать его и какія задачи выдвигаетъ жизнь передъ россійской соціальдемократіей. Были выкинуты красные флаги съ надписями: „да здравствуетъ первое мая“, „Свобода или смерть!“ и др. Пѣли пѣсни. Полиція не помѣшала.

Недавно здѣсь появился комитетъ Союза Освобожденія и выпустилъ брошюру „великая перемѣна“ (къ крестьянамъ, мѣщанамъ и рабочимъ).

Ростовъ н/Д. Недавно закончилось дознаніе о „банкетѣ въ память 40 л. судебныхъ уставовъ въ коммерческомъ клубѣ 5 дек. 1904 г., носившемъ противоправительственный характеръ“. Начатое послѣ опубликованія резолюціи Николая II о „дерзкомъ и безтактномъ“ поступкѣ черниговскаго предводителя, оно тянулось около полугода. По дѣлу этому привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго только одинъ изъ ораторовъ банкета, рѣчь котораго произвела въ свое время весьма сильное впечатлѣніе, а именно докторъ философіи гейдельбергскаго университета С. Г. Сватиковъ. Кромѣ того, разыскивался, — но тщетно, — представитель Донского Ком., говорившій на банкетѣ отъ имени ростово-нахичеванскихъ рабочихъ, и одинъ рабочій, который въ перехваченномъ жандармами письмѣ къ товарищамъ подробно разсказываетъ о банкетѣ, сообщая разныя конспиративныя данныя о другихъ лицахъ и о себѣ самомъ, причемъ, рядомъ съ псевдонимомъ (кличкой), сообщилъ и подлинное свое имя. Сватиковъ былъ арестованъ 17 дек. и пробылъ въ тюрьмѣ болѣе 2 мѣсяцевъ, послѣ чего выпущенъ подъ залогъ въ 1500 руб. Свидѣтелями по этому дѣлу вызваны были присяжные повѣренные — устроители банкета, гости банкета, члены клуба и другія лица, которыя такъ или иначе (хотя и безъ билетовъ) проникли въ залу, и, наконецъ, шпіоны. Первыми были вызваны клубные лакеи, состоящіе на службѣ охраннаго отдѣленія, — братья Ишковы — Венедиктъ и Акимъ. Оба показали, что слышали, какъ обвиняемый говорилъ: „долой пошлое (!) самодержавіе, долой войну“ и т. д. Акимъ рѣшилъ немедленно-же прослѣдить этого вреднаго бунтовщика и уже ни на минуту не выпускалъ изъ виду оратора и лицъ, которыя подходили къ нему (справки о послѣднихъ Акимъ получилъ отъ эконома Смѣлова). Взволнованному воображенію Акима почудилось, что ораторъ говорилъ переодѣтымъ и съ приклеенной бородой (что дознаніемъ не подтвердилось). Шпіоняли Акимъ и Венедиктъ, какъ они [illegible] оговариваются, „по собственному (!) побужденію“. За ними вызваны были лица, непричастныя къ банкету, но, какъ о томъ неизвѣстными путями освѣдомилось охранное отдѣленіе, все-же проникшіе на банкетъ и готовые дать жандармамъ желательныя для нихъ показанія. Это — купецъ Харьковщенко, почетный гражданинъ Л. Колосовъ, учитель реальнаго училища Н. Батицкій, казакъ Цыплаковъ, полковникъ конвойной команды Эфенди и купецъ Золотаревъ. Всѣ они разсказываютъ, что глубоко возмутились дерзкими революціонными рѣчами, особенно Сватикова и рабочаго изъ Донск. Ком., причемъ оказывается, что они слышали именно *эти*, а не другія какія рѣчи. Батицкій, Эфенди и Золотаревъ прибавляютъ, что узнавши о крамолѣ, водарившейся въ клубѣ, они пытались заставить директора клуба разогнать банкетъ, или вызвать полицію, но, не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, ушли подальше изъ этого мѣста игры въ карты, оскверненнаго пребываніемъ крамольниковъ. Показанія ихъ обнаруживаютъ желаніе перервать горло крамолѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособность понять сущность рѣчей и недостаточную опытность въ доносительствѣ. Показанія шпіоновъ и добровольныхъ доносчиковъ не давали достаточно матеріала для привлеченія кого-либо къ отвѣтственности. Таковой былъ данъ показаніями присяжныхъ повѣренныхъ — участниковъ банкета — Оболонскаго, Черняка, Плосконнаго и врача Козорѣзова, которые очень дружно и единодушно заявили о своемъ благородномъ негодованіи на Сватикова и рабочихъ, осквернившихъ революціонными рѣчами ихъ мирный товарищескій ужинъ. Они считали долгомъ дать свои доносительскія показанія, ибо въ рѣчи Сватикова они почуяли противныя имъ соціаль-демократическія убѣжденія. Въ полномъ согласіи съ ними показали и ораторы банкета — присяжные повѣренные Л. Волкенштейнъ и В. Севастьяновъ. Первый говорилъ о свободѣ совѣсти, какъ необходимомъ элементѣ конституціи, второй — о необходимости для Россіи конституціи, которую получили 25 л. назадъ болгары. Волкенштейнъ, давшій, какъ теперь выяснилось, предательскія показанія по дѣлу Мошинскаго (дѣло I-го Донск. Ком.), показалъ въ томъ-же родѣ и на этотъ разъ. Между прочимъ, онъ приписалъ Сватикову восклицаніе „да здравствуетъ ростово-нахичеванскій революціонный комитетъ(?)“, чѣмъ ввелъ въ лишніе труды производившаго дознаніе ротмистра Карпова, который 3 мѣсяца усердно, но безплодно искалъ этотъ „новый“ комитетъ.

Но интереснѣе и характернѣе всѣхъ было показаніе предсѣдателя банкета, избраннаго по предложенію мѣстныхъ либераловъ и демократовъ, присяжнаго повѣрен. Горева. Горевъ тоже заявляетъ о „мирномъ“ характерѣ „товарищескаго ужина юристовъ“ (умалчивая о конституціонныхъ рѣчахъ) и возмущается дерзкими рѣчами рабочаго и упомянутаго Сватикова. Послѣдняго онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ ввелъ въ залу „шайку соціальдемократовъ съ ихъ красными тряпками“, что онъ былъ руководителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего „скандала, произведеннаго этими субъектами“ и т. п. Напомнимъ, что во время рѣчи второго и третьяго либеральнаго оратора поднялся изъ толпы стоявшихъ у стѣны рабочихъ представитель Донск. Ком., требовавшій слова отъ имени рабочихъ, группировавшихся близь клуба въ сосѣднихъ улицахъ. Горевъ остановилъ его и не давалъ ему говорить, причемъ нѣкоторые либералы завывали: „вонъ, вонъ ихъ! Они безъ билетовъ (!), что за нахалы!“ и т. п. Попытка Сватикова настоять на свободѣ слова для соціальдемократическаго оратора была отвергнута предсѣдателемъ. „Съ этого момента“ — показываетъ Горевъ — „я сталъ получать записки, требовавшія, чтобы дали слово соціальдемократическому оратору. Нѣкоторые писали: „будетъ иначе скандалъ, быть можетъ, кровопролитіе!...“ Я колебался, не вызвать ли мнѣ полицію или жандармовъ, чтобы удалить вонъ *этихъ господъ*. Меня останавливала мысль, что меня за это могутъ сжить со свѣту, выжить изъ города, а также то, что выгоняя соціальдемократовъ, полиція могла избить *нечаянно* и *насъ*, и *нашихъ* женъ. А это было нежелательно(!). Поэтому *я* съ удовольствіемъ узналъ, что въ сосѣдней комнатѣ полиціймейстеръ, который все время съ кѣмъ-то говоритъ по телефону. Благодаря такимъ запискамъ и размышленію по ихъ поводу, *я* не слыхалъ рѣчей офиціальныхъ ораторовъ. Наконецъ, *я* рѣшилъ, что лучше дать соціальдемократу слово; онъ говорилъ среди кучки единомышленниковъ, плохо, заикаясь, такъ что я слыхалъ лишь отдѣльныя выраженія: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ республика! Тираны!“ „кровь“ и т. п. Когда онъ окончилъ, *я* облегченно вздохнулъ, думая, что этимъ скандалъ кончился, но оказалось, что гвоздь ихъ программы былъ впереди. Отрекомендовавшійся мнѣ, какъ докторъ философіи и секретарь петербургскаго банкета, Сватиковъ попросилъ слова. Я, принявъ его за человѣка изъ общества, далъ ему слово, но былъ пораженъ, услышавъ, что онъ говоритъ!...“ (слѣдуетъ своеобразная передача рѣчи Сватикова). „Я не могъ и думать остановить его, такъ какъ чувствовалъ, что если *я* вздумаю прервать его, то всѣ эти соціальдемократы, рабочіе, и т. п., съ восторгомъ внимавшіе рѣчи своего вожака, разобьютъ мнѣ голову. И *я* пассивно выслушалъ эту рѣчь“. Далѣе описывается финалъ банкета съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Производившій дознаніе жандармъ сказалъ обвиняемому, что онъ не считаетъ возможнымъ привлечь его по обвиненію въ томъ, въ чемъ его обвиняетъ Горевъ, но считаетъ долгомъ, на основаніи показаній Горева, Севастьянова, Волкенштейна и Козорѣзова, привлечь его по статьямъ 128 и 129.

Такимъ образомъ, дѣло это возбуждено по даннымъ, добытымъ жандармами, отъ самихъ либераловъ, требовавшихъ въ своихъ рѣчахъ конституціи. Дальнѣйшіе свидѣтели (Уткинъ, Парамоновъ, Лимановъ, Черниковъ, Городисскій, Чалхушьянъ, Берберовъ, Коганъ) имѣли смѣлость вовсе не давать показаній о рѣчахъ рабочаго и Св. Чрезвычайно-цѣнныя показанія дали почти всѣ свидѣтели объ устройствѣ банкета, предали взаимно другъ друга, но за это не привлеченъ никто. По поводу показаній либераловъ областной жандармскій генералъ Тихановичъ сказалъ: „Они полаяли, какъ шавки, на самодержавіе, а когда *мы* на нихъ прикрикнули, — всѣ они шмыгнули въ подворотню“. На другой день послѣ ареста, Сватиковъ послалъ телеграмму Святополку-Мирскому, требуя освобожденія, такъ какъ иначе Святополкъ долженъ признать себя провокаторомъ; „я обращаюсь къ вашему чувству чести“, писалъ Сватиковъ. Честь Святополка оказалась въ департаментѣ полиціи, такъ какъ оттуда пришелъ отвѣтъ, что министръ отдаетъ дѣло на разрѣшеніе мѣстнаго жандарма Карпова.

перь связать себя организаціонными нитями съ этими соединеніями пролетаріевъ, которыя одни только представятъ въ свободной Россіи надлежащій организаціонный аппаратъ для руководства классовой борьбой пролетаріата, — дѣйствительную рабочую партію? Или, замкнувшись въ своихъ „комитетскихъ“ организаціяхъ, мы предоставимъ непартійнымъ элементамъ „рабочелюбивой“ интеллигенціи выполнить эту „черную“ работу организаціи массъ — чтобы впослѣдствіи оказаться въ положеніи американскихъ „де-леонистовъ“, при всемъ своемъ соціалистическомъ правовѣріи, сумѣвшихъ стать совершенно чуждыми „стихійно“ развивающейся къ соціализму пролетарской интеллигенціи?

Рѣшенія „твердаго“ съѣзда показываютъ, что этого вопроса для части нашихъ комитетчиковъ даже и не существуетъ. Правда, ихъ резолюція объ „открытомъ выступленіи Р. С.-Д. Р. П.“ показываетъ, что мысль о предстоящей коренной ломкѣ условій нашей работы мелькаетъ въ ихъ сознаніи, но, съѣхавшись на свой съѣздъ, они не нашли момента достаточно „назрѣвшимъ“, чтобы указать членамъ партіи на обязанность соціальдемократіи стать дѣятельнымъ центромъ, направляющимъ этотъ стихійно развивающійся процессъ образованія политическихъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, возникающихъ внѣ плоскости партійнаго подполья. И жизнь жестоко насмѣялась надъ ними. Въ то время, какъ съ [illegible] старообрядческихъ начетчиковъ они извлекали изъ архивной пыли, изъ подъ толстаго слоя полемическаго мусора, пресловутый ленинскій § 1, чтобы торжественно повѣдать міру, что они твердо рѣшились окончательно отгородиться отъ рабочаго класса, который уже самъ показалъ свое намѣреніе отгородиться отъ нихъ, — въ это самое время въ разныхъ концахъ Россіи рабочіе соціалдемократы начали успѣшно работать надъ закладываніемъ основъ будущей „легальной“ пролетарской организаціи, создавая „явочнымъ порядкомъ“ профессіональные союзы въ Петербургѣ, участвуя въ попыткахъ харьковскаго „общества занимающихся ремесленнымъ трудомъ“ объединить всѣ „легальныя“ рабочія общества.

Вопросъ объ организаціи *массъ* не привлекъ къ себѣ вниманіе членовъ съѣзда. Это и понятно: представители отжившихъ традицій болѣзненнаго періода въ развитіи партіи, они совершенно поглощены „техническимъ“ приготовленіемъ возстанія. Они готовятся къ революціи, какъ „штабъ спѣвшихся революціонеровъ“, сегодня предлагающій себя массамъ въ роли руководителей повседневной борьбой, завтра — въ роли участниковъ временнаго правительства, послѣзавтра — въ роли депутатовъ въ парламентѣ. О томъ, что „организовать революцію“ для соціальдемократа значитъ „организовать массы“, они до сихъ поръ не догадались.

Но непониманіе значенія организаціи массъ стоитъ въ тѣсной связи съ *тактическими* воззрѣніями, восторжествовавшими на твердомъ съѣздѣ. Оцѣнкѣ этихъ воззрѣній мы посвятимъ слѣдующую статью.

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія мы узнали изъ надежнаго источника и ручаемся за достовѣрность. Ходятъ слухи, что и послѣ того, какъ эта исторія стала извѣстной, г. Гревъ все еще считается мѣстными либералами за человѣка, которому не только можно подавать руку, но и принимать во вниманіе при политическихъ комбинаціяхъ мѣстнаго характера. Прибавимъ, впрочемъ, что демократы-конституціоналисты выказали себя порядочными людьми. Берегитесь, гг. ростовскіе либералы, онъ и васъ предастъ!..

Николаевъ. Результатомъ мартовской стачки былъ 9 часовой рабочій день и увеличеніе заработной платы до 30%, кромѣ частныхъ санитарныхъ улучшеній. Заводская администрація, удовлетворивъ нѣкоторыя насущныя требованія рабочихъ, захотѣла потребовать отъ нихъ письменнаго подтвержденія того, что они довольны своимъ положеніемъ и что стачки больше не повторятся.

Депутаты отъ рабочихъ на это отвѣчали, что далеко не всѣ требованія удовлетворены, но распредѣленіемъ работъ довольны. На предложеніе директора рѣшить большинствомъ голосовъ, праздновать ли первое мая, или замѣнить его празднованіемъ „усѣкновенія головы Іоанна крестителя“, отвѣтили требованіемъ празднованія перваго мая. Рѣшеніе вопроса имѣло, конечно, принципіальное значеніе, такъ какъ, все равно, первое мая совпало съ воскресеньемъ.

Наканунѣ этого дня настроеніе было приподнятое; среди рабочихъ въ большомъ количествѣ читались первомайскія прокламаціи, распространенныя комитетомъ „меньшинства“. Одинъ рабочій судостроительнаго завода былъ арестованъ за распространеніе листковъ во время работы. Это обстоятельство вызвало сильный протестъ среди остальныхъ.

Огромная толпа рабочихъ оставила мастерскія и отправилась въ городъ. Ряды все росли, пополняясь кучками любопытныхъ, случайно настигнутыми обывателями. Вѣчное ожиданіе погрома, канунъ перваго мая, поражающая дисциплина, удивительная тишина и спокойствіе въ массѣ — наводило панику на жителей. Магазины стали быстро закрываться (по преимуществу, еврейскіе), всѣ спѣшили по домамъ, чего то ожидая, отъ кого то спасаясь. Рабочіе окружили квартиру градоначальника, думая требовать освобожденія товарища. Имъ не дали возможности сказать, зачѣмъ они собрались, чего ждутъ эти усталые люди, что заставило ихъ побросать станки и идти въ городъ.

По приказанію градоначальника, стали хлестать направо и налѣво. Дѣлать было нечего; безсиліе предъ нагайкой заставило разойтись толпу, неподготовленную къ такому концу, съ трудомъ скрывавшую злобу противъ безстыдства и насилія. За что ихъ хлестали, сказать трудно, на это не отвѣтитъ и самъ вершитель судебъ. Всѣ ждали демонстраціи. Поведеніе властей, переходящее всякія границы своей безтактностью, говорило за нее. Но выходить на улицу невооруженными стало для всѣхъ явно невозможнымъ и безсмысленнымъ. Вотъ причины того, что у насъ первое мая прошло безъ грандіозной демонстраціи. Правда, была одна импровизированная демонстрація (говорю „импровизированная“, такъ какъ она произошла безъ вѣдома и участія мѣстной организаціи).

„Народный садъ“, гдѣ собрались семьи рабочихъ отпраздновать первое мая, былъ мѣстомъ происшествія, кончавшагося арестомъ шести рабочихъ. Вся полиція была на ногахъ и достаточно было одного флага и двухъ выстрѣловъ (рабочій выстрѣлилъ холостымъ зарядомъ), чтобы сотня казаковъ немедленно приступила къ исполненію обязанностей. Въ своей бѣшеной свалкѣ они топтали все, что попадалось на пути: помяли женщину, ребенка. Нетрудно было, конечно, этой массѣ войска разогнать небольшую кучку рабочихъ и черезъ нѣсколько минутъ миръ и тишина, а въ особенности обывательская спячка вошла въ свои права. Празднуя свою побѣду, казаки съ пѣніемъ объѣзжали городъ. Сколько дикости и наглости въ ихъ пѣніи, сколько отвратительнаго въ ихъ озвѣрѣвшихъ лицахъ! Не преждевременно ли празднованіе химерныхъ побѣдъ и не пора ли въ этомъ убѣдиться?

Итакъ, прошелъ этотъ день не отпразднованнымъ, но оставилъ глубокій слѣдъ, такъ какъ вызвалъ озлобленіе противъ настоящаго режима даже среди сонныхъ обывателей.

6 мая мы ждали погрома. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщала намъ „черная сотня“ въ своей прокламаціи. „Бить студентовъ, интеллигенцію, евреевъ — злѣйшихъ враговъ Россіи“, вотъ къ чему призывала она своихъ единомышленниковъ.

„Въ музыкальномъ магазинѣ Коваленко можно для этой цѣли достать оружіе, туда же вносятъ деньги сочувствующіе“. Пока все обстоитъ благополучно, какъ видно, рыба не клюетъ. На дняхъ рабочіе провожали начальника шрапнельной мастерской на Черноморскомъ заводѣ, Рокура, уходившаго послѣ забастовки. Выброшенъ былъ красный флагъ, пѣлись революціонныя пѣсни.

Стачечное движеніе въ Одессѣ (12 мая). Наконецъ-то и одесскій пролетаріатъ, до сихъ поръ открыто не выступавшій на борьбу со своими угнетателями, присоединилъ свой голосъ къ голосу рабочихъ всей Россіи... Втеченіе послѣдняго времени у насъ забастовали почти всѣ заводы, фабрики и ремесленныя мастерскія, кромѣ жел. дороги и фабрики Жако, но вчера броженіе охватило и желѣзно-дорожныя мастерскія, и сегодня съ утра тамъ ожидается забастовка...

Прежде, чѣмъ подробно описывать происходящія забастовки, я познакомлю товарищей съ положеніемъ дѣлъ въ нашей организаціи (а также отчасти и другихъ) и попытаюсь нарисовать общую картину одесскаго движенія.

Какъ извѣстно, одесская „Группа Центральнаго Комитета“ возникла въ началѣ января сего года, отколовшись отъ мѣстнаго комитета Партіи. Въ то время положеніе дѣлъ было до крайности безотраднымъ, такъ какъ въ фабрично-заводскихъ районахъ почти никакихъ связей не было[1]). Работать было очень трудно. Отсутствіе полутора-годовой работы сильно сказывалось; кромѣ того, сознательные рабочіе относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ организаціи, вызваннымъ столь прославившейся „тактикой“ Одесскаго Комитета. Въ настоящее время, оглядываясь на четырехмѣсячную работу, мы можемъ сказать, что наша организація за этотъ промежутокъ времени значительно окрѣпла. Въ городскомъ районѣ (главнымъ образомъ, ремесленники) имѣются очень широкія и вліятельныя связи почти во всѣхъ цехахъ; въ Дальницкомъ районѣ имѣются группы на заводахъ Вальтуха[1]), Люльки, въ жел.-дорожныхъ мастерскихъ (четыре группы), химическомъ заводѣ Бродскаго, сахарномъ заводѣ Бродскаго и на пробочномъ — Арбса; на другихъ заводахъ имѣются пока только связи, еще не организованныя. На Пересыпи дѣла до стачки обстояли хуже, но теперь тамъ работа значительно оживилась; до забастовки группы были лишь на свѣчномъ заводѣ и у Гена; на остальныхъ заводахъ были лишь отдѣльныя связи. Нужно замѣтить, что въ пересыпскомъ районѣ соціальдемократическая работа встрѣчаетъ сильное препятствіе въ лицѣ пустившей глубокіе корни въ рабочую массу зубатовщины. Пересыпь — это главный центръ дѣятельности Шаевича, который до сихъ поръ сохранилъ здѣсь нѣсколько поклонниковъ, пользующихся авторитетомъ въ рабочей средѣ. Но сами „зубатовцы“ въ значительной степени потеряли свой прежній обликъ, оставаясь, главнымъ образомъ, „зубатовцами“ въ области „тактики“.

Таково положеніе дѣлъ въ нашей организаціи[2]). Что касается другихъ организацій, то въ настоящее время намъ ясно выяснилось (благодаря состоявшемуся соглашенію между Бундомъ, Одесскимъ Комитетомъ и Группой, о которомъ рѣчь ниже), что Одесскій Комитетъ какъ въ городскомъ, такъ и въ пересыпскомъ районѣ, имѣетъ самыя слабыя связи. На Дальникѣ у него имѣются связи у Гена (около 30 человѣкъ). Радоконаки и небольшая группа въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Что касается Бунда, то въ ремесленной средѣ во многихъ цехахъ Бундъ пользуется значительнымъ вліяніемъ. О соц. рев. скажу только, что никакой организаціи у нихъ здѣсь нѣтъ, а имѣются разрозненные отдѣльные рабочіе и въ большомъ количествѣ „интеллигенты“. Никакой систематической работы они не ведутъ.

Нѣсколько словъ теперь о состоявшемся соглашеніи... Главная цѣль этого соглашенія — координированіе дѣйствій всѣхъ трехъ соціальдемократическихъ организацій въ моменты выступленія и предшествующіе имъ подготовительные періоды. Наша организація, явившаяся иниціаторомъ этого соглашенія, придавала этому соглашенію также огромное, если можно такъ выразиться, *моральное* значеніе. Выработано было слѣдующее соглашеніе: каждая организація посылаетъ двухъ представителей въ „исполнительную коммиссію“, въ которой обсуждаются всѣ дѣла и которая въ моментъ дѣйствій является руководящимъ центромъ. Всѣ вопросы рѣшаются *единогласно*. Какъ письменная, такъ и устная агитація ведется самостоятельно каждой организаціей. Относительно совмѣстнаго выпуска листка должно состояться по каждому отдѣльному случаю особое соглашеніе. Если устраивается общее собраніе, то представитель организаціи долженъ лишь ограничиваться заявленіемъ, что онъ говоритъ отъ имени своей организаціи и въ своей рѣчи не касаться фракціонныхъ разногласій. Для руководства стачками въ каждомъ цеху или заводѣ организуется стачечная коммиссія, въ которую входятъ тѣ организаціи, которыя имѣютъ организованныя связи въ рабочей средѣ даннаго производства. Таково въ главныхъ чертахъ состоявшееся соглашеніе. Я долженъ замѣтить, что осуществленіе его на практикѣ встрѣтило очень много препятствій. Прежде всего нужно отмѣтить крайне обостренныя отношенія между рабочими нашей Группы и Одесскаго Комитета. Удивляться, товарищи, этому не приходится, если вамъ знакома клеветническая дѣятельность Комитета по отношенію къ Группѣ. Трудно передать, какое негодованіе среди рабочихъ вызвало напечатанное въ № 9 „Впередъ“ сообщеніе о томъ, что наша Группа подкупаетъ рабочихъ... Возьмите любой номеръ „Впередъ“ и въ каждомъ изъ нихъ вы найдете безтактныя выходки по нашему адресу. Мы твердо рѣшили совершенно игнорировать злобное тявканье мѣстныхъ „дѣятелей“ твердокаменнаго комитета, но внѣ всякаго сомнѣнія, эти выходки значительно содѣйствовали созданію враждебной атмосферы, тѣмъ болѣе, что на совмѣстныхъ собраніяхъ большевики не могли удержаться отъ забрасыванія грязью меньшевиковъ. Съ бундистами дѣло обстоитъ лучше (здѣсь совершенно отсутствовалъ духъ большевистской клеветнической „тактики“), но дѣло тормозилось принципіальными разногласіями — съ одной стороны, а съ другой, безусловнымъ недовѣріемъ одной организаціи къ другой, боязнью „перехвата“ связей... Вскорѣ послѣ состоявшагося соглашенія Одесскій Комитетъ отказался отъ него, заявивъ, что находитъ возможнымъ такое соглашеніе лишь въ моментъ всеобщей стачки или возстанія. Онъ отказался отъ выпуска совмѣстнаго листка и объявленія о состоявшемся соглашеніи. Это было какъ разъ наканунѣ второго мая, когда забастовали всѣ заводы и фабрики на Пересыпи.

Стачечное движеніе началось съ ремесленныхъ производствъ. Первыми забастовали пекаря, выставивъ требованіе восьмичасового рабочаго дня, свободы слова, собраній, печати, стачекъ и союзовъ. Стачка тянулась около трехъ недѣль и закончилась частичнымъ успѣхомъ. Послѣ пекарей стачечное движеніе охватило и другія ремесленныя производства. За это время перебастовали почти почти всѣ цеха. Помимо частныхъ требованій, всюду выставляли требованія: восьмичасового рабочаго дня, политической свободы, созыва Учредительнаго Собранія и прекращенія войны. Почти всѣ забастовки велись подъ руководствомъ стачечныхъ коммиссій, организованныхъ нашей организаціей и Бундомъ. Что касается Одесскаго Комитета, то, благодаря крайне слабымъ связямъ въ городскомъ пролетаріатѣ, онъ могъ принять участіе лишь въ весьма ограниченномъ числѣ стачечныхъ коммиссій. Во время стачекъ безпрерывно устраивались массовыя собранія. Почти ко всѣмъ забастовавшимъ цехамъ нашей организаціей были выпущены листки.

Второго мая забастовали всѣ заводы, фабрики, мельницы, маслобойни на Пересыпи, заводъ Вальтуха, четыре конфектныя фабрики, типографія Левинсона (150 чел.), табачныя фабрики, всѣ гильзовыя фабрики. Въ послѣдующіе дни присоединились всѣ фабрики и заводы на Дальникѣ, кромѣ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, Энгеля и Жако.

Стачка на Пересыпи застала всѣ организаціи совершенно врасплохъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что пересыпскій районъ былъ центромъ дѣятельности Шаевича—„знаменитаго“ главы независимцевъ. Зубатовщина пустила глубокіе корни, и „вожаки“ относятся отрицательно къ соціальдемократіи, имѣя о ней самое смутное представленіе. Въ первые дни стачки много приходилось бесѣдовать съ ними; главнымъ (а у нѣкоторыхъ исключительнымъ) доводомъ противъ соціальдемократовъ служитъ то, что послѣдніе на собраніяхъ кричатъ: „долой самодержавіе“, выкидываютъ красные флаги и распространяютъ прокламаціи, а это вызываетъ вмѣшательство казаковъ, полиціи и прочихъ охранителей самодержавія. „А благодаря этому наши стачки кончаются неудачно“,—утверждаютъ независимцы и ихъ сторонники.

До стачки рабочихъ—соціальдемократовъ было очень ограниченное число, да и то, большею частью, молодежь, не пользующаяся вліяніемъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что нынѣшніе независимцы значительно эволюціонировали въ сторону „политики“ и теперь опредѣленно говорятъ о необходимости политической свободы и „участія рабочихъ въ законодательствѣ“. Только въ области „тактики“ они остались тѣми же зубатовцами. Стачка возникла почти исключительно подъ вліяніемъ агитаціи независимцевъ. На происходившихъ у нихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ было рѣшено 2 мая забастовать и отправиться къ градоначальнику съ просьбой разрѣшить общее собраніе рабочихъ для обсужденія общихъ нуждъ. Идея общаго собранія рабочихъ всего города уже давно интересовала рабочихъ и такая попытка была сдѣлана нѣкоторыми независимцами мѣсяца полтора тому назадъ, когда они отправили телеграмму Коковцеву и министру внутреннихъ дѣлъ, „покорнѣйше“ прося разрѣшить такое собраніе, на что получили отрицательный отвѣтъ.

Агитація за общее собраніе велась и нашей организаціей, но объ этой агитаціи, возбудившей много разногласій, напишу отдѣльно. Выборные отъ разныхъ заводовъ отправились къ градоначальнику... какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ получился отрицательный. Это сильно смутило рабочихъ, такъ какъ они не сомнѣвались въ благопріятномъ результатѣ... Передъ ними стоялъ открытый вопросъ: „что дѣлать“? и никто изъ нихъ не могъ дать другого отвѣта, кромѣ какъ идти къ... „фабричному инспектору за окончательнымъ отвѣтомъ“. Всѣ эти рѣшенія принимались безъ малѣйшей контръ-агитаціи со стороны соціальдемократовъ: послѣдніе совершенно отсутствовали. Только на второй день удалось намъ „втереться“ въ рабочую массу и повести контръ-агитацію. Но первое время наша агитація не встрѣчала ни малѣйшаго сочувствія. На указаніе, что наивно ждать разрѣшенія отъ начальства и что необходимо прямо звать рабочихъ на митингъ, вожаки-независимцы отвѣчали: „мы не хотимъ вести массу подъ нагайки и пули“.

3 мая утромъ нѣсколько рабочихъ отправились къ фабричному инспектору (Попову) за „окончательнымъ“ отвѣтомъ. Этотъ чиновникъ всегда старается разыгрывать роль либерала и на этотъ разъ оказался на высотѣ своего призванія. „Если вы граждане, вы должны требовать, а не просить... Какіе вы граждане, если вы ждете разрѣшенія“... — послѣдовалъ отвѣтъ съ его стороны. Втеченіе послѣдующихъ двухъ-трехъ дней царила полнѣйшая растерянность. Нѣкоторые изъ независимцевъ повели агитацію за разрѣшеніе собранія выборныхъ отъ рабочихъ совмѣстно съ хозяевами, но эта агитація не нашла отклика въ массѣ, да и многіе независимцы отказались отъ этого предложенія подъ вліяніемъ соціальдемократовъ. Послѣ этого приступили къ выработкѣ требованій. Почти всюду выставили требованіе восьми-часового рабочаго дня и политической свободы. Во время выработки требованій на нѣкоторые заводы удалось проникнуть соціальдемократамъ и произвести рѣчи. Довольно удачна была рѣчь на заводѣ Шполянскаго (кажется, что говорилъ ораторъ Одесскаго Комитета) и у Гена (два оратора Группы). Почти всѣ предъявленныя требованія были отвергнуты. Рабочіе рѣшили продолжать стачку.

Въ настоящее время къ работамъ приступили только мельницы, маслобойни и мелкіе заводы, добившись частичнаго улучшенія. Всѣ крупные заводы объявлены закрытыми, а рабочіе разсчитаны... Несмотря на это, стачечное настроеніе довольно прочное.

Одесса. Привать-доцентъ Тарасевичъ, читавшій съ большимъ успѣхомъ лекціи на публичныхъ курсахъ и въ народной аудиторіи, выступившій недавно со своимъ извѣстнымъ докладомъ „о народномъ здравіи“ и читавшій докладъ о пироговскомъ съѣздѣ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ делегата отъ общества одесскихъ врачей, — закончилъ свою университетскую карьеру. 21 мая имъ получена слѣдующая бумага: „Господину надворному совѣтнику Л. А. Тарасевичу. Господинъ попечитель одесскаго учебнаго округа, предложеніемъ отъ 20 мая, за № 11004, увѣдомилъ меня, что вы увольняетесь отъ должности прозектора по кафедрѣ общей патологіи и *освобождаетесь*(!) отъ званія привать-доцента. О чемъ имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь“ Провокаторы и хулиганы министерства народнаго затемнѣнія, члены русскаго собранія — Деревицкій и попечитель Сольскій, давно точили зубы на привать-доцента Тарасевича, популярность котораго въ студенческой средѣ и въ обществѣ не давала имъ покоя. Но эти трусливые господа не рѣшались его уволить раньше и избрали моментъ, когда студенты и профессора разъѣхались, когда засѣданія ученыхъ обществъ прекратились, когда, слѣдовательно, можно было начать „чистку“ подъ сурдинку.

Конечно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго и, по всѣмъ вѣроятіямъ, привать-доцентъ Тарасевичъ, получивъ эту *первую награду за свою службу обществу*, — былъ мало удивленъ, но разсчеты Деревицкаго, Сольскаго и прочихъ врядъ ли оправдаются. Имъ не удастся устроить такъ, чтобы ихъ подвиги прошли незамѣтными. Эти новые примѣры чиновничьяго произвола будутъ, конечно, использованы въ цѣляхъ агитаціи и передъ пролетаріатомъ, какъ самымъ активнымъ борцомъ за свободную науку, — ихъ использует въ своей борьбѣ и одесское студенчество, „Только двери *свободнаго* университета откроются для чтенія лекцій!“ — такъ говорили этой весной наши студенты; и имъ не долго прійдется обсуждать вопросъ о томъ: пришло ли уже время открывать эти двери.

Кромѣ Тарасевича, такую же бумажку получилъ привать-доцентъ Орженецкій (по кафедрѣ политической экономіи). Его постигла та же судьба, потому что онъ былъ прекрасный лекторъ и ораторъ и умѣлъ завоевать себѣ симпатіи студенчества.

Двинскъ. Въ 232 № „Послѣднихъ извѣстій“ двинскій корреспондентъ пишетъ слѣдующее: „мѣстная организація Россійской партіи объявила себя комитетомъ. Какова будетъ тактика новоучрежденнаго комитета, мы пока не знаемъ. Но организація (сегодняшній комитетъ) до самаго послѣдняго времени не переставала посвящать свои силы дезорганизаторской дѣятельности, чтобы привлечь пару другую организованныхъ бундовскихъ рабочихъ на свои собранія. Члены ея *въ настоящее время* не останавливались передъ пустой болтовней о „чистотѣ“ своихъ соціальдемократическихъ принциповъ и объ „ересяхъ“ Бунда. Ораторы же наши на эти собранія не допускались“. — Все что отъ перваго до послѣдняго слова голая неправда, распространеніе которой очень трудно объяснить. Ни на одномъ рабочемъ собраніи Двинская организація *не говорила* о „Бундѣ“ — такъ что о недопущеніи бундовскихъ ораторовъ на эти собранія не можетъ быть и рѣчи. Только одинъ разъ организація устроила интеллигентскій рефератъ о „Бундѣ“ и Партіи, на который были *оффиціально* приглашены тов. изъ Бунда. Что же касается „дезорганизаторской дѣятельности“ партійной организаціи, то по этому поводу можно поставить тов. изъ Бунда на видъ ихъ неоднократное обращеніе къ периферіи двинской организаціи партіи безъ вѣдома ея центра. Думается, что тов. изъ Бунда незачѣмъ пытаться сваливать съ больной головы на здоровую.

Бывшій членъ двинскаго ком. Р. С. Д. Р. П. — К. Ю.

Сморгонь 20 апрѣля 1905 года. За нѣсколько недѣль до перваго мая (18 апрѣля) наша организація начала вести усиленную агитацію. Наканунѣ перваго мая мы устроили четыре собранія, на которыя собралось больше 500 человѣкъ организованныхъ и не организованыхъ еврейскихъ и христіанскихъ рабочихъ. Всѣ рѣчи кончались призывомъ праздновать первое мая и быть на улицахъ. 13 апрѣля наша организація получила и приняла предложеніе „Бундовской организаціи“: соединиться для совмѣстной демонстраціи. Но коммиссія по разнымъ причинамъ не могла собраться раньше субботы 16 апрѣля. Имѣя въ виду мѣстныя полицейскія условія, наличность козаковъ (26) и полицейскихъ чиновъ (40), а также зная, что къ первому мая въ Сморгонѣ собираются полицейскіе чины и сотскіе изъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ — всего до 100 человѣкъ — и что въ этомъ году ждутъ еще прибытія козаковъ, коммиссія, желая избѣжать кровопролитія, пришла къ заключенію, что демонстрацію удобнѣе всего устроить въ тотъ же день, 16 апрѣля. Демонстрація было назначена на четверть девятаго вечера. Къ восьми часамъ вечера на углу Вокзальной и Виленской улицъ со всѣхъ сторонъ начали стекаться рабочіе. Собралось до 600 человѣкъ, по указанію руководителей были подняты знамена сморгонской организаціи. Р. С.-Д. Р. П. и Сморгонской организаціи Бунда. Публика осыпала знамена вѣнками. На нашемъ знамени была вышито на одной сторонѣ: „Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ соціализмъ! Да здарвствуетъ Р. С. Д. Р. Партія!“ а на другой — „Долой самодержавіе! Долой капитализмъ! Долой войну! Долой милитаризмъ!“ Когда были провозглашены возгласы, вышитые на знаменахъ, несмолкаемое ура! съ повтореніемъ возгласовъ продолжалось нѣсколько минутъ. Шествіе остановилось, и бундовскій ораторъ, опасаясь столкновенія съ полиціей при затягиваніи демонстраціи, крикнулъ: „Товарищи, по домамъ! Демонстрація кончена!“ Боевой отрядъ, считая демонстрацію законченной, далъ нѣсколько залповъ, но нашъ ораторъ съ другими товарищами остановилъ начавшую расходиться толпу и въ горячихъ словахъ призывалъ продолжать шествіе После этого шествіе еще продолжалось недолго, а затѣмъ демонстрація объявлена законченной.

Когда демонстрація началась, городовые, стоявшіе на посту по Виленской улицѣ, разбѣжались. Приставъ верхомъ прискакалъ на Виленскую улицу въ тотъ моментъ когда боевой отрядъ далъ залпы. Услышавъ издали залпы, онъ повернулъ обратно и галопомъ пустился по направленію казармъ, гдѣ стоятъ казаки. Черезъ десять минутъ прискакали казаки: но толпа уже разошлась.

За послѣднее время наша организація распространила „Солдатскую памятку“ (изданіе Сѣверо-Западнаго Комитета Р. С.-Д Р. П.) и прокламацію по поводу избіенія рабочихъ въ Бѣлостокѣ и Двинскѣ въ 20-тыхъ числахъ февраля (изданія сморгонской организаціи на русскомъ языкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ), прокламацію „къ обществу" на русскомъ языкѣ по поводу событій въ Баку, Псковѣ, Курскѣ и Казани (изданіе сморгонской организаціи Р. С.-Д Р. П.). Въ воскресенье 17 апрѣля наша организація распространила перво-майскую прокламацію Сѣверо-Западнаго комитета. Въ 10 часовъ вечера толпа рабочихъ (до ста человѣкъ) — устроила на углу Виленской и Базарной улицы манифестацію. Раздавались возгласы: „Да здравствуетъ всемірный рабочій праздникъ! Долой самодержавіе!" и пр., черезъ минуту появились казаки и разогнали толпу. Въ понедѣльникъ 18 апрѣля (перваго мая) наша организація предложила „Бундовцамъ" соединиться для совмѣстнаго устройства манифестаціи. Комиссія, собравшаяся для выясненія возможности устроить манифестацію въ день, когда вся полиція и казаки на ногахъ, рѣшила, если не удастся сосредоточить большую толпу на одномъ мѣстѣ, устроить рядъ „партизанскихъ" манифестацій. Къ девяти часамъ всѣ улицы были переполнены рабочими, одѣтыми празднично, они поздравляли другъ друга съ праздникомъ и высказывали пожеланіе, чтобы въ будущемъ году россійскій пролетаріатъ уже праздновалъ первое мая, какъ наши товарищи въ Западной Европѣ празднуютъ. Сосредочить большую толпу на одномъ мѣстѣ организаторамъ не удалось; пришлось приступать къ организаціи манифестацій отдѣльными группами. Не успѣли еще организаторы передать представителямъ группъ, чтобы каждая группа направилась на свое мѣсто, какъ на Виленской улицѣ раздались возгласы „Да здравствуетъ всемирный рабочій праздникъ! Долой самодержавіе!" и пр., посыпались отпечатанныя нашей организаціей поздравительныя карточки, изъ толпы раздались нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ въ воздухъ. Еще не замолкло ура на Виленской улицѣ, какъ тѣ же возгласы понеслись съ Кревской, Минской, Гарбарской, Базарной, Нѣмецкой и Свѣтлянской улицъ. Всюду сыпались также поздравительныя карточки, и пускались ракеты. Манифестація продолжалась полтора часа. Полиція и казаки рыскали съ одного мѣста на другое, но не могли возстановить „порядка" и сами же ругали жандармовъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Но и у насъ празднованіе перваго мая не прошло безъ жертвъ. Полиція начала арестовывать гулявшихъ; въ ихъ числѣ былъ задержанъ одинъ еврейскій рабочій. Городовой Ивановъ и другіе, ведшіе его въ участокъ, рѣшили убить его по дорогѣ, и Ивановъ совершилъ это звѣрское преступленіе. Онъ приложилъ револьверъ къ головѣ задержаннаго рабочаго и выстрѣлилъ въ упоръ; остальные городовые держали несчастную жертву за руки. Пуля пролетѣла черезъ ухо и задѣла черепъ; жизнь рабочаго въ опасности.

---

[1] Отъ Одесскаго Комитета откололся почти весь городской районъ. Что касается другихъ районовъ — Дальника и Пересыпи, то на Пересыпи, кромѣ каменоломенъ, никакихъ связей у комитета не было. На Дальникѣ были весьма слабыя связи

[1] На заводѣ Вальтуха вліяніе организаціи очень сильно. время стачки больше половины перебывали на собраніяхъ
чел.).

сь не упоминаю о работѣ среди войска, офицерства
съ какъ эта работа не имѣетъ отношенія къ стачкѣ.

въ.

Вчера отправили въ Ошмянскую тюрьму 10 человѣкъ, арестованныхъ во время манифестаціи.

Такъ сморгонскій пролетаріатъ праздновалъ первое мая, надѣясь, что въ будущемъ году россійскій пролетаріатъ будетъ свободнѣе праздновать первое мая, что этотъ годъ — послѣдній годъ существованія самодержавія!

Сморгонская организ. Р. С. Д. Р. Партіи.

Тифлисъ, 5-го мая. Жизнь Тифлиса идетъ все тѣмъ же темпомъ. Забастовки идутъ своимъ чередомъ, поражая своею устойчивостью и серьезностью. Ресторанная прислуга, за прислугой прачки, за ними домашняя прислуга. Но болѣе всѣхъ удивила забастовка ватмановъ, кондукторовъ, контролеровъ и инструкторовъ электрическаго трамвая. Началась она передъ Пасхой и кончилась 2-го мая. Такого единодушія до сихъ поръ еще не наблюдалось ни въ одной изъ здѣшнихъ забастовокъ, которыя всегда сопровождались всевозможными репрессіями по адресу штрейкбрехеровъ, до убійства включительно. Въ забастовкѣ трамвайщиковъ ничего подобнаго не было. Забастовка эта нашла горячую поддержку со стороны фаэтонщиковъ (извозчиковъ), которые, благодаря ей, стали зарабатывать на праздникахъ вмѣсто обычныхъ 4—5 р. — 10—12 руб. Поддержка эта выразилась въ матеріальной помощи: каждый фаэтонщикъ вносилъ въ кассу забастовщиковъ отъ 25 коп. до 1 руб. Въ первые дни забастовки, администрація трамвая снеслась съ Управленіемъ (въ Бельгіи) и большая часть требованій, менѣе существенныхъ, была удовлетворена. Но трамвайщики не удовлетворились этимъ. Въ концѣ концовъ, вмѣшалась дума, находившая, что забастовка рабочихъ не можетъ служить force majeure, избавляющей контрагента ея отъ уплаты штрафа (по договору—1800 р. за каждый день остановки движенія). Вмѣшательство это привело къ тому, что администрація, отказавшаяся было признать постановленіе думы, принуждена была, въ концѣ концовъ, уступить забастовщикамъ. Былъ назначенъ третейскій судъ, постановленія котораго признали обѣ стороны. Побѣда полная. 2 мая всѣ вагоны были разукрашены флагами; на улицахъ былъ праздникъ, такъ какъ публика обрадовалась появленію вагоновъ столько-же, сколько трамвайщики своей побѣдѣ. Первые вагоны прошли по улицамъ при восторженныхъ крикахъ „ура!".— Забастовка на желѣзной дорогѣ закончилась, если такъ можно выразиться, временнымъ перемиріемъ. Машинистовъ — пугнули выпиской желѣзно-дорожныхъ батальоновъ изъ Закаспійскаго Края, и послѣ прекращенія забастовки 4 такихъ батальона прибыли въ Тифлисъ. Затѣмъ пугнули еще телеграммой изъ главнаго управленія дорогъ, что всѣхъ забастовщиковъ сошлютъ на Сибирскія жел. дор. Но все это не очень то испугало. Вмѣшалась высшая администрація съ самимъ Маламой во главѣ и удовлетворила 2—3 существенныхъ требованій, и машинисты временно прекратили забастовку впредь до обсужденія ихъ неудовлетворенныхъ требованій линейнымъ служащимъ. Однимъ изъ требованій машинисты выставили удаленіе со службы начальника тяги за его грубое и оскорбительное отношеніе къ ихъ ходатайствамъ и ихъ делегатамъ.

Собранія забастовщиковъ, собранія для выработки требованій и резолюцій здѣсь пріобрѣли полныя права гражданства. Городской голова любезно предлагаетъ для нихъ залъ думскихъ засѣданій. Тамъ было, между прочимъ, и собраніе машинистовъ. Тамъ же собирались духанщики, рестораторы и арендаторы загородныхъ садовъ. Среди общеполитическихъ требованій выдѣляются требованія прекратить всякаго рода взятки и „благодарности" полиціи и дворникамъ. Тамъ же собирались каменьщики, плотники, столяры и пр. Тамъ же собиралась прислуга: собралось болѣе 2,000 человѣкъ и всѣ единодушно постановили требовать восьми часовой рабочій день, даже для кормилицъ, „чтобы росло здоровое, крѣпкое поколѣніе", говорили на этомъ собраніи; необходимо, чтобы кормилицы пользовались отдыхомъ и свѣжимъ воздухомъ. Всѣ эти собранія происходили подъ руководствомъ „мелко-буржуазной коммиссіи"[1] при тифлиск. ком. р. с.-д. р. п. Требованія вырабатывались при участіи представителя комитета или, если послѣдній отсутствовалъ, то представлялись на собраніе комитета.

Однимъ изъ крупныхъ собраній было собраніе въ залѣ общества сельскаго хозяйства. Здѣсь собрались представители всевозможныхъ теченій, и с.-д. и с.-р. и разнаго рода либералы и націоналисты.

Въ концѣ концовъ, состоялся диспутъ между первыми двумя теченіями. Второе собраніе—родительскаго кружка въ залѣ артистическаго общества. Послѣ докладовъ о нашей школѣ, въ которыхъ выяснялась ея бюрократически-полицейская затхлость, приступили къ преніямъ. С.-ры предложили дополнить резолюцію, гласившую, что для свободной школы необходима политическая свобода и, прежде всего, созывъ учредительнаго собранія и созданія центральнаго органа управленія изъ представителей народа, избираемыхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, — указаніемъ средствъ для достиженія этой цѣли, которыя, по ихъ мнѣнію, заключаются въ моральной и матеріальной поддержкѣ работы революціонныхъ партій. С.-д. отмѣтили противорѣчіе между резолюціями, выставляющими такія серьезныя требованія, и мирными средствами для ихъ осуществленія, указанными въ предлагаемомъ с.-рами дополненіи. Съ своей стороны, они предложили „обществу" идти, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, на баррикады. Резолюція безъ всякихъ поправокъ и дополненій, прошла и собрала до 700 подписей (было болѣе 1000 человѣкъ). Вскорѣ послѣ этого (въ концѣ апрѣля) состоялось собраніе (тайное) мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ мѣстнаго управленія. Было до 250 человѣкъ. На немъ выяснилась симпатія къ рабочему движенію. Были ораторы с.-дем. направленія, которые выясняли роль этихъ служащихъ, какъ орудія для эксплоатаціи рабочихъ съ одной стороны, и какъ эксплуатируемой массы съ другой стороны. Пролетарскіе интересы служащихъ затемнены системой прибавокъ и т. п. Но все же служащіе эти тоже пролетаріи и должны работать рука объ руку съ революціоннымъ пролетаріатомъ. На собраніи розданы были прокламаціи съ призывомъ сорганизоваться и стать въ ряды с. д. Вынесли слѣдующую резолюцію почти единогласно: 1-ое, необходимо организоваться, 2-ое, черезъ особый центръ войти въ тѣсную связь съ революціоннымъ пролетаріатомъ, 3-е, работать съ послѣдними рука объ руку подъ руководствомъ соціальдемократіи. Любопытный инцидентъ произошелъ въ собраніи, характеризующій отсталость управленцевъ желѣзной дороги: кто-то сообщилъ, что явилась полиція, и человѣкъ двадцать побѣжали, нагибаясь, и скрываясь, къ черному ходу. Полицейскій, дѣйствительно показался у окна квартиры, но отошелъ, совершенно не обративъ вниманія на то, что у него подъ бокомъ „незаконное сборище". Управленскіе либералы тоже хотѣли организоваться и примазаться къ развивающемуся союзу желѣзнодорожныхъ служащихъ. Въ управленіи идетъ горячая борьба между намѣтившимися двумя направленіями. Организація желѣзнодорожниковъ соц.-демократовъ уже осуществилась, тогда какъ либералы еще собираются. Тифлисское общество было возмущено злодѣяніями высшаго начальства въ Гуріи. Близъ станціи Бѣлогоры, около моста, человѣкъ 17 грузинъ ловили рыбу. Увидѣлъ ихъ машинистъ съ поѣзда и сообщилъ стражнику, а тотъ донесъ по начальству, что тамъ творится что то неладное. Явились войска и, не разобравъ, въ чемъ дѣло, и заранѣе предполагая, что грузины подкладываютъ мины, разстрѣляли ихъ. На мѣстѣ оказалось 7 труповъ и 7 раненыхъ. Изъ нихъ въ одного мальчика 10 лѣтъ попало четыре пули. Пока еще не извѣстно, чѣмъ отвѣтятъ гурійцы на эту новую жестокость царскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, это такъ пройти не можетъ. Пріѣхалъ царскій солдатъ Воронцовъ-Дашковъ, этому предшествовала грандіозная подготовка со стороны буржуазнаго общества, столбы на улицахъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать намѣстникъ, были украшены гирляндами изъ зелени и флагами. Но не дремала и соціальдемократическая партія: наканунѣ выпустили листокъ, призывающій гражданъ къ достойной встрѣчѣ сатрапа и въ результатѣ пустынныя улицы. Говорятъ, что сатрапъ и его приближенные недовольны встрѣчей, находя ее далеко не генеральской. Намѣстникъ даже сгоряча обѣщалъ править Кавказомъ такъ, какъ Муравьевъ-вѣшатель правилъ въ Варшавѣ.

Тифлисъ. За какихъ нибудь 5 мѣсяцевъ Тифлисъ сталъ не узнаваемъ. Я ограничусь описаніемъ только Тифлиса, такъ какъ здѣсь являюсь я очевидцемъ многихъ интересныхъ картинъ, а о провинціи знаю только изъ газетъ. Въ Тифлисѣ все ожило, даже праздно-шатающаяся публика Головинскаго проспекта занялась дѣломъ. Новѣйшія общественныя теченія на Кавказѣ выражаются въ болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ въ Россіи. Весь Тифлисъ охваченъ революціоннымъ пламенемъ. Публика чувствуетъ себя свободно, она открыто выражаетъ свое настроеніе всегда и вездѣ: въ театрахъ, на собраніяхъ, на улицахъ и т. д. Здѣсь нѣтъ мѣста той крайней конспиративности, которая въ Россіи доводитъ человѣка до раздраженія. Полиція бездѣйствуетъ, индиферентность полиціи тутъ объясняется тѣмъ, что будто-бы и она относится сочувственно. Здѣсь всѣ воодушевлены приближеніемъ новой жизни. Всѣ стараются заняться дѣломъ. Старый и малый пополняютъ ряды партій и самоотверженно идутъ въ народъ пропагандировать. Любо смотрѣть на этихъ вновь пробужденныхъ людей. Любопытны и закоренѣлые помѣщики, которые быстро перемѣнили фронтъ (скорѣе изъ страха, чѣмъ изъ убѣжденій), и выражаютъ свою готовность встрѣтить врага грудью на баррикадахъ. Что провинція не отстаетъ отъ Тифлиса, — это показываютъ постоянныя тревожныя извѣстія оттуда.

Что ни день, то газеты приносятъ рѣшенія и требованія сельскихъ сходовъ изъ отдаленныхъ деревень. Въ сел. Тираниси произошелъ печальный инцидентъ. Крестьяне (временно обяз.), собравшись, обсудили свое положеніе и выставили различныя требованія помѣщику студ.-технологу Сулханову. Тотъ не соизволилъ выйти, чтобы принять ихъ резолюцію, а на другой день выписалъ изъ Гори козаковъ, напоилъ ихъ виномъ, и они въ день пасхи стали громить крестьянъ. Я не стану описывать всего того ужаса, который они нагнали на сельчанъ. Но въ результатѣ оказалось 7 чел. убитыхъ и 10 раненыхъ.

Владикавказъ. Въ четвергъ пятаго мая состоялось общее собраніе прикащиковъ г. Владикавказа на которомъ наши товарищи настойчиво указывали на необходимость борьбы для улучшенія своего положенія. Послѣ долгихъ, горячихъ преній собраніе пришло къ необходимости немедленной забастовки. На собраніе прикащиковъ явились депутаты отъ служащихъ въ фотографіяхъ отъ наборщиковъ, подвальщиковъ и др. отраслей труда. Было рѣшено дѣйствовать сообща. На слѣдующее утро толпы забастовщиковъ во главѣ съ нашими товарищами изъ организаціи обходили всѣ магазины, всѣ мастерскія, фабрики, мельницы и т. п. и предлагали присоединиться къ забастовкѣ. Къ 12 часамъ вся промышленная жизнь въ городѣ была прекращена. Забастовали, извощики, дрожки трамваи. Громадныя тысячныя толпы народа съ криками „ура" ходили взадъ и впередъ по главной улицѣ. Время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ выступали ораторы, которые указывали на тяжелое положеніе рабочаго люда и на необходимость борьбы съ хозяевами и правительствомъ.

„Долой самодержавіе", раздавалось во многихъ мѣстахъ. Вечеромъ была устроена демонстрація съ краснымъ флагомъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Тысячная толпа прошлась съ пѣніемъ, отъ вокзала до конца Александровскаго проспекта. На слѣдующій день забастовка продолжалась въ тѣхъ же грандіозныхъ размѣрахъ. Насколько въ первый день полиція и казаки вели себя корректно, настолько во второй день они били немилосердно при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ вечеру большая толпа рабочаго люда собралась въ городской садъ, гдѣ и были произнесены товарищами двѣ рѣчи. Не успѣла толпа разойтись, какъ моментально въ садъ влетѣли казаки и стали избивать направо и налѣво нагайками и топтать копытами. Были ужасныя картины звѣрскаго избіенія. Говорятъ, что Воронцовъ-Дашковъ предоставилъ мѣстнымъ властямъ право нещадно расправляться съ демонстрантами. Казаки пѣшіе и конные и городовые были пьяны. Въ этотъ день арестованъ Севастій Ромасвили и нѣсколько рабочихъ.

На третій день забастовка продолжалась, но для того, чтобы показать, что движеніе вызвано инородцами, полиція рѣшила организовать подъ охраной войска патріотическое шествіе съ портретомъ Николая II. Переодѣтые пожарные и городовые и подпоенные хулиганы съ Курской Слободки направились съ пѣніемъ и криками ура къ дому начальника области, гдѣ и просили позволеніе избивать студентовъ, армянъ и евреевъ. На что царскій сатрапъ отвѣчалъ „подождите". Въ городѣ распространены прокламаціи: „бей жидовъ, армянъ и студентовъ и т. п." Избіеніе назначено на 14 мая. Мы вошли въ соглашеніе съ мѣстными національными организаціями для оказанія вооруженнаго отпора, если возгорится какой либо погромъ. Полиція нещадно избивала въ участкахъ арестованныхъ рабочихъ. Особенно неистовствуетъ въ искорененіи крамолы извѣстный негодяй, приставъ Сенковъ.

Бахмутъ Екатеринославской губ. 7 мая было разрѣшено собраніе прикащиковъ, на которомъ были выработаны требованія. Прикащиковъ здѣсь около 300-400 ч. На собраніи присутствовали не всѣ, но съ требованіями согласны всѣ. Листъ съ требованіями покрытъ 75 подписями.

Всѣ эти требованія будутъ представлены представителямъ отъ хозяевъ завтра, 12 мая. Они собирались въ домѣ бывшаго исправника, который предсѣдательствовалъ на собраніи и избранъ единодушно выразителемъ и защитникомъ хозяйскихъ интересовъ. Не обошлось на собраніи хозяевъ безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Сейчасъ прикащики работаютъ отъ 5 до 9-10 и даже 11 час. вечера. Одинъ купчикъ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ уступитъ часъ, т. е. чтобы служащіе работали отъ 6 утра до 9 вечера. Предложеніе было встрѣчено аплодисментами и принято „единодушно"! Настроеніе среди прикащиковъ очень возбужденное. На собраніи присутствовала полиція, почему рты у многихъ были завязаны, а нашимъ товарищамъ совсѣмъ нельзя было говорить.

Если требованія не будутъ удовлетворены, послѣдуетъ непремѣнно всеобщая стачка. Среди прикащиковъ ведется усиленная агитація. Стачка шапочниковъ продолжалась 2 недѣли и теперь удовлетворены *всѣ до одного* требованія, которыя, главнымъ образомъ, были сконцентрированы на повышеніи заработной платы, такъ какъ всѣ они работаютъ поштучно. Стачка была выиграна исключительно благодаря вмѣшательству мѣстной соціальдемократической организаціи. Послѣ стачки нѣкоторые вступили въ организацію. Успѣхъ стачечниковъ-шапочниковъ сильно повліялъ на прикащиковъ.

Тверь. Бурашевская колонія для душевно-больныхъ устроена губернскимъ земствомъ; находится въ вѣдѣніи врачей. Казалось бы, что есть нѣкоторая гарантія болѣе сноснаго существованія для больничной и хозяйственной прислуги колоніи. На дѣлѣ, однако, здѣсь та же эксплуатація, то же низведеніе человѣка до положенія вьючнаго животнаго, какъ и въ любомъ коммерческомъ предпріятіи съ капиталистомъ во главѣ! Служителя и сидѣлки, получая въ среднемъ 8 рублей въ мѣсяцъ, работаютъ по 15—16 час. въ сутки, при томъ напряженно-нервномъ состояніи духа, которое вызывается постояннымъ общеніемъ съ больными, томительными ночными дежурствами, серьезною отвѣтственностью за каждаго больного. У нихъ нѣтъ даже порядочнаго помѣщенія для отдыха и своихъ коекъ. Тѣ восемь свободныхъ часовъ, которые выпадаютъ на ихъ долю, проводятъ они въ тѣсныхъ, грязныхъ конурахъ, спятъ по очереди на одной и той же кровати. И нѣтъ ничего удивительнаго, что они, измученные, невыспавшіеся, озлобленные, отвѣчаютъ на крайне грубое обращеніе съ ними, со стороны медицинскаго персонала, битьемъ стеколъ въ квартирахъ ординаторовъ, нападеніемъ на фельдшеровъ, срываютъ свое зло на больныхъ — недавно былъ избитъ больной, заподозрѣнный въ шпіонствѣ. (?!) Награда, которую они получали два раза въ году, въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья, отмѣнена три года тому назадъ, — причина неизвѣстна. Не лучше положеніе и прачекъ — за 6 рублей въ мѣсяцъ онѣ стоятъ цѣлыми днями, не разгибая спины надъ чанами съ грязнымъ бѣльемъ, дыша удушливымъ паромъ. Имъ приходится спать всѣмъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ невозможно грязномъ помѣщеніи, а отъ нихъ требуютъ чистоты, ихъ бранятъ за нечисто вымытое бѣлье. 13 прачекъ должны стирать на 1000 больныхъ! (раньше было 10 прачекъ на 600 больныхъ). У кухарокъ нѣтъ свободнаго дня въ году, чтобы отдохнуть отъ своей каторжной работы. Пекаря, несмотря на безпрерывное увеличеніе работы, получаютъ много лѣтъ одну и ту же плату. Недовольство служащихъ растетъ съ каждымъ днемъ и не разъ уже выражалось въ самыхъ грубыхъ формахъ. Болѣе сознательные изъ нихъ рѣшили обратиться къ совѣту врачей съ прошеніемъ объ улучшеніи ихъ участи, которое и было подано за множествомъ подписей.

Тверской комитетъ Р. С.-Д. Р. П. выпустилъ около 200 прокламацій къ служащимъ и рабочимъ Бурашевской колоніи тверского губернскаго земства съ призывомъ — во-первыхъ — перестать унижаться до просьбы и требовать:

1) 8-часоваго рабочаго дня и полной свободы въ остальное время. 2) Еженедѣльнаго отдыха не менѣе 42 час. подрядъ. 3) Переустройства квартиръ и т. д.

Во-вторыхъ — войдя въ Р. С.-Д. Р. П., бороться вмѣстѣ со всѣми русскими рабочими, подъ ея руководствомъ, за Учредительное Собраніе, избранное всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ; за осуществленіе соціалистическаго строя, гдѣ нѣтъ мѣста эксплуатаціи!.

Иркутскъ. Въ мѣстныхъ либерально-демократическихъ кругахъ царитъ довольно высокое политическое возбужденіе. Обществомъ распространенія народнаго образованія вынесена на дняхъ резолюція съ требованіемъ Учредительнаго Собранія, созваннаго путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Были два засѣданія, съ участіемъ публики, въ общественномъ Собраніи. На первомъ изъ нихъ въ числѣ ораторовъ выступалъ соціальдемократъ. На второмъ произошла такая сцена: члены собранія начали обсуждать вопросъ объ исключеніи изъ своей среды полиціймейстера и его помощника. Вдругъ раздалась команда полиціймейстера: „Бей!" и трель барабана заглушила рѣчи. Баллотировка вопроса произведена была по запискамъ и результатъ объявленъ „на пальцахъ" и жестами. Оба полицейскихъ оказались забаллотированы. Барабанъ умолкъ. Началъ говорить адвокатъ Карелинъ: „Господа!" Полиціймейстеръ — „Бей"! и барабанъ снова затрещалъ! Когда онъ умолкъ, князь Андрониковъ: „На основаніи высочайшаго..."! Полиціймейстеръ. „Бей"! и опять ничего не слышно. Эта безкровная борьба полиціи съ обывателями тянулась довольно долго, такъ что уставшаго барабанщика смѣнилъ горнистъ; наконецъ — полиція побѣдила и обыватели разошлись. — Во время обоихъ засѣданій въ зданіи Общественнаго Собранія находилось по ротѣ солдатъ.

18 апрѣля за городомъ въ лѣсу было первомайское собраніе рабочихъ (чел. 100). Предсѣдатель открылъ его рѣчью, но она внезапно была прервана звуками „Варшавянки". Всѣ вскочили съ мѣстъ и увидали приближающуюся группу (чел. 10), съ высоко поднятымъ краснымъ знаменемъ. Пѣсня была подхвачена всѣмъ собраніемъ. Послѣ нея одинъ товарищъ произнесъ рѣчь о праздникѣ 1 мая. Рѣчь была покрыта дружнымъ „ура". Когда собраніе успокоилось и сѣло, предсѣдатель продолжалъ и закончилъ свою рѣчь о международномъ пролетарскомъ движеніи. Слѣдующій ораторъ говорилъ о будущемъ соціалистическомъ строѣ и о путяхъ къ нему. Третій ораторъ — о самостоятельности пролетарскаго движенія въ Западной Европѣ и Россіи, о позиціи буржуазныхъ партій въ Россіи и о требованіяхъ соціальдемократіи. Наконецъ, четвертый ораторъ выяснилъ неизбѣжность возстанія и необходимость готовиться къ нему. Праздникъ закончился пѣніемъ.

Вчера въ театрѣ были разбросаны майскіе листки (2 — Сиб. союза, 1 — комит. и 1 Ц. К.) и 2 раза пропѣта марсельеза. Опера была прекращена. Публика просидѣла въ театрѣ до 3 ч. ночи. Время прошло въ пѣніи, переговорахъ съ полиціей о безпрепятственномъ пропускѣ и чтеніи листковъ. Вообще, царила полная свобода слова. Хотя полиціей были вызваны войска, но ни избіенія, ни арестовъ не было.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ работа въ Иркутскѣ очень оживилась. Связи съ рабочими расширились и укрѣпились.

Чита 27 января 1905 г. (Запоздала). Въ мастерскихъ и депо жел. дор. началась стачка на почвѣ экономическихъ требованій. Комитетъ рѣшилъ использовать ее, обративши въ политическій протестъ. 29 января утромъ въ зданіи мастерскихъ удалось устроить собраніе, на которомъ было около 1000 человѣкъ рабочихъ; говорили рѣчи два оратора на темы: о положеніи пролетаріата, о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, о стачкѣ по Сибирской и Забайкальской ж. д. Принята слѣдующая резолюція:

---

[1] Такъ здѣсь называютъ специальную группу при к., работающую внѣ пролетарскихъ, въ собств. смыслѣ слова, слоевъ населенія.

„Мы, читинскіе рабочіе, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета партіи въ количествѣ около 1000 человѣкъ, обсудивъ вопросъ о всеобщей стачкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской ж. д., которая будетъ мощнымъ послѣднимъ ударомъ уже близкому къ гибели самодержавію, ударомъ, нанесеннымъ ему россійскимъ пролетаріатомъ, единственнымъ борцомъ противъ всякаго угнетенія и эксплуатаціи, приняла слѣдующія резолюціи:

1. Ставя своей ближайшей задачей сверженіе царскаго самодержавія и замѣну его самодержавіемъ народа, мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. 2. Мы боремся за демократическую республику, которая обезпечитъ пролетаріату возможность борьбы за соціализмъ. 3. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія войны, затѣянной въ интересахъ самодержавнаго правительства. 4. Мы будемъ готовиться ко всеобщей стачкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской ж. д., чтобы прекратить доставку войскъ на поля далекой Манджуріи и нанести смертельный ударъ отживающему режиму. 5. Мы рѣшили отказомъ отъ работы 29 января выразить свою солидарность со всѣмъ революціоннымъ пролетаріатомъ и тѣмъ самымъ поддержать наши требованія".

Забастовка окончилась. Въ послѣдующіе за 29 января дни рабочіе хотя и выходили на работу но не работали; пѣли пѣсни, разгуливали по мастерскимъ. Настроеніе было приподнятое. Начальство какъ-то сократилось, не принуждало къ работамъ. Собранія рабочихъ устраивались послѣ этого еженедѣльно, а иногда и 2 раза въ недѣлю; бывало на нихъ отъ 70 до 115 человѣкъ. Одно изъ нихъ было посвящено обсужденію вопроса о провокаторской статьѣ „Слухъ" въ мѣстной газетѣ „Забайкалье".

19 февраля у насъ провалилось собраніе; донесъ братъ хозяина дома Позолотинъ. Нагрянула полиція въ составѣ двухъ приставовъ и 15 городовыхъ. Было оказано вооруженное сопротивленіе, благодаря чему удалось разбѣжаться. Убитыхъ нѣтъ, ранено двое (оба скрылись, одинъ раненъ въ спину). Полиція начала хватать на улицѣ. Арестованы рабочіе: Киселевъ, Штейнъ, Андвѣровъ, интеллигентъ Гейманъ, Гусельниковъ и др. Арестованныхъ били до потери сознанія; сначала держали въ околоткѣ. По требованію арестованныхъ вызвали городского врача Шарв; тотъ явился, прописалъ компрессы; протокола не составилъ. Просидѣли они мѣсяцъ въ тюрьмѣ; за недостаткомъ уликъ, выпущены и разосланы по мѣстамъ ихъ жительства.

21 февраля началась стачка въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, продолжавшаяся полдня, требовали освобожденія арестованныхъ (на собраніи, обсуждавшемъ вопросъ о стачкѣ, было свыше 800 чел.).

Послѣ событій 19 и 21 января настроеніе значительно понизилось. Рабочіе боялись ходить на собранія, (являлось по 15-40 челов.), только занятія въ кружкахъ велись правильно. Теперь устраиваемъ собранія въ лѣсу (здѣсь почти никогда не бываетъ снѣга и стоитъ теплая погода). Рабочіе охотно посѣщаютъ ихъ. На одномъ изъ собраній были рабочіе и учащіеся (108 чел.). Обсуждали вопросъ объ избіеніи учащихся въ Курскѣ и друг. городахъ. Принята слѣдующая резолюція: „Царское правительство, затѣявшее въ своихъ интересахъ войну съ Японіей, переполнило чашу терпѣнія нашего многострадальнаго народа и вызвало къ себѣ негодованіе, выразившееся въ вооруженныхъ столкновеніяхъ, демонстраціяхъ пролетаріата и другихъ демократическихъ элементовъ и полулегальныхъ протестахъ либераловъ.

Пролетаріатъ—авангардъ революціоннаго движенія—кровью своею на улицахъ Петербурга и др. городовъ запечатлѣлъ готовность вести борьбу съ самодержавіемъ. Всѣ демократическіе элементы откликнулись на призывъ пролетаріата къ великой освободительной борьбѣ и рѣшили поддержать его. Учащіеся города Курска и друг. городовъ, отзывчивые, какъ большинство нашей учащейся молодежи, своими демонстраціями выразили презрѣніе самодержавному режиму и готовность поддержать борьбу противъ него. Но и правительство, вѣрное своей обычной тактикѣ въ борьбѣ съ врагами, звѣрски расправилось съ протестующими учащимися, направивъ на нихъ подкупленныхъ и подпоенныхъ водкой хулигановъ и полицейскихъ, которые жестоко избили даже малолѣтнихъ.

Въ виду этого, мы, читинскіе рабочіе и учащіеся, собравшись по приглашенію Читинскаго Комитета, въ количествѣ 108 чел., рѣшили выразить наше негодованіе царскому правительству и поддерживать всѣми силами и средствами начатую пролетаріатомъ подъ краснымъ знаменемъ соціальдемократіи борьбу противъ отживающаго деспотизма".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЯТЫЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ.

Оппортюнисты взяли реваншъ. Они отомстили соціальдемократіи за Ганноверъ, Дрезденъ и др. Многіе изъ тѣхъ, которые на соціальдемократическихъ конгрессахъ вотировали антибернштейновскіе резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой догмы, отъ всякой ортодоксіи. Это, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ: оппортюнизмъ терпѣть не можетъ опредѣленныхъ формулъ, но именно поэтому онъ можетъ подписаться подъ всякой формулой и искренно вѣрить, что она всецѣло совпадаетъ съ его міровоззрѣніемъ.

Но когда въ Кельнѣ имъ пришлось изложить свое собственное міросозерцаніе, оказалось, что оно въ высшей степени мизерно. Въ двухъ боевыхъ докладахъ — о майскомъ праздникѣ Роберта Шмидта и о массовой стачкѣ Бемельбурга — трудно найти какую нибудь руководящую центральную мысль, какую нибудь идею, выходящую за предѣлы торгашескихъ счетовъ о теряемыхъ пролетаріатомъ маркахъ и пфенигахъ. Но за то много крѣпкихъ словъ, патетическое возвеличеніе практическаго разума дѣятелей профессіональныхъ союзовъ и презрительное отношеніе къ теоріи, литераторамъ, международной солидарности.

Германская соціальдемократія больше какой нибудь другой соціалистической партіи сдѣлала для сохраненія единства рабочаго движенія, для поддержанія единенія между политическими и профессіональными организаціями пролетаріата. Профессіональное движеніе въ Германіи вызвано къ жизни и создано соціальдемократіей, которая дала ему своихъ вождей, свою прессу, свою объединяющую революціонную идею классовой борьбы. Профессіональные союзы въ свою очередь представляли тѣ организованные кадры пролетаріевъ, на которыхъ партія всегда могла разсчитывать при всѣхъ массовыхъ выступленіяхъ. И этому единству въ Кельнѣ нанесена несомнѣнно тяжелая рана, нанесена тѣми, которые, въ погонѣ за минутными практическими выгодами, позабыли, что за каждое такое увлеченіе, за каждое пренебреженіе теоретическими основами нашего движенія приходится платиться и подчасъ жестоко платиться пролетаріату. Въ послѣднее время стало модой среди вождей германской соціальдемократіи пренебрежительное отношеніе къ теоріи, только лѣнивый не лягаетъ ее. А дебаты въ Кельнѣ и исходъ ихъ — ослабленіе единства между политическимъ и профессіональнымъ движеніемъ пролетаріата — являются плодами этого пренебреженія.

Конечно, нуженъ былъ поводъ, но не явись онъ сегодня, его нашли бы завтра. Но и поводъ самъ по себѣ интересенъ: съѣздъ профессіональныхъ союзовъ оказывается недовольнымъ характеромъ празднованія перваго мая и дебатами о всеобщей стачкѣ, не сходящими со столбцовъ прессы и составляющими предметъ дискуссій въ рабочихъ собраніяхъ.

„Для своего дальнѣйшаго развитія профессіональные союзы нуждаются въ покоѣ", заявили въ своемъ докладѣ Бемельбургъ, по поводу чего Каутскій пишетъ въ „Neue Zeit":

„Поведеніе съѣзда въ этомъ вопросѣ (о всеобщей стачкѣ) напоминаетъ отчасти Франкфуртское Національное Собраніе 1848 и 1849 гг. Вскорѣ послѣ его конституированія наиболѣе энергичные, именно пролетарскіе элементы потребовали, чтобы оно позаботилось о необходимыхъ боевыхъ средствахъ, чтобы быть въ состояніи довести до конца неизбѣжный конфликтъ съ правительствомъ. Но Національное Собраніе нашло, что оно нуждается не въ боевыхъ средствахъ, а въ покоѣ, который скорѣе всего дастъ возможность избѣжать конфликтовъ. Но если бы правительства все таки осмѣлились на какой нибудь рѣшительный шагъ, тогда—о тогда, Собраніе вовсе не оказалось бы совершенно лишеннымъ всякой опоры, оно апеллировало бы къ непреодолимому свободолюбію нѣмецкаго народа.

„Однако, не смотря на всю уступчивость Національнаго Собранія конфликтъ все же наступилъ и явилась необходимость призывать къ возстанію. Но такъ какъ оно было неподготовлено и лишено всякаго руководства, то опорой оно оказаться не могло. Потребность Національнаго Собранія въ покоѣ не могло обезпечить покоя, а еще меньше побѣду; она имѣла только тотъ результатъ, что многочисленныя жертвы, павшія при возстаніи, погибли напрасно.

„Но потребность нашихъ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзовъ въ покоѣ идетъ еще дальше, чѣмъ потребность Національнаго Собранія. Это послѣднее отказалось создать себѣ собственную армію, т. е. отказалось совершить рѣшительный революціонный актъ, объявить войну правительствамъ. Референтъ же Кельнскаго съѣзда заявилъ, при всеобщемъ одобреніи, что въ интересахъ покоя, въ которомъ нуждаются профессіональные союзы, должна „исчезнуть и дискуссія о всеобщей стачкѣ". Отъ нихъ не требуютъ, чтобы они смѣлымъ выступленіемъ *завоевали* себѣ боевое средство, а только, чтобы они *дискутировали* о томъ боевомъ средствѣ, которое въ будущихъ битвахъ можетъ оказаться пригоднымъ. Но ихъ потребность въ покоѣ такъ сильна, ихъ отвращеніе къ большимъ битвамъ такъ велико, что имъ кажется опаснымъ, если ихъ члены *задумаются* надъ такими битвами. Въ Кельнѣ именно это *задумываніе* было запрещено. Резолюція съѣзда отвергаетъ не *примѣненіе* всеобщей стачки, а ея *пропагандированіе*".

По поводу перваго мая не принято было никакой резолюціи, такъ какъ, повидимому, у противниковъ этого празднованія не хватило храбрости быть послѣдовательными до конца. Но сильный ударъ майскому празднеству все таки нанесенъ и рѣчами на самомъ съѣздѣ, и агитаціей до и послѣ него. А между тѣмъ, никакія другія проявленія пролетарской жизни въ настоящее время не способны такъ объединить борьбу рабочаго класса, увеличить силу его революціоннаго натиска, какъ эти двѣ идеи — первомайскаго праздника и всеобщей стачки.

Послушаемъ опять по этому поводу Каутскаго. Въ другой своей статьѣ, напечатанной до открытія Кельнскаго съѣзда въ Leipziger Volkszeitung, Каутскій пишетъ:

„Майскій праздникъ является главнымъ выраженіемъ солидарности между соціальдемократіей и профессіональнымъ движеніемъ. Введенный рѣшеніями международныхъ конгрессовъ, на которыхъ были представлены обѣ части, профессіональные союзы и соціалистическія партіи, этотъ праздникъ, повторяясь изъ году въ годъ, является нагляднымъ выраженіемъ единодушнаго сотрудничества професс. союза и партійн. организацій, ихъ внутренняго единства, ихъ принадлежности къ единому организму борющагося пролетаріата.

„Если какъ разъ теперь дѣлается попытка измѣнить прежнюю форму празднованія, отмѣнить рѣшенія международныхъ конгрессовъ и нѣмецкихъ партейтаговъ, дѣлается не подъ давленіемъ необходимости, безъ всякой внѣшней причины, и въ такой моментъ, когда пріостановка работы въ день перваго мая приняла во всемъ мірѣ всеобщій характеръ, когда самый праздникъ празднуется съ такимъ воодушевленіемъ, какъ никогда прежде, и когда профессіональные союзы сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—то допуская, что въ основѣ этой попытки лежатъ весьма практическія соображенія, приходится сказать, что она легко можетъ имѣть весьма непрактическій результатъ, привести къ ослабленію тѣхъ узъ солидарности, которыя связываютъ различныя части рабочаго движенія въ Германіи и въ другихъ странахъ, ослабить эти узы какъ разъ въ такой моментъ, когда каждый дальновидный борецъ въ рядахъ пролетаріата долженъ себѣ сказать, что эти различныя части рабочаго движенія должны больше, чѣмъ когда бы то ни было, разсчитывать другъ на друга, что ихъ взаимное изолированіе никогда не было въ состояніи такъ повредить пролетаріату какъ именно теперь.

„Это-то сознаніе выдвигаетъ на первый планъ, несмотря на всяческое противодѣйствіе, вопросы о всеобщей стачкѣ... Въ 1892 году она была впервые съ успѣхомъ примѣнена въ Бельгіи... Съ тѣхъ поръ *экономическое* развитіе все больше и больше концентрировало капиталъ; одновременно мелкая буржуазія становилась все реакціоннѣе, крупный капиталъ все сильнѣе и насильственнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ буржуазная демократія становилась все безсильнѣе, а правительства все сильнѣе. Это развитіе, съ одной стороны, повело къ увеличенію числа такихъ профессіональныхъ дѣйствій, которыя имѣютъ болѣе чѣмъ мѣстное значеніе, которыя получаютъ значеніе національное, общегосударственное, слѣдовательно политическое. Съ другой стороны, въ результатѣ того же развитія оказалось, что чисто парламентскія дѣйствія, не поддержанныя снаружи могущественными боевыми средствами пролетаріата, теряютъ свое значеніе, что вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ соотношеніе силъ и государственная конституція еще не допускаютъ такихъ давленій снаружи, наступаетъ полный застой. При этомъ, однако, соціальныя противорѣчія такъ обостряются, что этотъ застой нигдѣ не можетъ быть продолжительнымъ, что мы вездѣ должны быть готовы къ тому, что вдругъ, за ночь ему будетъ положенъ конецъ, или какимъ-нибудь насиліемъ господствующихъ классовъ, желающихъ сковать пролетаріатъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ окрѣпнуть, или какимъ нибудь внѣшнимъ толчкомъ, какой былъ данъ въ Россіи настоящей войной.

„Словомъ, стачка уже теперь все болѣе и болѣе становится политическимъ дѣйствіемъ, которое тѣмъ больше имѣетъ шансовъ на успѣхъ, чѣмъ болѣе связаны между собой профессіональное движеніе и партія. Съ другой стороны, уже въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ государствъ, гдѣ стачка можетъ стать средствомъ давленія, чтобы завоевать пролетаріату политическія выгоды или отвратить отъ него какой нибудь политическій ущербъ; и въ этихъ случаяхъ опять таки необходимо энергическое сотрудничество профессіональныхъ союзовъ...

„Поэтому то настроеніе, которое нынче развивается въ профессіональныхъ союзахъ, можетъ имѣть всемірно-историческое значеніе. Лучшая часть нѣмецкаго пролетаріата, нынче организованная въ профессіональныхъ союзахъ, совершенно иначе справится съ надвигающимися задачами, если въ ней будетъ жить сознаніе, что она призвана не только наполнять кассы и участвовать въ ежедневной борьбѣ за пару марокъ и пфениговъ, но что отъ ея поведенія зависитъ будущее націи, въ извѣстномъ смыслѣ будущее международнаго пролетаріата, будущее всего общества".

Вожаки профессіональныхъ союзовъ не пожелали стать на эту точку зрѣнія. Тѣмъ хуже для нихъ! Что касается нѣмецкаго пролетаріата, то все его прошлое громко вопіетъ противъ кельнскихъ тирадъ. А пролетаріату принадлежитъ послѣднее слово.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили слѣдующее письмо отъ тов. Г. В. Плеханова:

„Товарищи, рѣшенія конференціи, нанесшія смертельный ударъ центральнымъ учрежденіямъ нашей партіи, заставляютъ меня сложить съ себя званія редактора Ц. О. и пятаго (выбраннаго вторымъ, *законнымъ* съѣздомъ) члена Совѣта.

Г. Плехановъ.

P. S. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы печатно спросить ту часть партіи, которая признаетъ обязательными рѣшенія „третьяго" съѣзда, желаетъ-ли она, чтобы я по-прежнему представлялъ эту, теперь, — увы!—разорванную партію въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро. Я могу остаться представителемъ россійской соціаль-демократической партіи *только* въ томъ случаѣ, если этого пожелаютъ *обѣ фракціи*.

Montreux, 29 мая 1905 г. Г. П.

Рѣшенія, которыя т. Плехановъ характеризуетъ, какъ наносящія смертельный ударъ центральнымъ учрежденіямъ (резолюція объ отношеніи къ другой части партіи), приняты конференціей, какъ *проэктъ*, подлежащій еще разсмотрѣнію организацій. Это обстоятельство, конечно, не мѣняетъ факта расхожденія по данному вопросу между конференціей и т. Плехановымъ. Глубоко убѣжденные, что выходъ т. Плеханова будетъ встрѣченъ сожалѣніемъ всѣхъ членовъ партіи, мы все-же должны выразить увѣренность, что конференція не могла поступить иначе, если хотѣла попытаться, наконецъ, разрубить запутавшійся гордіевъ узелъ нескончаемыхъ конфликтовъ о компетенціи. Дѣло партійныхъ организацій при окончательномъ рѣшеніи вопроса принять во вниманіе такой авторитетный голосъ противъ избранной конференціей тактики, какъ голосъ т. Плеханова.

Выходъ т. Плеханова изъ редакціи побуждаетъ насъ теперь же заявить партіи, что мы сдаемъ свой коллективный мандатъ въ руки партійныхъ организацій, продолжающихъ признавать „Искру" своимъ партійнымъ органомъ, и приглашаемъ ихъ при первой къ тому возможности назначить заново ея редакцію и опредѣлить ея организаціонныя отношенія къ данной части партіи. Впредь до рѣшенія этого вопроса, заграничное литературное дѣло будетъ вестись въ прежнемъ порядкѣ оставшимся большинствомъ коллегіи.

⁂

Редакція „Искры" — до выхода т. Плеханова — постановила кооптировать весь составъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ (тов. Дана, Кольцова, Мартынова и Ортодоксъ). Въ отвѣтъ на это приглашеніе тт. Мартыновъ, Данъ и Кольцовъ прислали 19 мая отказъ отъ вступленія въ настоящее время въ редакцію Ц. О., мотивируя его тѣмъ, что считаютъ неудобнымъ производить измѣненія въ составѣ редакціи впредь до того, какъ конференціи партійныхъ работниковъ выскажутся о желательныхъ измѣненіяхъ въ организаціи партіи вообще и ея литературнаго дѣла въ частности. Тов.-же Ортодоксъ отвѣтила слѣдующимъ письмомъ;

„16 мая редакція „Искры" кооптировала меня.

Раздѣляя вышеизложенный взлядъ Г. В. Плеханова на тактику конференціи, отказываюсь отъ чести принимать участіе въ редакціи „Искры". 8 Іюня 1905 г. Ортодоксъ.

Вышли изданія: „Искры": 1) „Постоянное войско или вооруженіе всего народа?" (брош. изъ серіи „Наши требованія", 2) Волонтеръ, „Русско-японская война, причины, ходъ и послѣдствія (брош.); 3) Конференція кавказскихъ комитетовъ. **Москов. Группы:** „Царь, народъ и погромъ" (4500 экз.). **Московск. Ком.** „Голосъ труда" (№ 3). **Тверского Комитета** „Къ рабочимъ Морозовской фабрики" (600 экз.). **Смоленскаго Ком.**: 1) „Царизмъ наканунѣ всенароднаго возстанія" (4000); 2) Майскій листокъ (2000); 3) Солдатская памятка (2000). **Харьковскаго Ком.** (отъ имени желѣзнодор. района) — 6 прокламацій къ желѣзнодор. рабочимъ. **Одесск. Группы:** 1) „Смерть тиранамъ, свобода народу!" (изъ Соціальдем. 8000); 2) „Къ фармацевтамъ"; 3) „Что же теперь"? (изъ „Искры"—5000 экз.), „Гибель эскадры Рожественскаго и Земскій Соборъ (8000 экз.); **Одесскаго Комитета**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (5000 экз. **Тифлисск. Комитета**: 1) „Къ солдатамъ"; 2) „Къ служащимъ правительств. и частн. конторъ" (отъ группы конторщиковъ); 3) „Къ пріѣзду намѣстника". **Кубанскаго Ком.**: 1) „Пауки и мухи" (10,000), 2) „Къ Кубанскимъ казакамъ" (отъ соц.-дем. группы кубанск. казаковъ — 4000). **Кавказской группы этого Ком.**: 1) „Къ рабочимъ желѣзн. депо ст. Кавказской" (120); 2) „Къ жителямъ хутора Романовскаго (250); 3) Что такое Учред. Собр. (140); 4) „Пауки и мухи" (300); 5) Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа? (150); 6) Петиція спб. раб. (150); 7) Онъ прощаетъ" (200). **Донского Ком.**: 1 мая (печ.). Пораженіе самодержавія. **Донецкаго Ком.**: „Смерть тиранамъ, свобода народу!" (8000); 2) Первое мая (8500). **Юзовской группы**: денежн. отчетъ съ 1 марта по 10 мая. **Рыбинск. гр.**: отчетъ за мартъ — апрѣль. **Гр. соц.-дем. въ м. Копысь** По поводу Цусимскаго пораженія (гект.). **Петербургской Гр.**: 1) „Рабочіе, требуйте прекращенія войны!", 2) „Долой позорную бойню!"; 3) Къ рабочимъ патронаго завода (Васильеостр. районъ); 4) Къ раб. фаб. Штиглица (город. районъ). **Саратовск. Ком.** 1 мая и „Къ обществу" **Иркутск. Ком.**: Майскій лист. **Томск.**: „Къ гражданамъ", (5000); „Сила пролетаріата" (5000); Майскій (4000); Къ телеграфист. (2000), „Хроника" (9000); „Къ служащимъ упр. жел. дор." (1000); **Читинскимъ** „Земскій Соборъ" (1500), „Онъ прощаетъ" (1000 — изъ Искры), Извѣщеніе о конференціи с.-д. партіи (1500), „Коммиссія Булыгина" (2000), Къ телеграфистамъ (1000). **Красноярск.** „Резолюція нижнеудинск. раб." (500), „Царскій манифестъ" (1500), „Онъ прощаетъ!" (1000), „Къ рабочимъ и работницамъ" (2000), „Варшавянка" (500), „Къ приказчикамъ" (700), „Земскій Соборъ или Учредит. Собраніе?" (2000), „Къ солдатамъ". **Крымскаго Союза**: „Товарищи рабочіе" (4 т.), „Къ раб. Севаст. порта" (2 т.). **Симфер. орг. Кр. союза**: „Къ приказчикамъ", „Къ столярамъ", „Къ пекарямъ". **Севаст. орг.**: „Къ приказчикамъ". **Союза Бакинскихъ раб.** (прежняя „Орг. Балах. и Бибиэйбатскихъ раб."): „Ко всѣмъ раб." (3 т.), „Требованія нефтепромышленникамъ" (подписана совмѣстно съ ком. партіи и ком. гнчакистовъ — 4 т.), „Требованія бак. раб. и раб.-цъ". **Черниг. группы**: „О ком. Шидловскаго" (200), „По поводу призыва монархистовъ къ погрому (250), Солдатская памятка (300), Призывъ къ всеобщей забастовкѣ" (800), 1 мая (450). Требованія переплетчиковъ (400), Требов. модистокъ (365), Треб. приказчиковъ (450), Къ земскимъ гласнымъ" (275).

Приблизительное количество зарегистрированныхъ здѣсь изданій (вышедшихъ въ Россіи) — 180,000.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали изъ Енис. губ.: Левъ и Марія Гольдманъ (съ поселенія по дѣлу тип. „Искры"); Элькинъ (тоже; арестованъ); **изъ** Якутск. обл.: Абрамъ Гинзбургъ (дѣло „Южн. Раб." 1902 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

26 П. № 1 и 2 получены. Какимъ ключемъ шифруете? Иты, Брутъ! **Весермянину.** Напишите Мюльгаузенъ свой адресъ. **27 П.** Все получаемъ. Спасибо. **Маріуполь.** Получено. Отвѣтили.

За недостаткомъ мѣста, отчетъ о дѣятельности Рыбинской, Кишиневской, Вятской, Черниговской и Петровско-Вольнцевской организацій, равно какъ денежные отчеты и резолюціи, выпускаются отдѣльнымъ приложеніемъ къ № 101 „Искры".

Адресъ для всякаго рода сношеній съ ред. „Искры" и „Зари", съ Орган. Ком. и съ „Лигой Русской Рев. Соц.-Дем.":
Mr Paul Axelrod 4 Bd Pont d'Arve Genéve (Suisse).
(Просятъ обозначать: для И. К., для ред. или для Лиги)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrénière 27, Genéve.